

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б. М. ШЕРЕШЕВСКИЙ

В БИТВАХ ЗА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

(1920 - 1922 гг.)

Ответственный редактор
канд. ист. наук В. А. ДЕМИДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Новосибирск•1974

В книге освещаются малоисследованные вопросы второго этапа гражданской войны на Дальнем Востоке, связанного с существованием Дальневосточной «буферной» республики. Особый интерес представляет конкретный показ роли ЦК РКП (б) во главе с В. И. Лениным и Дальбюро ЦК РКП (б) в осуществлении сложного политического курса Советского государства на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг., итогом которого явились крах интервенции и внутренней контрреволюции и торжество ленинской политической и военной стратегии и тактики.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов, на всех, кто интересуется историей гражданской войны в СССР.

...Взятие Владивостока показало нам (ведь Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький), показало нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям. И здесь и там — РСФСР¹.

В. И. Ленин

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война — один из самых героических периодов в жизни советского народа, в деятельности Коммунистической партии, о котором уже написаны и еще будут написаны тысячи книг и исследований. При наличии общих закономерностей ход гражданской войны в каждом районе нашей страны имел свои существенные особенности. К числу таких районов, где классовая борьба в этот период приобрела особую остроту и чрезвычайно затяжные формы, В. И. Ленин относил Дальний Восток. В плане доклада на IV Конгрессе Коминтерна он записал: «Пять лет (до Владивостока 1922) борьбы, войны и голода. Только теперь — мирное строительство»².

Историки уделяют большое внимание проблемам гражданской войны на Дальнем Востоке. Только за последние годы было защищено 8 докторских диссертаций, посвященных этой неисчерпаемой теме³. Но все они (за

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 45, с. 302—303.

² Ленинский сборник, т. XXXVI, 1959, с. 508.

³ Мальшев В. П. Борьба рабочих и крестьян за установление Советской власти на Амуре в 1917—1922 гг. М., 1954; Хаптаев П. Т. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Бурятии. М., 1968; Крушанов А. И. Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Л., 1964; Куцый Г. С. Рабочий класс Дальнего Востока в период Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции (март 1917 — март 1920 гг.). М., 1964; Рейхберг Г. Е. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война на Дальнем Востоке и в других районах. М., 1965; Беликова Л. И. Приморская организация РКП (б) и ее деятельность в годы Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и империалистической интервенции на Дальнем Востоке. М., 1965; Шерешевский Б. М. Коммунистическая партия — организатор Дальневосточной республики и ее борьбы за осуществление политики Советского государства на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Пермь, 1967; Шурыгин А. П. Коммунистическая партия — организатор победы над интервентами и белогвардейцами на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1968.

исключением исследований Г. Е. Рейхберга) либо охватывают первый ее период — до марта 1920 г., либо посвящены революционной борьбе в отдельных областях Дальнего Востока с 1917 по 1922 г., к тому же не разделяют периоды Октябрьской революции и гражданской войны.

Второй период гражданской войны (апрель 1920 — ноябрь 1922 гг.), связанный с существованием ДВР — Дальневосточной «буферной» республики, — всесторонне обобщающие исследования как-то обошли. Между тем создание и деятельность ДВР представляет собой оригинальный по замыслу и смелый по осуществлению тактический шаг Коммунистической партии и Советского государства на Дальнем Востоке. Отказ от немедленной советизации территории к востоку от Байкала является одним из образцов революционно-целесообразного компромисса с империализмом, вызванного международно-политическими условиями.

Исследование истории ДВР дает возможность раскрыть все величие ленинского стратегического и тактического руководства, показывает на конкретном материале, как Коммунистическая партия под руководством Центрального Комитета во главе с В. И. Лениным умело сочетала высокую принципиальность с гибкостью, использовала внутренние противоречия между врагами, применяла маневрирование, военные и невоенные средства борьбы, целесообразные компромиссы «с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками»⁴ во имя коренных интересов социалистической революции.

История существования и деятельности Дальневосточной «буферной» республики может быть, на наш взгляд, разделена на четыре основных периода:

1. Январь — апрель 1920 г. — разработка курса Коммунистической партии на создание «буферного» государства на Дальнем Востоке. Начало образования ДВР.

2. Апрель — ноябрь 1920 г. — борьба ДВР за ликвидацию «Читинской пробки» и объединение Дальнего Востока.

3. Ноябрь 1920 г. — апрель 1921 г. — завершение образования ДВР. Организационное оформление Дальневосточной краевой организации РКП (б).

4. Май 1921 г. — ноябрь 1922 г. — политическое, экономическое и военно-дипломатическое укрепление

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 41, с. 54.

ДВР как оплота Советской России в борьбе за освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев. Воссоединение «буферного» государства с РСФСР.

Первые два периода исследованы автором ранее⁵. Предлагаемая книга в основном посвящена анализу двух последующих. На этих этапах завершилось государственное оформление дальневосточного «буфера», определились направления и формы его внутренней и внешней политики, методы ее осуществления.

При исследовании сложных перипетий истории Дальневосточной «буферной» республики автор опирался на теоретическое наследие В. И. Ленина и его сподвижников, материалы партийных съездов, конференций, пленумов и заседаний Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б). Принципиальное значение для уяснения исторической необходимости и сущности созданного на Дальнем Востоке «буферного» государства имеет марксистско-ленинская трактовка проблемы использования целесообразных компромиссов. Развивая взгляды Маркса и Энгельса, В. И. Ленин разработал целостную теорию и тактику использования революционно-целесообразных компромиссов. Ленинские мысли о принципах «компромиссной» и, в частности, «буферной» политики имеют неограниченное значение, являясь тем компасом, который позволяет правильно ориентироваться в сложном лабиринте «буферной» политики на советском Дальнем Востоке в 1920—1922 гг.

В теоретическом и политическом плане В. И. Ленин уделял большое внимание Дальнему Востоку периодов социалистической революции, гражданской войны, существования ДВР. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует разнообразная литература о гражданской войне, интервенции и военно-политическом положении на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., которая имела в личной библиотеке В. И. Ленина. Здесь были и рукописные работы, посвященные вопросам международного положения и внешней политики ДВР⁶.

В. И. Ленин дал глубокую характеристику начавшейся на Дальнем Востоке весной 1918 г. интервенции, показал расстановку сил в лагере интервентов, определил

⁵ Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины (О роли ДВР в борьбе за ликвидацию «Читинской пробки» и объединение Дальнего Востока). Новосибирск, 1966.

⁶ Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961, с. 137, 228, 229, 231, 233, 290, 291, 328.

роль белогвардейских ставленников типа Семенова⁷. Сорвав все и всяческие маски с организаторов интервенции, проанализировав социально-классовую направленность наглого, преступного, грабительского нашествия японо-американских империалистов на Дальнем Востоке, В. И. Ленин высоко оценил самоотверженную борьбу трудящихся против внутренней и внешней контрреволюции, указав, что «русские крестьяне оказывают разбойникам-капиталистам Японии и Соединенных Штатов Северной Америки героическое сопротивление»⁸.

Особенно большого внимания заслуживают указания и мысли В. И. Ленина, касающиеся различных аспектов советской политики на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. В. И. Ленин исчерпывающе объяснил причины образования ДВР, выяснил характер тактической линии Коммунистической партии в «буферном» строительстве, определил основы взаимоотношений между коммунистами и мелкобуржуазными партиями, охарактеризовал сущность и особенности политического строя «буферного» государства и его отношений с Советской Россией. В трудах В. И. Ленина мы находим важные оценки дипломатической борьбы и межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке, военно-политического и международного положения ДВР, ее внешней политики. Работы В. И. Ленина содержат ряд важных характеристик видных деятелей ДВР (в частности, председателя ее правительства А. М. Краснощекова), а также общую оценку политического курса Советского государства на Дальнем Востоке, который обеспечил в конечном счете, несмотря на гигантские трудности, ликвидацию иностранной интервенции и белогвардейщины⁹.

В двадцатые годы были сделаны первые шаги в научной разработке истории гражданской войны на Дальнем Востоке, в том числе и периода ДВР. К числу первых серьезных работ следует отнести книги Я. З. Покуса и П. С. Парфенова, изданные в 30-е и 40-е годы работы З. Г. Карпенко, Г. Е. Рейхберга, Ю. Осноса, С. Н. Шишкина, П. И. Кабанова, Н. В. Мостовца¹⁰.

⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 36, с. 253, 322, 330.

⁸ Там же, т. 39, с. 114—115.

⁹ Там же, т. 42, с. 93; т. 51, с. 137, 156, 334, 413; т. 54, с. 106, 219, 429; Ленинский сборник, XXXVI, с. 327.

¹⁰ Покус Я. Борьба за Приморье. М., 1926; Парфенов П. С. На соглашательских фронтах. М., 1927; Он же. Борьба за Дальний Восток. М., 1928 (Второе издание, 1931), с. 4; Карпенко З. Г. Граж-

Книги П. С. Парфенова содержат ценный фактический материал по ряду вопросов партийного строительства и военно-политической жизни «буферной» республики. Однако, как считал сам автор, их «нельзя назвать историей. Документальное освещение событий переплетается в них с воспоминаниями и умозрительными заключениями». В работе З. Г. Карпенко была предпринята одна из первых попыток проанализировать государственно-политическую структуру «буферного» государства. Книга Г. Е. Рейхберга ввела в оборот много ценных сведений и данных, характеризующих японскую интервенцию и борьбу против нее (военно-дипломатическую) в период ДВР. Работа С. Н. Шишкина представляет собой опыт связного изложения Военных операций НРА в борьбе за освобождение Дальнего Востока. В статье П. И. Кабанова впервые был дан анализ некоторых важных явлений экономической жизни ДВР.

Однако начатая в 20—30-е годы научная разработка отдельных важных сторон второго периода гражданской войны на Дальнем Востоке с середины 30-х годов в значительной степени затормозилась. Тематика работ стала крайне ограниченной. Кроме того, немногочисленные работы, написанные на сюжеты истории ДВР, в большей или меньшей степени содержали серьезные недостатки. Сложные и противоречивые события периода существования ДВР нередко истолковывались упрощенно. Это особенно отчетливо проявилось в кандидатской диссертации К. М. Ломовцевой¹¹ и во введении к сборнику «Борьба за власть Советов в Приморье».

Важные перемены в развитии советской исторической науки вызвали решения XX съезда КПСС. Более глубоко и объективно стала рассматриваться и история

данская война в Дальневосточном крае. Хабаровск, 1934; **Рейхберг Г. Е.** Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. М., 1940; **Оснос Ю.** Три международных конференции Дальневосточной республики. — «Историк-марксист», 1939; № 4; **Шишкин С. Н.** Борьба за освобождение Дальнего Востока. М., 1941; **Кабанов П. И.** Из истории Дальневосточной республики (1920—1922 гг.), — «Ученые записки Московск. городского пед. ин-та им. Потемкина. Кафедра истории СССР», 1947, т. II, вып. 2; **Мостовец Н. В.** Дайренская конференция, — «Ученые записки Академии обществ. наук», 1948, вып. 2.

¹¹ **Ломовцева К. М.** Борьба большевиков Дальнего Востока с меньшевиками и эсерами в период существования ДВР (1920—1922 гг.). М., 1947; **Борьба за власть Советов в Приморье.** 1917—1922 гг. Владивосток, 1955.

ДВР в общих работах,, научно-популярных трудах и мемуарах¹².

Активизировалась специальная разработка вопросов истории ДВР. С. Н. Шишкин, продолжая работу, начатую в начале 40-х годов, опубликовал труд, который представляет собой первое удачное исследование военной истории борьбы с интервенцией и белогвардейщиной на Дальнем Востоке¹³. Бесспорно интересна книга Л. ђ VI. Папина¹⁴. Автор впервые ввел в научный оборот некоторые новые документы, касающиеся предпосылок к истории образования ДВР. Содержательны брошюры Н. А. Авдеевой и Н. П. Егунова¹⁵, являющиеся первыми научно-популярными очерками истории ДВР. Серьезное внимание историков привлекла капитальная работа С. С. Григорцевича¹⁶, в которой анализируется дипломатическая деятельность ДВР в 1921—1922 гг. В этом же плане успехом надо признать выход в свет книги М. А. Персица^{17 18}, посвященной исследованию одной из важных сторон внешней политики ДВР — укреплению дружбы с Китаем.

Появились также работы, освещающие некоторые стороны деятельности Коммунистической партии и ее местных организаций в борьбе с интервенцией и белогвардейщиной (1920—1922 гг.)¹⁸. Большую ценность

¹² См., например: 9 глава 5-го тома «История гражданской войны в СССР». — «Освобождение Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев». М., 1960; Голионко В. П. В огне борьбы. М., 1958; Губельман М. И. Борьба за советский Дальний Восток. М., 1958; Ильяхов Н., Самусенко И. Партизанское движение в Приморье (1918—1922 гг.). М., 1962; Постышев П. П. Из прошлого. М., 1957; Петров Ф. Н. 65 лет в рядах ленинской партии. М., 1962; Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М., 1963; Казанин М. И. Записки секретаря миссии. М., 1963; Бородавкин В. Годы грозные. Владивосток, 1964; Жигалин Я. П. Партизанские отряды занимали города... Барнаул, 1964; Элеш В. М. Записки подпольщика. Владивосток, 1965; Дворкин Я. Год 1920. — «Свет над Байкалом», 1960, № 6; Воспоминания бывших ответственных работников ДВР — в кн.: Красногвардейцы и партизаны. Чита, 1957; и др.

¹³ Шишкин С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957.

¹⁴ Папин Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М., 1957.

¹⁵ Авдеева Н. А. Дальневосточная народная республика. Хабаровск, 1957; Егунов Н. П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ. 1972.

¹⁶ Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957.

¹⁷ Персиц М. А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962.

¹⁸ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 3, кн. 2, раздел 3, гл. 18 — «Дальний Восток снова советский». М., 1967;

имеет глава о ДВР во второй книге третьего тома «Истории КПСС», представляющая собой попытку дать лаконичную обобщающую характеристику и оценку деятельности большевистских партийных организаций Дальнего Востока в 1920—1922 гг. Некоторые важные стороны политики Коммунистической партии на Дальнем Востоке в период ДВР освещены в коллективной монографии «Героические годы борьбы и побед». Эта книга — пример плодотворного сотрудничества историков и участников событий. Ее авторы — ветераны гражданской войны на Дальнем Востоке Ф. Н. Петров, О. А. Лазо, К. П. Серов, М. М. Свиридова, В. Я. Пляскин, А. Т. Якимов; научные работники Г. Е. Рейхберг, С. Н. Шишкин и А. П. Шурыгин.

В последние годы в журналах, ученых записках вузов и научных учреждений, трудах конференций были опубликованы материалы, характеризующие отдельные аспекты жизни «буферного» государства на Дальнем Востоке¹⁹. Необходимо, однако, заметить, что в этих

Героические годы борьбы и побед (Дальний Восток в огне гражданской войны). М., 1968; **Шурыгин А. П.** Коммунистическая партия — организатор разгрома иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на советском Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). М., 1957; **Беликова Л. И.** Большевики Приморья в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Владивосток, 1960; **Она же.** Коммунисты Приморья в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (Приморская организация РКП(б) в 1917—1922 гг.). Хабаровск, 1967; **Малышев В. П.** Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961; **Хаптаев П. Т.** Бурятия в годы гражданской войны. Улан-Удэ, 1967; **Шерешевский Б. М.** Забайкалье в период Дальневосточной республики (1920—1922 гг.). Чита, 1960; **Он же.** Разгром семеновщины (О роли ДВР в ликвидации «Читинской пробки» и объединении Дальнего Востока). Новосибирск, 1966; **Василевский В. И., Грунин Г. В., Изгачев В. Г., Рейхсберг Г. Е., Шерешевский Б. М.** Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1967.

¹⁹ **Шурыгин А. П.** Дальбюро ЦК РКП (б) в период гражданской войны (1920—1922 гг.).— В кн.: Из истории советского Дальнего Востока. Хабаровск, 1968; **Он же.** Дальбюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны.— «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8; **Щагин Э. М.** Из истории Дальневосточной республики (1920—1922 гг.).— «Ученые записки Московск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», 1970, № 370; **Шерешевский Б. М.** Создание Дальневосточной республики.— «Вопросы истории», 1966, № 3; **Он же.** Сиббюро ЦК РКП (б) и создание Дальневосточной республики.— «Вопросы истории КПСС», 1972, № 11; **Беликова Л. И.** Борьба Владивостокской партийной организации за воссоединение областей Дальнего Востока.— В кн.: Материалы по истории Владивостока, кн. 2. Владивосток, 1960; **Она же.** Из истории Дальневосточной республики (1920—1922 гг.).— «Труды Дальневост. фил. АН СССР. Сер. истор.», Владивосток, 1961; **Крушнов А. И.** Владивостокская подпольная партийная школа.— «Труды Дальневост. фил. Сер. истор.», Владивосток, 1961.

работах многие сложные вопросы ДВР раскрыты далеко не полностью. Недостаточно освещена роль ЦК партии, Сиббюро ЦК РКП (б) и В. И. Ленина в разработке и осуществлении политических задач Советской власти на русском Дальнем Востоке в 1920—1922 гг.

Следует отметить, что в отдельных работах содержатся некоторые субъективистские положения и выводы²⁰.

В последнее время историки заинтересовались и некоторыми частными вопросами государственного строительства, внутривластной, хозяйственно-экономической и культурной жизни Дальневосточной республики.

Отрадна публикация статей, посвященных военному строительству ДВР, борьбе с империалистической экспансией, концессионной политике²¹. Однако сложный процесс становления дипломатии ДВР все еще нуждается в тщательном и углубленном исследовании.

История ДВР — тема, мимо которой не прошла зарубежная буржуазная историография. Уже в начале 20-х годов были опубликованы работы американских историков и публицистов. Однако в них искажается обстановка в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: в одних утверждается, что сибирское крестьянство якобы не склонно было поддерживать большевиков; в других делается глубокомысленный вывод о том, что образование «буфера» было продиктовано тем, что «условия Восточной Сибири были неподходящими для коммунизма»²².

После второй мировой войны в США активизировалась деятельность историков-фальсификаторов, выпустивших ряд «исследований», касающихся некоторых аспектов истории ДВР²³. Основная целевая установка

²⁰ См. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 11, с. 125.

²¹ **Мухачев Б. И.** Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по борьбе с иностранной экспансией на Камчатке (1920—1921 гг.). — В кн.: Вопросы истории советского Дальнего Востока. Владивосток, 1963; **Геккер О. Л.** К вопросу о концессионной политике Дальневосточной республики. — В кн.: Сб. рефератов, докладов науч. конф. Читинского гос. пед. ин-та. Чита, 1959; **Шурыгин А. П., Якимов А. Т.** Народно-революционная армия Дальневосточной республики (1920—1922 гг.). — «Дальний Восток», 1966, № 1; **Шерешевский Б.** Как создавалась Народно-революционная армия Дальневосточной республики. — «Военно-исторический журнал», 1966, № 5; **Авдеева Н., Чечулина Г.** Пять лет героической борьбы. Хабаровск, 1972; **Кольцов П. С., Степанов А. С.** Роль ленинской внешней политики в борьбе за победу Советской власти на Дальнем Востоке. — «Вопросы истории КПСС», 1972, № 4.

²² **B. V. H. V. V. Fav.** The President of the Far Eastern Republic. — «Asia», 1921, October; **H. Norton.** The Far Eastern Republic of Siberia. London, 1923, p. 131.

²³ **C. A. Manning.** The Siberian Fiasko., N. V. 1952; **T. A. Wife.** The Siberian Intervention. Princeton, 1950; **B. Unterberger.** America's

этого несколько неожиданного внимания к истории ДВР ясна — обелить роль США в антисоветской интервенции на Дальнем Востоке, наперекор фактам убедить читателя, будто США занимали благожелательную позицию в отношении ДВР. Б. Унтербергер пытается даже утверждать, что государственный департамент США сыграл решающую роль в принятии Японией решения об эвакуации своих войск из Приморья, и правительство ДВР должно благодарить США за это. Б. Унтербергер стремится доказать далее, что твердая линия делегации ДВР на Чанчуньской конференции по сахалинскому вопросу стала возможной потому, что США сделали Японии какое-то предостережение. В работах Танга и Уэйя дипломатическая деятельность Дальневосточного «буферного» государства изображается либо как продолжение дореволюционной политики русского царизма, либо как фактор «экспорта революции».

Таким образом, печать фальсификации коснулась и истории ДВР и важной задачей советских исследователей становится опровержение измышлений буржуазных историков, показ истинного характера дальневосточной политики Коммунистической партии и Советского государства в 1920—1922 гг. Думается, в дальнейшем углубленном рассмотрении нуждаются вопросы о роли ЦК партии, Сиббюро и Дальбюро ЦК РКП (б) в разработке и осуществлении политического курса Советского государства на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. и о роли партии в создании, боевом и политическом укреплении Народно-революционной армии.

Нельзя не подчеркнуть, что историк, изучающий проблемы ДВР, имеет возможность базировать свои исследования на широком круге источников²⁴. При этом необхо-

Siberian Expedition. 1918—1920. Durham, 1956; P. Tang. Russian and Soviet policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911—1931. Durham. 1959; H. Wei. China and Soviet Russia. Toronto — New York—London, 1956.

²⁴ Автор использовал 54 документальных и статистических сборника, в том числе американские публикации, и материалы 35 газет и 14 журналов (коммунистических и враждебного лагеря), а также ценнейшие данные, любезно сообщенные участниками событий: И. Н. Аксеновым, А. И. Блинниковым, С. Г. Велсжевым, А. Н. Геласимовой, Н. К. Гончаровым, М. И. Губельманом, Я. М. Дворкиным, С. П. Днепровским, Я. П. Жигалиным, Б. Г. Ждановым, Н. К. Ильюховым, И. Л. Ковалевым, С. С. Киргизовым, В. И. Манторовым, П. М. Никифоровым, Ф. Н. Петровым, М. Г. Ушаковым, П. Ф. Федорцом, С. Г. Черемных, Н. Е. Широких, Г. Х. Эйхе, А. Т. Якимовым.

димо исходить из данных не отдельных источников, а из их совокупности, руководствуясь известным методологическим указанием В. И. Ленина относительно фактической основы исследований в области общественных наук²⁵.

* * *

Сложный и трудный путь прошли трудящиеся Дальнего Востока под руководством Коммунистической партии в борьбе за власть Советов. Дальневосточный пролетариат, проявивший уже в 1905—1907 гг. свою силу, в период свержения самодержавия и борьбы за победу социалистической революции шел в авангарде революционного движения края. Верной опорой рабочего класса в борьбе за установление и упрочение Советской власти была крестьянская и казачья батрацко-бедняцкая масса.

Борьба за Советскую власть на Дальнем Востоке, будучи неразрывной составной частью общероссийской пролетарской революции, имела ряд своеобразных черт, особенностей и дополнительных трудностей. Советская власть во многих местах Дальнего Востока установилась позднее, чем в других районах страны. Если во Владивостоке и Хабаровске Советы взяли в свои руки всю полноту власти в начале декабря 1917 г., то в Благовещенске и Чите соответственно — в конце января и середине февраля 1918 г. Триумфальное шествие Советской власти завершилось на Дальнем Востоке к началу марта 1918 г. К этому времени на всей территории Дальневосточного края — от Байкала до Тихого океана — установилась власть Советов, развернулся процесс разрушения старого государственного аппарата. На основе демократического централизма создавалась система органов новой Советской власти. Стали закладываться основы социалистической экономики, формироваться органы управления народным хозяйством.

Первые шаги социалистического строительства на Дальнем Востоке сопровождались острой классовой борьбой. Сразу же против Советов поднялась белогвардейская контрреволюция. В январе в Забайкалье вторглись банды атамана Семенова, в марте на Амуре начался белоказачий мятеж Гамова.

Но внутренняя контрреволюция была слишком слаба, чтобы собственными силами развязать гражданскую вой-

²⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 30, с. 351.

ну. Тогда она обратилась за помощью к иностранным империалистам, которые в конце 1917 г. по «собственной инициативе» стали разрабатывать планы вмешательства в «русские дела». В силу своего положения (отдаленность от центра, большая протяженность границ с зарубежными государствами, огромные естественные богатства) Дальний Восток стал вскоре одним из основных участков антисоветской интервенции. 5 апреля 1918 г. началась высадка японских и английских войск во Владивостоке. В конце мая вспыхнул подготовленный США, Англией и Францией контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса. В августе 1918 г. сюда пожаловали американские части. Одновременно в различные пункты Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Забайкалье) были направлены части китайских милитаристов.

На Дальнем Востоке возникли Даурский (январь — июль 1918 г.), Гродековский (май — июнь 1918 г.), Уссурийский (июль — август 1918 г.) и Прибайкальский (июль — август 1918 г.) фронты.

Используя многократное преимущество в численности войск (красные боевые части Дальнего Востока имели не более 25—30 тыс. чел., а интервенты и белогвардейцы, по самым скромным подсчетам, — 80—90 тыс.) и вооружении, интервенты и белогвардейцы добились временного свержения на Дальнем Востоке Советской власти. Состоявшиеся в конце августа 1918 г. на ст. Урульга Забайкальской железной дороги и в Хабаровске конференции представителей Центросибири и руководящих работников Забайкалья и Дальнего Востока приняли решение отказаться от борьбы с врагом организованным фронтом и перейти к партизанским формам борьбы.

Империалисты, стремясь закрепиться на Дальнем Востоке, насадили здесь своих ставленников в виде всякого рода атаманов типа Семенова (в Забайкалье), Калмыкова (в Приамурье), Гамова (в Амурской области). Захватив огромный край, интервенты и белогвардейцы в первую очередь отменили все законы и установления Советской власти и приступили к реставрации старых, дореволюционных порядков. Были восстановлены дореволюционные права офицерства, чины и звания царских чиновников, казачье сословие. Стали возвращаться прежним владельцам национализированные предприятия. Было отменено советское аграрное законо-

дательство, и крестьянам предложено пользоваться только «теми земельными грянями, кои были до марта 1917 года»²⁶.

С самого начала правления белогвардейщина использовала захваченную власть для классовой мести. Составлялись «черные списки», началось массовое увольнение рабочих с предприятий. По всему Дальнему Востоку развернулись кровавые расправы с населением. Жертвами белого террора стали многие тысячи коммунистов и беспартийных, среди которых были такие крупные советские, партийные и военные работники, как И. А. Бутин, А. П. Вагжанов, В. М. Серов, Ф. Н. Мухин, К. А. Суханов, В. В. Сакович, Ф. Е. Балябин и др. В Забайкалье Семенов создал 11 стационарных застенков. В Приамурье калмыковцы создали «вагоны смерти» — места пыток, сравнимые лишь с застенками средневековой инквизиции.

Страшный этот режим белого террора держался на штыках иностранных интервентов: летом 1919 г. на востоке страны находилось 250—270 тыс. войск интервентов.

Контрреволюционная и антинациональная политика белогвардейских правителей, являвшихся прямыми ставленниками зарубежных империалистов, вызывала не только горе, но и гнев народа. Уже осенью 1918 г. в различных районах стали создаваться подпольные большевистские группы. Организация подполья была сопряжена с немалыми трудностями, так как многие видные большевики, оставленные для нелегальной работы в Чите, Верхнеудинске и Владивостоке, были вскоре арестованы, погибли в белогвардейских застенках, а другие оказались вынужденными сменить место пребывания.

Несмотря на все это, большевики Дальнего Востока, оправившись от первых ударов контрреволюции, начали восстанавливать свои силы. Так, к декабрю 1918 г. во всех крупных центрах края имелись подпольные большевистские комитеты. Трудящиеся Дальнего Востока, руководимые коммунистами, стали организовывать и давать вооруженный отпор интервентам и белогвардейцам.

Осенью 1918 г. в Приморье (на Партизанском руднике и в Партизанской долине), в Амурской области (в деревнях Средне-Белой, Комиссаровке, Троицком) произошли первые вооруженные выступления. С начала 1919 г. разворачивается партизанское движение в Забайкалье, Приамурье и Прибайкалье.

²⁶ ГАЧО, ф. 58, сп. 1, д. 7, л. 13.

В результате героической организаторской работы партии партизанское движение на Дальнем Востоке, руководимое такими талантливыми военачальниками-самородками, как С. Г. Лазо, П. Н. Журавлев, Е. В. Лебедев, Г. С. Дрогошевский, Д. И. Бойко-Павлов, становилось к середине 1919 г. все более массовым, превращалось в крупную боевую силу. Важнейшее значение для развития партизанского движения имело практическое осуществление решений VIII съезда партии и 3-й Сибирской конференции подпольных большевистских организаций (март 1919 г.), а также постановления объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП (б) от 19 июля 1919 г. «О сибирских партизанских отрядах».

Характеризуя размах народного партизанского движения, Дальневосточный комитет РКП (б) в январе 1920 г. информировал ЦК РКП (б) и Совнарком: «Вообще партизанское движение в Амурской и Забайкальской областях приняло широкий и повсеместный характер... Повстанцам на довольно продолжительное время удавалось занимать целые участки железной дороги и фактически удалось вывести из строя всю Амурскую железную дорогу. Движение это продолжается и сейчас. Еще более сильное движение имело место в Забайкалье..

По нашим далеко не полным сведениям, Забайкалье (между Аргунью, Шилкой и Ингодой и жел. дорогой) сплошь занято повстанцами, к которым присоединились все вновь мобилизованные части... О Верхнеудинском уезде имеем только газетное сообщение, также говорящее о широком партизанском движении среди крестьян»²⁷. К осени 1919 г. в партизанских соединениях Дальнего Востока насчитывалось 45—50 тыс. бойцов: в Забайкалье — 15—20 тыс., в Амурской области — 10 тыс., в Приамурье и на Северном Сахалине — 6 тыс., в Приморье — 10—15 тыс.

Борьба против интервентов и белогвардейцев вступила в качественно новый этап, который совпал с успехами Красной Армии в боевых действиях против колчаковских полчищ на Урале и в Западной Сибири. Но трудящимся Дальнего Востока предстояли еще суровые боевые испытания, напряженная, сложная политическая борьба, прежде чем край был полностью очищен от иностранных поработителей и белогвардейских палачей.

²⁷
с. 304.

Борьба за власть Советов в Приморье. Владивосток, 1955,

К началу 1920 г. на фронтах гражданской войны произошли события, коренным образом изменившие военнополитическое положение Советского государства. Особенно большое и непосредственное значение для Дальнего Востока имел разгром Колчака.

Разгром колчаковщины, приближение Красной Армии к Байкалу вызвали новый подъем народного партизанского движения в Прибайкалье, Забайкалье и на Дальнем Востоке. Однако обстановка сложилась так, что дальнейшее продвижение советских войск за Байкал, и на Дальний Восток приостановилось. Непреодолимые тогда обстоятельства вынудили Советское государство взять курс на создание восточнее Байкала своеобразной «буферной», формально независимой республики. В декабре 1920 г. В. И. Ленин объяснил причины: «...Обстоятельства принудили с созданием буферного государства — в виде Дальневосточной республики... вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее...»²⁸.

Образование ДВР было предпринято главным образом по соображениям международно-политического характера. Внутреннее положение Забайкалья и Дальнего Востока не вызывало такой необходимости. В одной из резолюций 1-й Дальневосточной партийной конференции (ноябрь 1920 г.) подчеркивалось, что пролетариат Дальнего Востока «вместе со значительной частью трудовых слоев населения» был непосредственно подготовлен к «построению Советской власти»²⁹.

Однако международное и военно-политическое положение РСФСР, сложившееся к началу 1920 г., было тогда еще чрезвычайно сложным и напряженным. Еще «гуляли» по югу России остатки войск Деникина. Антанта готовила новое выступление против Республики Советов, выдвигая буржуазно-помещичью Польшу в качестве главного «тарана против Советской республики»³⁰. В планах империалистов Антанты в этот период не последняя роль отводилась также Японии, которая держала в важнейших стратегических районах Дальнего Востока свои силы численностью около 175 тыс. чел. В начале 1920 г. английская газета «Таймс» в одной из своих пере-

²⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 93.

²⁹ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 78.

³⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 41, с. 325.

довиц, не стесняясь, писала: «Польша — с Запада, Япония — с Востока».

В этих условиях для молодой Советской республики назревала опасность быть втянутой в войну на два фронта — дальневосточный и западный. Последний ходом развития событий становился главным — сюда было приковано основное внимание, направлены лучшие части Красной Армии. Всеми силами, всеми средствами необходимо было избежать вооруженного конфликта с Японией.

Партия руководствовалась не только чисто военными соображениями. Образование промежуточного «буферного» государства на Дальнем Востоке, где предполагалось установить юридические гарантии частной собственности, сулило возможность вступить в этом районе страны в торгово-экономические связи с отдельными представителями деловых кругов США и других капиталистических стран. В постановлении Политбюро ЦК РКП (б) по вопросу о попытках Антанты начать торговые, отношения с Россией, написанном В. И. Лениным в начале второй половины января 1920 г., предлагалось обратить внимание на те пункты, «через которые может быть установлен товарообмен (Украина, Дальний Восток)»³¹.

Торгово-экономические связи в то время приобретали для РСФСР не только огромное экономическое (и оборонное) значение, но и могли способствовать нейтрализации интервенционистских тенденций наиболее агрессивных кругов США, а также углублению (и использованию) противоречий между США и Японией^{31 32}.

Таковы были основные предпосылки образования на Дальнем Востоке «буферного» государства демократического типа, где решено было создавать не Советы, а органы власти, построенные на коалиционных началах, с участием представителей меньшевиков и эсеров; это должно было лишить японских империалистов, кричавших о мифической «большевистской опасности», повода для продолжения и расширения агрессии на Дальнем Востоке.

Вопрос о практическом создании «буферного» государства на Дальнем Востоке впервые был сформулирован в январе 1920 г., во время переговоров в Томске представителей Сибревкома и Реввоенсовета 5-й армии

³¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 40, с. 53.

³² Там же, т. 42, с. 60, 66, 95...

с делегацией Иркутского эсеров-меньшевистского Политцентра³³, вместе с которой приехал представитель Иркутского губкома партии А. М. Краснощеков. В итоге этих переговоров 19 января было принято решение о создании буферного государства с временной границей на западе по рекам Ока и Ангара (западнее Иркутска — станция Зима). Это предварительное соглашение могло вступить в силу лишь после утверждения Совнаркомом РСФСР. 20 января Сибревком подробно информировал В. И. Ленина о положении, сложившемся в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке³⁴. 21 января 1920 г. Совнарком в телеграмме за подписью В. И. Ленина одобрил это решение³⁵.

Стратегический замысел В. И. Ленина не сразу был понят всеми руководящими партийными и государственными работниками Сибири и Дальнего Востока. В. И. Ленин в телеграмме Реввоенсовету 5-й Красной Армии 19 февраля 1920 г. подверг противников «буфера» острой критике: «Надо бешено изругать противников буферного государства (кажется, таким противником является Фрумкин), погрозить им партийным судом и потребовать, чтобы все в Сибири осуществили лозунг: „ни шагу на восток далее, все силы напрячь для ускоренного движения войск и паровозов на запад в Россию“. Мы окажемся идиотами, если дадим себя увлечь глупым движением в глубь Сибири, а в это время Деникин оживет и поляки ударят. Это будет преступление»³⁶.

В середине февраля 1920 г. военно-политическая обстановка в Восточной Сибири значительно изменилась. Не имея никакой поддержки в массах, эсеров-меньшевистский Политцентр в Иркутске сошел с политической арены, передал власть губернскому военно-революционному комитету во главе с коммунистами. Передовые части 5-й Красной Армии находились на подступах к Иркутску. Логика событий внесла существенные коррективы в вопрос о границах «буферного» государства. Центральный Комитет партии высказался за советизацию Восточной Сибири и ее центра — Иркутска. Западная граница «буфера» отодвигалась на восток — в Прибайкалье.

³³ Эсеров-меньшевистский орган, находившийся у власти в Иркутске с 5 по 21 января 1920 г.

³⁴ ЦГАСА, ф. 33987, он. 2, д. 80, л. 399.

³⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 51, с. 334.

³⁶ Там же, с. 137.

Строительство «буферного» государства, необходимого Советской России, взяла в свои руки Коммунистическая партия. Создание Дальневосточной республики началось с Прибайкалья. Для руководства партийной работой и создания «буферного» государства на Дальнем Востоке Сиббюро ЦК РКП (б) 3 марта 1920 г. образовало Дальбюро РКП (б). Члены Дальбюро Н. К. Гончаров, А. М. Краснощеков и А. А. Ширямов работали в Верхнеудинске, И. Г. Кушнарев, С. Г. Лазо и П. М. Никифоров — во Владивостоке³⁷.

Строительство ДВР было делом чрезвычайно сложным. Трудящиеся массы Забайкалья и Дальнего Востока не сразу уяснили причины, в силу которых здесь, в отличие от других районов страны, не создавались органы Советской власти и должна была образоваться формально самостоятельная республика со своей столицей, собственным государственным флагом и гербом.

Начало жизни республики совпало с активизацией агрессивных действий империалистической Японии на Дальнем Востоке. В ночь с 4 на 5 апреля японские войска совершили одновременное нападение на революционные войска во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Хабаровске, Спасске, Шкотове и других местах Приморья и Приамурья. Новая интервенционистская акция японских империалистов находилась в органической взаимосвязи с общими антисоветскими планами Антанты в отношении Советской России.

Положение усугублялось тем, что по вопросу о создании «буферного» государства возникли серьезные разногласия в самой Дальневосточной партийной организации. В Прибайкалье некоторые из руководящих работников (например, член Дальбюро А. А. Ширямов) отрицали необходимость «буфера», в Приморье группа партийных работников (М. И. Губельман, Я. К. Кокушкин, С. Г. Лазо) известный период времени полагали, что директивы Центра о создании «буфера» основаны на недостаточной информации о положении дел на Дальнем Востоке и считали, что следует настаивать перед Центром на восстановлении здесь Советской власти. Все эти товарищи были субъективно абсолютно преданы делу революции, но объективно их взгляды противоречили

³⁷ Состав Дальбюро периодически менялся в соответствии с решениями ЦК и Сиббюро ЦК РКП (б). Членами Дальбюро в 1920—1922 гг., кроме вышеназванных являлись: А. А. Знаменский, С. Я. Гроссман, П. Ф. Анохин, А. М. Буйко, М. И. Губельман, Н. А. Кубяк, Ф. Н. Петров, Я. Д. Янсон, В. А. Масленников и др.

указаниям В. И. Ленина, глубоко оценившего интервенционистские устремления японцев.

ЦК партии и Сиббюро ЦК РКП (б), учитывая необходимость полного единодушия в осуществлении сложного политического курса Коммунистической партии на Дальнем Востоке, приняло ряд мер для обеспечения строго выдержанной тактики местных организаций. В частности, был укреплен состав Дальбюро. А. А. Ширямова отозвали в Омск. Членом Дальбюро был утвержден В. И. Хотимский.

Важнейшим шагом на пути образования Дальневосточной республики стал проходивший в Верхнеудинске с 28 марта по 8 апреля 1920 г. съезд трудового населения Прибайкалья, на котором присутствовало 350 делегатов. Главным вопросом повестки дня съезда был текущий момент и организация власти. Коммунистам, руководившим съездом, потребовалось много терпения, выдержки и умения, чтобы разъяснить рядовым делегатам — крестьянам и партизанам — смысл политики Советской власти. В настроении делегатов постепенно наметился перелом, и они стали сознавать важность и целесообразность образования ДВР. 6 апреля съезд принял декларацию, провозгласившую образование Дальневосточной республики в составе областей: Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской. Было избрано временное правительство ДВР во главе с коммунистом А. М. Краснощековым.

После провозглашения декларации независимости началось государственное оформление вновь созданной Дальневосточной республики. Для руководства соответствующими отраслями политической, хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности были организованы министерства, стал создаваться аппарат местного управления.

Одновременно развернулся и процесс партийного строительства. Создание и укрепление первичных организаций РКП (б) в городе и деревне являлось залогом успешного строительства «буферной» государственности. Уже в конце апреля 1920 г. число коммунистов в Дальневосточном крае достигло приблизительно 4 тыс. чел.³⁸

Перед ДВР с самого начала встали сложные военно-политические задачи по освобождению Забайкалья и Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

³⁸ Состав членов в дальневосточных организациях. Чита, 1923, с. 151.

Первая из них — ликвидация «Читинской пробки». Под этим; названием имелось в виду сосредоточение сил белогвардейцев и интервентов на территории Центрального, частично Восточного и Юго-Восточного Забайкалья (от Читы до Сретенска и Нерчинска и от Читы до г. Акша и ст. Мацеевская), разъединявшее Западное Забайкалье и Амурскую область. К началу марта 1920 г. численность одних только белогвардейцев в Забайкалье была такова: 2337 офицеров, 8383 пехотинца, 9041 кавалерист при 496 пулеметах и 78 орудиях³⁹. В этих условиях ликвидировать «Читинскую пробку» и объединить все районы Забайкалья и Дальнего Востока под властью ДВР можно было лишь при наличии регулярной армии.

Ее формирование началось в марте 1920 г. Благодаря помощи и постоянному вниманию ЦК РКП (б) и Сиббюро ЦК Народно-революционная армия ДВР строилась по образцу Красной Армии как в организационной структуре и командных кадрах, так и в боевой тактике и постановке политической работы. В апреле 1920 г. НРА имела в своем составе два регулярных соединения—1-ю Иркутскую стрелковую дивизию и Забайкальскую дивизию, объединявшие 25 тыс. штыков. В апреле — июне 1920 г. сформировалась армия в 30 тыс. бойцов в Амурской области.

В докладе Политотдела НРА Политуправлению Красной Армии 1 августа 1920 г. говорилось о двух армиях в Дальневосточной республике —Западной (в' Прибайкалье) и Восточной (в Восточном Забайкалье и Амурской области): «Первая приближается по типу к регулярной Советской Армии; вторая—в переходной стадии от партизанского типа к регулярной армии: партизанские отряды переформируются в полки, бригады и выше. Существует единое командование, подчиненное в свою очередь Главкому ДВР»⁴⁰.

Главнокомандующим НРА по рекомендации Сиббюро ЦК РКП (б) был утвержден бывший командующий 5-й армией коммунист Г. Х. Эйхе. Большую роль в организации НРА сыграли коммунисты Н. К. Гончаров, В. И. Буров, А. А. Ширямов, Д. С. Шилов, В. Г. Бисярин, С. Д. Павлов, Я. П. Жигалин, С. Г. Вележев, П. П. Постышев, М. А. Трилиссер, А. К. Флегонтов, И. П. Калма-

³⁹ ЦГАСА, ф. 1006, оп. 1, д. 94, л. 8; д. 25, л. 12.

⁴⁰ Цит. по статье Авдеевой Н. А. «Создание Народно-революционной армии Дальневосточной республики» («Ученые записки Хабаровского гос. пед. ин-та», 1968, т. 16, с. 15).

нович, А. М. Финьковский. В НРА с самого начала было сильное партийное ядро. Только в Западно-Забайкальской части НРА в конце апреля 1920 г. насчитывалось 29 ячеек (171 член партии и 663 кандидата). Были организованы политотделы армий и дивизий, учрежден Институт военных комиссаров, развернувших целенаправленную партийно-политическую работу.

Революционный энтузиазм и высокий моральный дух молодой НРА проявились уже в ее первом «боевом крещении» — в тяжелых боях за Чфту в апреле — мае 1920 г. Как в первом наступлении на Читу (начало апреля), так и во втором (конец апреля — начало мая) авангардные части НРА вышли на окраины города. Однако взять Читу тогда не удалось. Объяснялось это тем, что НРА развернула наступательные операции на Читинском плацдарме, не закончив полностью своего формирования. Слаба была и техническая оснащенность армии. Но главной причиной неудач НРА следует признать вмешательство японских войск, располагавших артиллерией, бронепоездами, автомобилями и другими техническими средствами. Части НРА, однако, проявили исключительное упорство и героизм. В «Кратком обзоре происхождения Иркутской стрелковой дивизии» мы читаем: «Только революционный дух и сознание борьбы за трудовой народ, за право существования могли воодушевить красноармейцев на такое самопожертвование, подвиги, удивившие даже такую армию, как японскую»⁴¹.

Несмотря на неудачу, апрельско-майские бои против войск Семенова и японских интервентов сковали значительные силы врага, что имело немаловажное значение для развернувшихся в этот период упорных, ожесточенных боев между партизанами Восточного Забайкалья и белогвардейцами и интервентами. К тому же японское командование и правительство убедились в том, что ДВР — это не эфемерное создание, а реальная сила, с которой нельзя не считаться. Это серьезно усилило политические позиции ДВР в борьбе за объединение Дальнего Востока.

Усиление революционных сил в Забайкалье и на Дальнем Востоке, обострение японо-американских противоречий на Тихом океане, укрепление положения Советской России в результате побед на польском фронте, подъем революционного движения в Японии и недовольство широких слоев общественности внешней политикой правя-

⁴¹ ЦГАСА, ф. 1006, оп. 1, д. 29, л. 7.

щих кругов вынудили японское командование пойти на официальные переговоры с правительством ДВР. Большое значение в этом отношении имело официальное признание Советской властью Дальневосточной республики: 14 мая 1920 г. в Верхнеудинске была получена телеграмма Г. В. Чичерина о признании РСФСР Дальневосточной республики, в которой выражалось «желание видеть Дальневосточную республику процветающей и находящейся в мирных отношениях с другими странами»⁴².

В. И. Ленин исключительно высоко оценивал эту акцию. В беседе с японским корреспондентом К. Фусэ в начале июня 1920 г. В. И. Ленин отметил: «Советское правительство признало независимость буферного государства и это, я надеюсь, в ближайшее время поможет восстановлению мира на Дальнем Востоке»⁴³.

24 мая 1920 г. на ст. Гонготга (120 км западнее Читы) начались переговоры между правительством ДВР и японским командованием. Делегации ДВР, руководимой членом правительства Ф. Н. Петровым (а после него В. С. Шатовым), пришлось выдержать острую и длительную борьбу с опытными и коварными представителями империалистической Японии. Переговоры, дважды прерывавшиеся японскими делегатами, завершились в конечном счете подписанием 15—17 июля 1920 г. соответствующих соглашений. Японское командование вынуждено было конкретизировать ранее сделанное заявление об эвакуации своих войск из Забайкалья и подписать ноту-меморандум, в которой говорилось, что единственным способом, обеспечивающим мир на Дальнем Востоке, является образование здесь самостоятельного государства на широкой демократической основе. Гонготтское соглашение устанавливало нейтральную зону между линией японских войск и линией расположения НРА, которую ни та, ни другая сторона не должны были переходить. Председатель правительства ДВР А. М. Краснощеков вскоре проинформировал В. И. Ленина об итогах конференции в Гонготте⁴⁴, знаменовавших собой серьезную победу молодой дипломатии ДВР.

Теперь необходимо было немедленно ее закрепить, ибо японские интервенты, прежде чем эвакуировать войска из Забайкалья, предпринимали всяческие попытки удержать свои позиции; они добивались объеди-

⁴² **Борьба** за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.), с. 476.

⁴³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 41, с. 132.

⁴⁴ Там же, т. 54, с. 714.

нения областей Дальнего Востока не вокруг Верхнеудинска, а вокруг Читы либо Владивостока под эгидой атамана Семенова. В Чите была срочно разыграна комедия созыва «краевого народного собрания». Представители Семенова были приглашены Владивостокским правительством (во главе его в это время стоял эсер Медведев) и приняли участие в открывшемся во Владивостоке 3 августа объединительном совещании.

Положение усугублялось тем, что по вопросу о путях и методах осуществления политики Советского государства на Дальнем Востоке летом 1920 г. вновь обнаружилось разногласия в руководящих партийных кругах ДВР. С одной стороны, опять возникли «антибуферные» настроения, а с другой — у отдельных партийных работников, в частности у А. М. Краснощекова, появилась тенденция рассматривать ДВР как самостоятельное государство не только по форме, но и по существу. Кое-кто стал проектировать создание самостоятельной Коммунистической партии ДВР, непосредственно подчиненной Коминтерну⁴⁵.

Большие споры вызвал выбор центра «буферного» государства. Уполномоченный Сибревкома во Владивостоке В. Д. Виленский и некоторые работники Приморской партийной организации ошибочно полагали некоторое время, что столицей должен стать Владивосток, и в связи с этим высказывались, по существу, против признания Приморьем Верхнеудинского правительства ДВР.

В связи с исключительной остротой сложившейся политической ситуации вопросы дальневосточной политики не сходили с повестки дня работы ЦК партии и Сиббюро ЦК РКП (б). Сиббюро на своих заседаниях 12, 15, 25 июня и 4 июля 1929 г.⁴⁶ подробно рассмотрело основные военно-политические проблемы Дальнего Востока и решительно высказалось за поддержку существования «буферного» государства, осудив при этом местнические тенденции в Приморье. Одновременно были приняты меры к укреплению Дальбюро РКП (б). Член Дальбюро Н. К. Гончаров был переведен на работу в Сибирь. На Дальний Восток были направлены утвержденные членами Дальбюро Б. З. Шумяцкий и В. Г. Бисярин. По предложению В. И. Ленина вопросы «буферной» по-

⁴⁵ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 1-а, к 31.

⁴⁶ ПАНО, ф. 1, оп. 3, д. 1, лл. 66, 67, 71.

литики на Дальнем Востоке были рассмотрены на Пленумах ЦК РКП (б) 17 июля и, 5 августа 1920 г.⁴⁷

Комиссия ЦК РКП (б), созданная по решению Пленума ЦК партии 5 августа 1920 г., вынесла свое заключение в виде «Кратких тезисов по Дальневосточной республике» на утверждение Политбюро ЦК РКП (б) 13 августа 1920 г. Решение Политбюро и одобренные им тезисы явились важнейшим программным документом, в котором были сформулированы основы политики Коммунистической партии на Дальнем Востоке. В нем четко определялись характер «буфера» и основные принципы его строительства. Столицей ДВР тезисы рекомендовали сделать Верхнеудинск или Читу, после того как она будет освобождена от интервентов и белогвардейцев. «Владивосток,— говорилось в тезисах,— легко попадающий под японскую власть и менее тесно связанный с Российской Сибирью, не должен быть столицей. Работающие во Владивостоке товарищи должны прилагать все усилия к устранению местного сепаратизма, открывающего путь попыткам Японии овладеть побережьем Тихого океана»⁴⁸.

Дальбюро РКП (б), до этого подчинявшееся Сибирскому бюро ЦК, было преобразовано в Дальневосточное бюро ЦК РКП (б), непосредственно подчинявшееся Центральному Комитету партии.

Решения ЦК РКП (б) оказали огромную помощь партийным организациям Дальнего Востока. Опираясь на эти решения, Дальбюро ЦК РКП (б) провело успешную работу по объединению всех областей вокруг Верхнеудинского правительства как центрального органа власти в ДВР. В конце сентября в Верхнеудинске собралось предварительное совещание делегации правительства ДВР и областных правительств для решения вопроса о путях объединения Дальнего Востока.

В то же время Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство ДВР начали накапливать силы для ликвидации «Читинской пробки». Командование НРА увеличило численность армии. В связи с тем, что Гонготтское соглашение сковывало оперативные действия НРА в наступлении на читинский плацдарм семеновцев с запада, основной удар по «Читинской пробке» решено было нанести с востока. В этих условиях остро встал вопрос о реорганизации и укреплении Восточно-Забайкальского

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 33, л. 2.

⁴⁸ История гражданской войны в СССР, т. 5. М., 1960, с. 343.

и Амурского фронтов ДВР. Дальбюро ЦК РКП (б) командировало в район Зилово — Нерчинск группу опытных военных работников во главе с Я. П. Жигалиным. Был создан Военный Совет Амурского фронта в составе Д. С. Шилова (Главком), Я. П. Жигалина и С. Г. Вележева. Наряду с реорганизацией боевых сил большое внимание было уделено военно-политическому воспитанию личного состава. Укреплялась фронтовая партийная организация. К осени 1920 г. в частях Амурского фронта имелось 164 коммунистические ячейки, объединившие 2661 коммуниста. Группа руководящих партийных работников (И. Л. Ковалев, Л. Я. Колос (Леонидов), И. А. Кузнецов (Воронов), В. И. Манторов (Мальков), М. И. Тайшин и др.) была направлена в район Центрального Забайкалья для активизации партизанско-повстанческого движения вокруг Читы. Было также приведено в действие большевистское подполье в самой Чите.

29 сентября 1920 г. Пленум ЦК РКП (б) специально обсудил вопрос о военно-политическом положении на Дальнем Востоке. Исходя из указаний ЦК РКП (б), Дальбюро, правительство ДВР и главное командование НРА, готовя ликвидацию «Читинской пробки», проявляли крайнюю осторожность, чтобы исключить действия, которые могли бы вызвать военное столкновение с японскими войсками, находившимися еще на территории Восточного Забайкалья.

К середине октября войска японских интервентов эвакуировались из Забайкалья. 21 октября они оставили Хабаровск. Еще до этого, 27 сентября, Военный Совет Амурского фронта (командующий С. М. Серышев) принял план ликвидации «Читинской пробки», одобренный главным командованием НРА в Верхнеудинске.

Общее наступление на Читу началось 19 октября 1920 г. После ожесточенных боев утром 22 октября 8-й Амурской кавалерийский полк под командованием А. Н. Бутрина («Старика») и Ульдургинский партизанский отряд вступили в Читу. В телеграмме главы правительства ДВР А. М. Краснощекова В. И. Ленину 23 октября 1920 г. сообщалось: «Последний оплот реакции на Дальнем Востоке пал. Чита взята красными партизанами... Единый, свободный Дальний Восток, стоя на страже революции, шлет свой привет Красной Москве»⁴⁹.

⁴⁹ В. И. Ленин и борьба за власть Советов на Дальнем Востоке. ■ Владивосток, 1968, с. 77.

24 октября был очищен от белогвардейцев путь от Читы до станции Карымской. «Читинская пробка» была пробита. Войска Амурского фронта приступили к завершающей операции по разгрому маньчжурской группировки белых. В этих боях по самым минимальным подсчетам белогвардейцы потеряли не менее 5—6 тыс. убитыми, ранеными и пленными. 21 ноября Забайкалье полностью было очищено от семеновцев и каппелевцев.

Правда, Читинская операция не увенчалась полной ликвидацией противника; войскам Амурского фронта не удалось окружить и окончательно разгромить семеновско-каппелевские части, чтобы не дать им отступить в Маньчжурию и Монголию. Следует иметь в виду, что Читинская операция проводилась по преимуществу частями Амурского фронта, реорганизация которого завершилась только накануне начала военных действий; по численности и боевому снаряжению он уступал белогвардейским войскам. Части же НРА Западно-Забайкальского фронта (насчитывавшие не менее 60 тыс. чел.), будучи связаны Гонготтским соглашением, не могли оказать Амурскому фронту всю возможную и необходимую помощь, ограничившись лишь выделением из своих частей нескольких партизанских отрядов.

Читинская операция серьезно повлияла на исторические судьбы советского Дальнего Востока. Ликвидация «Читинской пробки» и белогвардейского семеновского режима в Забайкалье открыла путь к объединению Дальнего Востока в рамках «буферного» государства, отодвинула далеко на восток фактические границы «буфера», создала необходимые предпосылки для завершения строительства Дальневосточной республики и выполнения ею ответственных военно-политических и дипломатических задач по освобождению Дальнего Востока от интервенции и белогвардейщины.

Глава I

УКРЕПЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ

Читинская объединительная конференция

Разгром белогвардейской контрреволюции под Читой имел важные последствия для всего Дальнего Востока. Ликвидация «Читинской пробки», установление прямой связи Прибайкалья и Забайкалья с Амурской областью, Приамурьем и Приморьем создавали реальные условия для объединения всех областей Дальнего Востока в составе ДВР.

25 октября 1920 г. в Читу из Верхнеудинска прибыл ряд делегаций, в том числе Правительства ДВР. 28 октября состоялся военный парад частей Амурского фронта НРА, освободивших Читу. Перед участниками парада выступили А. М. Краснощеков, Н. М. Матвеев и помглавкома НРА В. А. Бородавкин¹. Они отметили большое значение одержанной над белогвардейцами победы. В тот же день в Чите под председательством Ф. Н. Петрова открылась объединительная конференция. Накануне Дальбюро ЦК РКП (б) на своем заседании 24 октября определило порядок работы конференции, характер и компетенцию органов государственной власти, которые предполагалось избрать на конференции².

Состав участников конференции был разнороден. В верхнеудинской правительственной делегации было 4 коммуниста и 2 беспартийных, в амурской — 3 коммуниста, 2 беспартийных и 1 эсер, владивостокская состояла из 1 коммуниста, 1 беспартийного, 2 меньшевиков и 1 эсера³; Нарревком Восточного Забайкалья направил 3 коммунистов, так называемое Читинское народное собрание — 1 народного социалиста, 1 меньшевика и 1 беспартийного; Нарревком Центрального Забайкалья, Сахалин

¹ «Дальневосточная республика», 1920, 29 октября.

² ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 68.

³ На первых порах владивостокскую делегацию представлял министр труда Приморского правительства П. М. Никифоров.

и Камчатка ■ — по 1 коммунисту; 2 делегата представляли бурятское население⁴. Таким образом, коммунисты и сочувствующие им имели очевидное большинство, что и определило характер принятых конференцией решений. К началу конференции приморская делегация прибыла далеко не в полном составе⁵. О причинах и последствиях этого факта речь пойдет дальше.

Конференция получила несколько приветствий, в том числе от правительства РСФСР, выразившего уверенность в успехе ее работы по объединению Дальнего Востока⁶.

29 октября на втором заседании объединительной конференции была единодушно принята Декларация⁷. В ряде пунктов она существенно разнилась от Декларации, принятой 6 апреля 1920 г. на съезде трудящихся Прибайкалья, носившей в значительной мере общий характер⁸. В Декларации 29 октября 1920 г. были конкретизированы и уточнены территория, границы, политико-экономическая структура «буферного» государства и порядок организации власти в центре и на местах. Граница Дальневосточной республики с РСФСР должна была проходить по р. Селенге, от ее выхода из Монголии до впадения в оз. Байкал, а затем по его центру⁹.

Конференция декларировала также созыв Учредительного собрания для выработки основных законов республики^{10 11}.

Верхнеудинское правительство сложило свои полномочия перед конференцией, которая 30 октября утвердила Временный деловой президиум ДВР во главе с А. М. Краснощековым¹². Через 3 дня (3 ноября) приняло решение о самороспуске Читинское народное собрание.

Дальнейшей плодотворной работе конференции серьезно мешало поведение Приморской делегации, все еще не приехавшей в Читу. Руководившие конференцией коммунисты, строго придерживаясь принципов Декларации

⁴ ГАЧО, ф. 1492, оп. 1, д. 3, л. 36.

⁵ «Дальневосточная правда», 1920, (2 ноября).

⁶ «Дальневосточная республика», 1920, 2 ноября.

⁷ «Собрание узаконений и распоряжений правительства Дальневосточной республики», 1920, № 1, с. 2—3.

⁸ Это вполне понятно, так как Декларация 6 апреля 1920 г. принималась в самом начале образования ДВР, когда еще не был накоплен опыт «буферного» строительства.

⁹ «Собрание узаконений и распоряжений...», 1920, № 1, с. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГАЧО, ф. 1492, оп. 1, д. 3, л. 46.

29 октября, считали необходимым строить государственные органы на коалиционных основах. Их действия одобрило Дальбюро ЦК РКП (б), принявшее 4 ноября постановление:

«1. В государственной работе ДВР считать необходимым последовательное проведение начал, изложенных в Декларации конференции, и решительное отстаивание коалиционного построения Правительства ДВР.

2. Распределение министерских мест и иных ответственных постов должно протекать на основе взаимного соглашения представителей партий, входящих в состав Правительства, сообразно их политическому весу и значению, а равно и важности подлежащего к назначению государственного места»¹².

8 ноября наконец заявила Приморская делегация. Спокойная деловая обстановка была сразу же резко нарушена. Входявшие в состав Приморской делегации меньшевики и эсеры вместе со своими единомышленниками из бывшего Читинского народного собрания стали устраивать одну обструкцию за другой. В частности, они внесли предложение создать некий «предпарламент» на основе равного представительства (по 20 чел.) от каждого полномочного областного правительства¹³. Обосновывая эту затею на заседании конференции 9 ноября, меньшевик Анисимов заявил: «Без него (предпарламента.— Б. Ш.) у Правительства 8—9 недель не будет опоры. У Правительства могут быть ошибки, нужен орган, который разделит бы с ним ответственность»¹⁴. А приморский эсер Групп воскликнул, что «не мыслит себе народоправства без предпарламента»¹⁵. За этими разговорами о «народоправстве» скрывался вполне определенный расчет на то, чтобы через предпарламентскую говорильню сковать деятельность правительства и помешать ему выполнять большую работу, связанную с подготовкой к выборам в Учредительное собрание и созданием центрального и местного государственного аппарата.

Дальневосточные меньшевики и эсеры связывали с предпарламентом те же контрреволюционные цели, что и их собратья по партии в Центральной России осенью 1917 г. Разоблачая тогда эсеров и меньшевиков, В. И. Ленин писал: «...Единственное назначение предпарламента — надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 71.

¹³ «Дальневосточная правда», 1920, 12 ноября.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, 16 ноября.

их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для *старой*, уже испытанной, истрепанной, истасканной «коалиции» с буржуазией...»¹⁶. Дальбюро ЦК РКП (б) в своем решении от 9 ноября 1920 г. дало точную политическую оценку подлинной роли, которую сыграл бы «предпарламент» на Дальнем Востоке, будь он создан: «Создание указанного представительного органа (Предпарламента) на деле привело бы меньшевиков и эсеров к отказу от государственной работы и к переходу на положение «парламентской оппозиции». Представители РКП (б) обязаны полностью отвергнуть предложение меньшевиков и эсеров о создании Предпарламента»¹⁷.

Коммунисты А. М. Краснощеков, К. И. Бреусов и беспартийный крестьянин Г. К. Румянцев в выступлениях на конференции 9 и 10 ноября разоблачили подоплеку замыслов эсеро-меньшевистских политиканов^{18 19}. После бурных прений на заседании 10 ноября конференция отвергла эсеро-меньшевистское предложение о созыве предпарламента¹⁹.

Затем конференция рассмотрела вопрос о формировании правительства ДВР. Меньшевики и эсеры заявили, что они не войдут в его состав, поскольку «не хотят брать на себя политической ответственности»²⁰. В правительство было избрано 7 чел. (5 коммунистов и 2 беспартийных): А. М. Краснощеков (председатель), К. И. Бреусов, Г. К. Румянцев, Н. М. Матвеев, П. М. Никифоров, О. Кузнецов и Ф. Иванов²¹. Конференция избрала также комиссию по выборам Учредительного собрания ДВР. Ее председателем был утвержден народный социалист К. С. Шрейбер²².

На заключительном заседании конференции А. М. Краснощеков сделал доклад, в котором изложил общую программу Правительства ДВР.

Читинская объединительная конференция, закончившая свою работу 11 ноября, явилась важным этапом на пути решения политических задач Советской власти на Дальнем Востоке. Дальбюро ЦК РКП (б), информируя Сиббюро об итогах конференции, отмечало, что она про-

¹⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 34, с. 260—261.

¹⁷ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 75.

¹⁸ «Дальневосточная правда», 1920, 12 и 13 ноября.

¹⁹ Там же, 13 ноября.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же, 14 ноября.

шла по линии «советского метода работ в противовес парламентскому способу работ и превращения конференции в предпарламент»²³. Не случайно белогвардейская харбинская газета «Русский голос», комментируя ее итоги, с горечью писала: «Чита, как политический фактор, со всеми ее качествами и особенностями умерла»²⁴.

Да, действительно, «семеновская» Чита умерла раз и навсегда. Но силы контрреволюции и интервенции не хотели примириться и пытались любыми средствами превратить свое поражение в «успех», откровенно делая ставку на интервенцию. По мановению японской «дирижерской палочки» белогвардейская печать развернула шумную кампанию по поводу того, что еще «не все потеряно». Характерны в этом отношении писания газеты «Владиво Ниппо»: «Успех коммунистов в Чите — успех временный: у демократии достаточно сил отразить захватчиков, и в деле утверждения своей власти у нее, мы полагаем, будет сильный и верный союзник — Япония»²⁵.

Японская военщина и дипломатия стали принимать экстренные меры к тому, чтобы помешать одобрению решений Читинской конференции и признания избранного ею правительства Народным собранием Приморья. 12 ноября генерал Оой вызвал к себе представителей всех фракций Народного собрания и заявил без обиняков, что японское командование не допустит разрушения «существующего в Приморье порядка», т. е. установления юрисдикции ДВР. Совет управляющих ведомствами Приморского правительства отказался признать Читинское правительство²⁶.

Активизировалась приморская буржуазия, которая в этот критический момент еще раз с достаточной ясностью показала свое антинациональное лицо. 28 ноября общее собрание владивостокских промышленников вынесло постановление: «Протестовать всеми средствами против действий Читинской конференции и правительства ДВР..., отрицающих самую идею народоправства»²⁷.

²³ ПАЧО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 11.

²⁴ «Дальневосточная правда», 1920, 16 ноября.

²⁵ Там же.

²⁶ Владивостокское правительство еще до созыва Читинской объединительной конференции не прекращало своих усилий, направленных на срыв деятельности Центрального правительства ДВР. Стремясь умалить его авторитет, оно отказалось признать миссию ДВР в Китае во главе с И. Л. Юриным, а направило туда самостоятельную миссию во главе с А. Ф. Агаревым (Персии М. А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962, с. 132).

²⁷ «Дальневосточная республика», 1920, 2 декабря.

В этой обстановке большая ответственность ложилась на Приморскую организацию РКП (б). Следует вспомнить, что политическая линия ее руководства в начале осени 1920 г. была весьма противоречивой. Для выправления положения дел в Приморской партийной организации во Владивосток в сентябре был командирован член Дальбюро ЦК РКП (б) В. И. Хотимский. Он дважды ставил перед Приморской частью Дальбюро вопрос о признании правительства ДВР, по его предложения были отклонены²⁸. В частности, 21 сентября Дальбюро Приморья приняло постановление: «Вопрос о признании Правительства ДВР Центральным по тактическим соображениям отложить до созыва конференции областных правительств»²⁹. Руководители Приморской партийной организации обосновывали это решение тем соображением, что признание Верхнеудинска при создавшихся условиях «было крайне невыгодно», так как «они сразу бы остались одиноки перед лицом японцев и реакции»³⁰.

Бесспорно, в данном случае Приморская часть Дальбюро переоценивала возможности враждебной стороны и недостаточно учитывала происшедшие к осени 1920 г. благоприятные изменения в военно-политическом положении РСФСР, а следовательно, и ДВР.

В связи с конкретной обстановкой Коммунистическая партия приняла меры к устранению двуцентризма в Дальневосточной партийной организации. ЦК РКП (б) передал через Верхнеудинск во Владивосток указание о реорганизации Приморского партийного центра. 30 сентября члены Дальбюро Приморья обсудили сообщение В. И. Хотимского о директиве ЦК РКП (б). Дальбюро Приморья было упразднено и слилось с Приморским областным комитетом РКП (б), всецело подчиненным Дальбюро ЦК РКП (б) в Верхнеудинске³¹. С этого момента политическая линия руководства Приморской партийной организации стала постепенно, хотя и не без колебаний, выпрямляться.

После того как Читинская объединительная конференция приняла Декларацию и сформировала Временный

²⁸ Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М., 1963, с. 229. Несмотря на решение ЦК РКП (б) от 13 августа 1920 г. Приморская часть Дальбюро еще известный период времени функционировала как официальный орган.

²⁹ ЦГАОР, ф. 342, оп. 1, д. 4, л. 27.

³⁰ Там же, л. 33.

³¹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 11, л. 27.

деловой президиум ДВР, Приморский областной комитет РКП (б) 5 ноября 1920 г. постановил: «Ввиду получения постановления Центрального правительства об упразднении областных правительств, поставить вопрос в Народном собрании о роспуске Совета управляющих»³². Дальбюро ЦК РКП (б) 6 ноября, еще не зная об этом решении, обсудило положение дел в Приморье и приняло постановление, основные положения которого сводились к следующему:

во-первых, считать необходимым полное подчинение Центральному правительству ДВР со стороны Приморского правительства и предложить ему срочно преобразоваться в орган областной власти;

во-вторых, принять меры партийного воздействия на коммунистов Владивостока;

в-третьих, для определения обстановки во Владивостоке, разъяснения задач ДВР и Коммунистической партии на Дальнем Востоке направить во Владивосток т. т. Борцова и Ромма³³.

8 ноября президиум Приморского областного комитета партии через Народное собрание предложил председателю Земской управы немедленно распустить Совет управляющих ведомствами и создать Временное областное управление. Аналогичное решение приняла и состоявшаяся 14 ноября Владивостокская городская конференция РКП (б)³⁴.

Коммунисты Приморья развернули большую пропагандистскую и организационную работу, целью которой было быстрое признание правительства ДВР межпартийным совещанием, а также профсоюзными организациями рабочих и служащих и крестьянским населением области. Многочисленные митинги и собрания трудящихся Приморья и Приамурья решительно требовали от Временного правительства Приморья признания Правительства ДВР и самороспуска. Вот характерная для тех дней резолюция, принятая хабаровскими железнодорожниками на митинге 13 ноября: «Приветствовать образовавшееся Правительство в Чите, которое своей неотложной задачей ставит объединение Дальвостока. Заявляем, что будем поддерживать, подчиняться только ему и требуем от Приморского правительства сложения полномочий и подчинения Дальневосточному правительству в Чите.

³² Беликова Л. И. Большевики Приморья в годы гражданской войны. Владивосток, 1960, с. 87.

³³ Там же, с. 87—88.

³⁴ Там же, с. 88.

Напоминаем реакционным элементам города Владивостока и партии социал-революционеров, что еще раз одурачить рабочий класс им не удастся»³⁵. С решительным осуждением позиции Владивостокского правительства и требованием его роспуска выступили и рабочие Партизанска³⁶.

Большую активность проявило также приморское крестьянство. Газета «Красное знамя» сообщала, что крестьянская фракция Народного собрания получает от избирателей многочисленные приговоры о признании Правительства ДВР и запросы, почему «Народное собрание медлит с таким признанием?»

Это непосредственное и настоятельное вмешательство трудового народа в политические дела возымело свое действие. В начале декабря на экстренной сессии Народного собрания Приморья развернулась острая борьба. Цензовики и эсеры³⁷ из кожи вон лезли, пытаясь воспрепятствовать роспуску Приморского правительства. Например, эсер Прокофьев кликушествовал: «От всяких экспериментов сохранит нас Народное собрание, которое должно принять власть». Ему вторил эсер Трупп: «С признанием Читинского правительства тоже нужно быть осторожным, ибо там не учитывается международное положение Приморья... Если Народное собрание будет сохранено, это будет лучшей гарантией того, что мы благополучно доживем до Учредительного собрания»³⁸. Однако им не удалось повести за собой крестьянскую фракцию Народного собрания. Последнее приняло 5 декабря постановление о признании Правительства ДВР, упразднении Совета управляющих ведомствами и создании нового исполнительного органа, подчиненного Правительству ДВР³⁹.

12 декабря Приморское правительство сложило свои полномочия. 19 декабря Народное собрание избрало Приморское областное управление во главе с коммунистом В. Г. Антоновым. В него вошли 3 коммуниста, 4 представителя крестьянской фракции и 2 меньшевика⁴⁰. Ставка японских интервентов и внутренней контрреволюции на владивостокский сепаратизм как средство срыва строительства «буферного» государства оказалась битой.

³⁵ «Дальневосточная правда», 1920, 19 ноября.

³⁶ «Дальневосточная республика», 1920, 30 ноября.

³⁷ Меньшевики, вынужденные считаться с мнением рабочих и опасаясь окончательного разоблачения, заняли выжидательную позицию.

³⁸ «Дальневосточная республика», 1920, 11 декабря.

³⁹ ЦГАОР, ф. 4474, оп. 1, д. 1, лл. 270—271.

⁴⁰ ПАЧО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 45.

На основе принятой Читинской объединительной конференцией Декларации развернулось строительство центрального и местного государственного аппарата «буферной» республики. На заседании правительства 11 ноября 1920 г. были установлены его prerogatives. Правительство утвердило государственный герб республики: на красном щите хвойный венок, олицетворяющий тайгу, которой покрыты Забайкалье и Дальний Восток; внутри венка на фоне утренней зари — скрещенные через снопы пшеницы якорь и одноконечное кайло вниз острием, олицетворяющие земледелие, судоходство, ископаемые сокровища края⁴¹.

Был также сформирован Совет министров: председатель и министр иностранных дел А. М. Краснощеков, министр внутренних дел А. А. Знаменский, военный — Н. М. Матвеев, здравоохранения — Ф. Н. Петров, земледелия — Ф. А. Иванов, социального обеспечения — Г. К. Румянцев, транспорта — В. С. Шатов, юстиции — С. Ф. Завадский, государственного контроля — В. И. Пичугин; временно исполняющими должности министров: финансов Н. Н. Тугарин, труда М. Э. Дельвиг, народного просвещения М. П. Малышев, продовольствия, К. И. Бреусов, Управляющим делами правительства ДВР был назначен П. Ф. Федорец⁴².

В первых законодательных актах нового правительства много внимания уделялось созданию местного государственного аппарата. В Декларации 29 октября и Акте принятия власти Правительством ДВР 11 ноября 1920 г. указывалось, что «все существующие правительства на территории Дальневосточной республики теряют свои общегосударственные функции и превращаются в органы областного управления»⁴³; 29 ноября было утверждено «Временное Положение о местных органах народной власти Дальневосточной республики».

Следует, однако, отметить, что напряженная военнополитическая обстановка в ДВР не позволила сразу приступить к практическому осуществлению этого Положения. Еще 7—8 месяцев после Читинской конференции на местах управляли чрезвычайные органы народно-революционной власти: областные, уездные, волостные и сельские народно-революционные комитеты, часть которых не избиралась, а назначалась.

⁴¹ ПАЧО, ф. 1425, оп. 33, д. 94, лл. 8—9.

⁴² «Собрание узаконений и распоряжений...», 1920, № 1, с. 4.

⁴³ Там же.

Правительство ДВР произвело изменение в административном устройстве Дальнего Востока. По постановлению от 22 ноября 1920 г. Забайкальская область была разделена на две: Прибайкальскую (центр Верхнеудинск) и Забайкальскую (центр Чита). Из частей Сахалинской, Приморской и Амурской областей была образована новая область — Приамурская с административным центром в Хабаровске⁴⁴. Таким образом, Дальневосточная республика состояла из 7 областей: Прибайкальской (с населением 300 000 чел.), Забайкальской (500 000), Амурской (380 000), Приамурской (250 000), Приморской (400 000), Сахалинской (10 000) и Камчатской (свыше 20 000 чел.)⁴⁵.

Борьба за массы

Решающим условием и прочной гарантией успешного решения важных задач Дальневосточной республики после Читинской объединительной конференции должно было стать правильное политическое и организационное руководство Коммунистической партии «буферным» строительством. В этих условиях возрастала роль и ответственность Дальневосточной организации РКП (б). Что же представляла она собой в ту пору?

К ноябрю 1920 г. дальневосточные коммунисты насчитывали в своих рядах свыше 5000 членов и кандидатов^{46 * 48}. При этом их территориальное распределение было неравномерным. Основная масса жила и работала в Прибайкальской, Амурской и Приморской областях. В Забайкалье и Приамурье партийные организации только формировались.

Процесс партийного строительства на Дальнем Востоке проходил в чрезвычайно своеобразных и трудных условиях. До ликвидации «Читинской пробки» и упразднения Владивостокской группы Дальбюро партийные организации Дальнего Востока практически не имели своего единого организационного центра. Лишь с освобождением Читы Дальбюро ЦК РКП (б) стало распространять свое

⁴⁴ Там же, с. 17.

⁴⁵ Последние две области были фактически слабо связаны с ДВР. Значительная часть первой находилась под оккупацией, вторая вскоре вошла в состав РСФСР. Необходимо также отметить, что названия административных единиц ДВР и соответствующих партийных и государственных органов не всегда совпадали. Например, областной партийный орган Забайкалья именовался губкомом, а в Амурской области — обкомом РКП (б).

⁴⁸ В это число не входят армейские коммунисты. (около 4,5 тыс. чел.). Подсчет сделан автором по материалам совещания Дальбюро ЦК РКП (б) с представителями местных партийных организаций 19—21 ноября 1920 г. (ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 43, лл. 2—4).

влияние на все партийные организации Дальнего Востока. А обстановка продолжала оставаться очень сложной. Наряду с общими для всей страны трудностями, вызванными прежде всего хозяйственно-экономической разрухой, в Забайкалье и на Дальнем Востоке было немало специфических трудностей.

Прежде всего, в результате слабого развития крупной промышленности, к тому же вконец запустевшей в период гражданской войны, класс пролетариата был малочислен. В. И. Ленин отмечал: «Чем мы больше завоевывали Сибирь..., тем труднее становилась задача, тем тяжелее идет машина, потому что пролетариата в Сибири мало...»⁴⁷. Эта оценка в полной мере относилась и к Дальнему Востоку. Далее, в связи с созданием промежуточного — буферного — государства здесь была допущена деятельность буржуазных (кадеты) и мелкобуржуазных (меньшевики и эсеры) партий, которые издавали свои газеты и всеми доступными им средствами вели антикоммунистическую агитацию. Коммунистическая партия должна была, по соображениям тактического характера (особенно в начальный период существования ДВР), вести работу, как отмечалось в одном из отчетов Забайкальского губкома, формально на положении «частной организации, лишь исподволь руководящей своими членами, занимающими те или иные государственные посты»⁴⁸. Коммунистам необходимо было умело сочетать верность коренным коммунистическим принципам с гибкостью в решении многих практически-политических вопросов.

Немалые трудности были связаны и с реально возникшим противоречием между стремлением широких трудящихся масс к немедленному установлению здесь Советской власти и необходимостью для Коммунистической партии в силу причин международно-политического характера держать курс на строительство «буфера». К тому же в руководящих партийных кругах ДВР и отчасти в низовых партийных организациях еще не окончательно были изжиты разноречия по вопросам политики Коммунистической партии на Дальнем Востоке, характера «буферного» государства и др. У части коммунистов сохранялись антибуферные настроения, взгляды на ДВР как на мимолетное явление, от которого можно отказаться с ликвидацией «Читинской пробки». Такие позиции особенно сильно проявлялись на Амуре, где взгля-^{47 48}

⁴⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 40, с. 274.

⁴⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 460, л. 1.

ды отдельных коммунистов (особенно в партизанских районах) порой смыкались с анархистско-максималистской агитацией против «буфера»⁴⁹.

Наряду с этим у некоторых коммунистов обнаружилась опасная тенденция к абсолютизации сложившихся в ДВР форм государственного устройства и общественно-политической жизни и противопоставления их Советской России. Отдельные руководящие партийные работники, в том числе и из аппарата Дальбюро, стали распространять мнение о якобы неприменимости Программы РКП (б) к условиям Дальнего Востока и необходимости в связи с этим «переорганизовать» здесь Коммунистическую партию, подчинив ее непосредственно Коминтерну⁵⁰. С такого рода предложениями выступил, в частности, исполняющий обязанности начальника политотдела 1-й Читинской дивизии НРА Якобсон. Ему и некоторым поддерживавшим его коммунистам удалось добиться признания своей точки зрения на Петровско-Заводской районной партийной конференции⁵¹. 26 ноября на заседании 1-й Верхнеудинской уездной партийной конференции выступил с предложением о создании самостоятельной Коммунистической партии ДВР представитель Петровско-Заводской партийной организации Гробер⁵².

Такого рода предложения, независимо от того, какими субъективными намерениями руководствовались их авторы, объективно лили воду на мельницу сепаратистских планов дальневосточных меньшевиков и эсеров. Хотя сторонников подобных проектов были единицы, политическая вредность их взглядов была велика. Они вносили немалую дезорганизацию в ряды Дальневосточной партийной организации.

Очень мешала активной деятельности партийных организаций нехватка на Дальнем Востоке опытных кадров. Например, в Амурской области осенью 1920 г. насчитывалось лишь 120 кадровых партийных работников⁵³. Положение усугублялось чрезвычайно большой рассредоточенностью партийных организаций на огромной территории края. Многие районы далеко отстояли от линии железной дороги, а при отсутствии хороших шоссейных и гужевых дорог, да и средств транспорта это исключало возможность полной партийной информации, оперативной связи с отдаленными местами.

⁴⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 3.

⁵⁰ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 19, л. 30.

⁵¹ Там же, д. 1-а, л. 31.

⁵² Там же, д. 19, л. 30.

⁵³ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 3.

Нельзя забывать и трудности внешнеполитического характера. Дальневосточная республика и особенно ее пограничные районы находились под постоянной угрозой нападения империалистов и их ставленников. Поэтому часть средних слоев городского и отчасти сельского населения (в первую очередь в казачьих станицах) на первых порах заняла выжидательную позицию, не сразу решаясь поддерживать проводимые партией на Дальнем Востоке мероприятия⁵⁴.

Дальневосточная партийная организация отчетливо понимала реальную обстановку и на основе директив ЦК РКП (б) видела средство преодоления трудностей в том, чтобы направить «...все силы партии на ее лучшую организацию, на повышение качества и содержания ее работы, на создание более тесной связи с массами, на выработку все более и более правильной и точной тактики и стратегии рабочего класса»⁵⁵. Будучи одним из отрядов РКП (б), Дальневосточная партийная организация в своей партийно-политической и организационно-массовой работе всецело исходила из решений, принятых на IX съезде РКП (б) и IX Всероссийской партийной конференции.

IX съезд партии, как известно, уделил большое внимание вопросам укрепления единства и дисциплины в рядах партии, совершенствованию организационного аппарата и учета коммунистов, в частности решил поставить в основу учета коммунистов систему единого партийного билета⁵⁶.

Важные решения по вопросам партийного строительства приняла состоявшаяся в сентябре 1920 г. IX Всероссийская партийная конференция. В резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» был намечен ряд мероприятий по ликвидации недостатков внутрипартийной жизни, развитию внутрипартийной демократии, борьбе с бюрократизмом и повышению идейно-политического уровня членов партии⁵⁷.

Важную роль в укреплении Дальневосточной партийной организации и определении ее задач по руководству «буферным» строительством сыграла состоявшаяся 22—28 ноября 1920 г. 1-я Дальневосточная конференция^{64 65 66}

⁶⁴ ПАНО, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 3.

⁶⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 44, с. 100.

⁶⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е, т. 2. М., 1970, с. 171—172.

⁵⁷ Там же, с. 189—195.

РКП (б)⁵⁸. Она обсудила доклад Дальбюро ЦК РКП (б); положение Советской России; итоги IX Всероссийской партконференции; задачи РКП (б) в «буфере»; организационные вопросы; задачи подготовки к выборам в Учредительное собрание; вопросы профсоюзного движения.

Доклад о работе Дальбюро ЦК РКП (б) сделал А. М. Краснощеков. Он проанализировал причины и историю образования «буферного» государства, возникшие в связи с этим разногласия в Дальбюро и условия борьбы за их преодоление. Докладчик охарактеризовал основные направления работы Дальбюро и правительства ДВР, проделанной по ликвидации «Читинской пробки» и объединению Дальнего Востока. Он признал, что Дальбюро ЦК РКП (б) уделяло крайне недостаточно внимания организационно-партийным вопросам, объясняя перегруженностью государственно-политической работой.

Большое внимание конференция уделила обсуждению задач местных организаций РКП (б) на Дальнем Востоке, сформулированных в докладе члена Дальбюро А. А. Знаменского. Докладчик обстоятельно обосновал условия, которые диктовали необходимость сохранения еще на известное время «буферного» государства, со всей определенностью подчеркнув, что его создание продиктовано не внутренним состоянием Дальнего Востока, а международно-политическими причинами. ДВР по существу является, отмечал А. А. Знаменский, частью Советской России, органически с нею связанной и формально отделенной от нее в силу внешнеполитических условий. Вся работа Дальневосточной партийной организации должна быть подчинена директивам РКП (б). Во имя конечной цели, отмечал докладчик, допустимы целесообразные компромиссы, соглашения с мелкобуржуазными партиями, но они во всех случаях должны быть выгодны пролетариату и его авангарду — коммунистам.

По докладу А. А. Знаменского развернулись острые дебаты. Некоторые участники конференции (В. П. Бельгов, В. В. Рябиков), ссылаясь на происшедшие к концу ноября 1920 г. изменения в военно-политическом и международном положении Советской России (разгром врангелевщины и др.), стали доказывать, что будто бы теперь нет надобности в строительстве дальневосточного «буфера». Однако подавляющее большинство делегатов реши-

⁵⁸ В начале это было созданное по постановлению Дальбюро ЦК РКП (б) совещание представителей партийных организаций Дальнего Востока. На заключительном заседании совещание приняло решение конституироваться как конференция.

тельно отвергло «антибуферные» настроения. В решении конференции подчеркивалось, что политика Коммунистической партии на Дальнем Востоке определяется необходимостью создания здесь «прочного заслона для обороны рабоче-крестьянского дела России и тем самым основных сил мировой революции от натиска хищнического империализма».

Одновременно конференция осудила и категорически отвергла предложения тех, кто ратовал за обособление Дальнего Востока от Советской России. «Временный отказ РКП (б),— говорилось далее в решении,— от осуществления своих задач, приведший к созданию ДВР, как особого государства-буфера, не исключает для РКП (б) и Соввласти отстаивания в ней своих целей, требуя лишь особого способа для их достижения».

В соответствии с этой важнейшей политической установкой 1-я Дальневосточная партийная конференция определила конкретные задачи, формы и методы партийно-организационной работы. Конференция выработала также важные директивы о работе партии по укреплению государственного аппарата и армии⁵⁹. 1-я Дальневосточная конференция прошла в обстановке идейной и организационной сплоченности, наметила широкую программу деятельности большевистских партийных организаций ДВР по претворению в жизнь сложных политических целей Советского государства на Дальнем Востоке.

После окончания конференции партийно-политическая и организационная деятельность Дальневосточной организации РКП (б) была направлена главным образом на завоевание масс в развернувшейся в конце 1920 — начале 1921 гг. избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание ДВР.

Положение о выборах, утвержденное Читинской объединительной конференцией 11 ноября 1920 г., предусматривало проведение их на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. В отличие от Закона, изданного правительством ДВР от 3 июня 1920 г., о выборах в местные органы власти, в новом Положении были сняты установленные ранее ограничения; права участия в выборах были лишены лишь умалишенные, лица, совершившие тяжкие уголовные преступления, несостоятельные должники и т. п.⁶⁰

Положение устанавливало пропорциональную избирательную систему. В ее основу, в отличие от Конституции

⁵⁹ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 49—51, 62-64, 70-73, 80.

⁶⁰ ЦГАОР, ф. 4419, оп. 1, д. 54, лл. 1—2.

РСФСР 1918 г., был положен не производственный, а территориальный принцип. ДВР была разбита на 52 избирательных округа: 12—в Приморской области, 13—в Амурской, 13 — в Забайкальской. 10 — в Прибайкальской. 2—в Сахалинской и 2 — в Камчатской области⁶¹. Организация выборов была возложена на избирательные комиссии: Дальневосточную⁶², областные, окружные, участковые. Армия и флот ДВР участвовали в выборах отдельно от населения, образуя самостоятельные избирательные участки⁶³.

Как видим, с формально-юридической точки зрения ряд условий сближал избирательную систему ДВР с системами, характерными в тот период для буржуазно-демократических государств.

Перед коммунистами ДВР встала исключительно важная задача — в этих специфических по сравнению с РСФСР условиях добиться победы, дать сокрушительный отпор меньшевикам, эсерам, кадетам и другим враждебным политическим партиям и группам, естественно, намеревавшимся создать антикоммунистическое большинство в Учредительном собрании. Дальбюро ЦК РКП (б) в директивном письме 13 декабря 1920 г. указывало: «Основным лозунгом партии на выборах стоит лозунг: голоса тем, кто боролся за освобождение Дальнего Востока от Колчака, японцев, эсеров, меньшевиков, всем тем, кто борется за воссоединение Дальнего Востока с РСФСР»⁶⁴.

Выборы были назначены правительством ДВР на 9 января 1921 г.⁶⁵ Подготовка к выборам, которой была подчинена основная деятельность партийных организаций ДВР, в разных районах края протекала в весьма различных условиях. Особенно сложна была политическая обстановка в Прибайкальской области. Во второй половине ноября — начале декабря 1920 г. в Прибайкалье активизировалось контрреволюционное движение. В некоторых селах области (Большой Куналей, Белята, Гашей) орудовали крупные белобандитские банды от 30 до 100 чел.⁶⁶. В Троицкосавске группа контрреволюционеров предприняла попытку контрреволюционного переворота, аресто-

⁶¹ Там же, л. 1. В связи с незавершенностью организационного оформления Приамурской области ее избирательные округа входили в состав Приморской и Амурской областей.

⁶² Ее председателем был избран по тактическим соображениям народный социалист Шрейбер.

⁶³ ЦГАОР, ф. 4419, оп. 1, д. 13, л. 13.

⁶⁴ «Известия Дальбюро ЦК РКП (б)», 1921, № 1, с. 3.

⁶⁵ ЦГАДВ, ф. 1091, оп. 1, д. 2, л. 9.

⁶⁶ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 329, л. 1.

вав командный состав местного гарнизона⁶⁷. Оживилась деятельность меньшевиков и эсеров. Они стали создавать свои партийные ячейки, налаживать прессу. В ряде мест стали возникать союзы эсеровской молодежи.

Прибайкальские большевистские организации строили свою работу в период избирательной кампании, исходя из конкретного соотношения сил в отдельных районах области.

Довольно сложным было положение в г. Верхнеудинске. Здесь, например, из 5 тыс. членов всех профсоюзных объединений собственно пролетариата и интеллигенции, идеологически близкой к нему, было не более 1 тыс. чел. Четыре пятых составляли мелкобуржуазные элементы⁶⁸. В Баргузинском районе находившийся под влиянием эсеров Прибайкалсоюз имел ряд опорных пунктов. Сильны были позиции враждебных коммунистам сил в Ключевском районе, где хозяйничали кулаки⁶⁹, а также в Чикойском и Кульском районах, население которых подпало под влияние националистов во главе с Вампилуном и Даниновым.

Совсем иная картина была в Хилокском районе, крестьянство которого пострадало от грабежей и насилий семеновцев и каппелевцев и потому активно участвовало в партизанском движении. Благоприятная обстановка складывалась в Тарбагатайском районе и по линии железной дороги. Рабочие-горняки и железнодорожники в основной массе активно поддерживали народно-революционную власть⁷⁰.

Прибайкальское губбюро РКП (б) концентрировало партийные силы на особо трудных участках, прежде всего, естественно, в деревне. Здесь (в первую голову в староверческой деревне) еще не произошло в должной степени субъективное расслоение, беднота еще не осознала своих классовых интересов⁷¹. Велика была материальная зависимость части бедноты от кулаков и духовенства⁷². По инициативе группы коммунистов — активных участников партизанского движения Е. В. Лебедева, Ф. С. Петрова, братьев А. П. и П. П. Смолиных, С. Ю. Широких-Полянского и др., — Прибайкальское губбюро решило создать на период избирательной кампании комитет революционного крестьянства для рабо-

⁶⁷ ЦГА БурАССР, ф. 468, оп. 1, д. 6, л. 255.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 329, л. 7.

⁶⁹ Там же, л. 6.

⁷⁰ Там же, лл. 6—7.

⁷¹ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 109, л. 3.

⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 329, л. 3.

ты в деревне. Имелось в виду, что члены комитета свяжутся с бывшими участниками партизанского движения и, опираясь на них, сумеют повести бедняцко-середняцкую часть деревни за коммунистами под флагом революционного крестьянства.

Дальбюро ЦК РКП (б) одобрило эту идею, и, по распоряжению главы правительства ДВР А. М. Краснощекова, были выделены необходимые денежные средства. Комитет революционного крестьянства направил для организации работы в Чикойский район Цыпылова, в Хилокский район — Смолина, в Троицкосавский район — Авсеева, в с. Куналей — Лебедева⁷³. Кроме того, губбюро командировало в районы области 19 инструкторов-организаторов для проведения избирательной кампании⁷⁴.

О размахе проделанной в сельской местности работы можно судить по таким данным: в селах Петровско-Заводского района за время избирательной кампании было проведено 14 митингов, на которых присутствовало до 35 тыс. чел.; в Хилокском районе — 6 митингов с участием 1200 чел.; в Верхнеудинском районе — 25 митингов с участием 10 тыс. чел.⁷⁵

Разумеется, Прибайкальская партийная организация не забывала и города. В городах области проводились киномитинги, профсоюзные конференции, лекции, доклады. В Верхнеудинске только в ноябре состоялось 8 митингов, привлечших 4 тыс. участников⁷⁶, 2 киномитинга, на которых присутствовало 700 чел., в Петровском заводе — 7 митингов, охвативших 2 тыс. чел.⁷⁷

Вся эта работа проходила в обстановке острой борьбы с меньшевиками и эсерами. Например, 8 января 1921 г. на предвыборном митинге в здании железнодорожной школы г. Верхнеудинска выступивший в прениях меньшевик пытался опорочить положение дел в Советской России, рассказывая «о развале и прочих ужасах». Но он получил решительный отпор. «Аудитория на эту наглую ложь ответила взрывом негодования»⁷⁸.

Работа Прибайкальской партийной организации, несомненно, дала свои плоды, но все же не смогла в полной мере нейтрализовать отрицательные политические фак-

⁷³ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, л. 1-а, л. 36.

⁷⁴ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 348, л. 1.

⁷⁵ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 109, лл. 7, 10.

⁷⁶ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 348, л. 9.

⁷⁷ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 109, лл. 7, 10.

⁷⁸ «Красное Прибайкалье», 1921, 12 января.

торы, и они сказались на итогах выборов. По данным на 1 февраля 1921 г. по области было избрано: коммунистов — 12⁷⁹ (11 из них прошли по спискам революционного крестьянства), меньшевиков — 6, эсеров — 3, крестьян-меньшинства (кулаков) — 23, бурят — 12, кадетов и ценовых элементов — 1^{80 81}.

Несколько иначе развернулись события в Забайкальской области. Здесь подготовка к выборам совпала с процессом организационного оформления партийной организации, ведущимся в специфически сложных условиях. До ликвидации «Читинской пробки» партийные организации Забайкалья по существу не имели своего единого организационного центра. Так называемое Забайкальское губбюро РКП (б), созданное в Верхнеудинске в июле 1920 г., осуществляло партийное руководство главным образом на территории Прибайкалья. В первой половине сентября 1920 г., после освобождения Нерчинска от японских интервентов и семеновцев, был создан областной комитет РКП (б) Восточного Забайкалья (во главе с М. Н. Прохоровым), который начал налаживать партийную работу в восточных районах Забайкальской области^м. С освобождением Читы от семеновцев, по решению Дальбюро от 27 октября 1920 г., было создано Забайкальское областное бюро РКП (б), которое возглавило партийную работу на всей территории Забайкалья. В него вошли Н. Н. Ромм, М. В. Власова, П. М. Никифоров, Ф. Н. Петров, М. Э. Дельвиг, В. П. Бельгов⁸².

К работе по созданию, оформлению и инструктажу партийных организаций на местах был привлечен партийный актив Читы и более 20 постоянных инструкторов областного бюро РКП (б), командированных в населенные пункты Забайкалья. С конца октября 1920 г. до конца января 1921 г. состоялись пленум и 23 заседания президиума областного бюро РКП (б)⁸³.

⁷⁹ В работе П. П. Тышкилова «Партийные организации Бурятии в период восстановления народного хозяйства страны (1921 — 1925 гг.)» (Улан-Удэ, 1963) на с. 10 ошибочно указано, что в Учредительное собрание ДВР по Прибайкальской области было избрано 9 коммунистов.

⁸⁰ **ПАБурО**, ф. 57, он. 1, д. 183, л. 172.

⁸¹ **Красногвардейцы** и партизаны. Чита, 1957, с. 134.

⁸² ЦПА ИМ Л, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 70. 30 декабря 1920 г. Дальбюро рассмотрело состав Забайкальского облбюро РКП (б), утвердив его в следующем составе: Н. Н. Ромм, В. П. Бельгов, М. Э. Дельвиг, И. А. Кузнецов, К. И. Кнопинский, Родионов, В. О. Корницкий, Саловаров, Конов и Сентянов.

⁸³ **ПАЧО**, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 17.

На заседаниях президиума областного бюро, на совещаниях партийного актива систематически рассматривались наиболее важные вопросы партийно-организационной и партийно-политической работы.

Организационно-массовая работа областного бюро при огромной тяге трудящегося населения Забайкалья к Коммунистической партии привела к быстрому росту рядов Забайкальской партийной организации. На железнодорожных станциях, рудниках, в селах и станицах стали укрепляться возникшие еще в условиях подполья при семеновщине коммунистические ячейки. Например, оформленная в июле 1920 г. на Черновских коях коммунистическая ячейка лишь с разгромом семеновщины широко развернула свою работу. Число ее членов с 32 в июле выросло до 67 в середине декабря 1920 г.⁸⁴ Наряду с укреплением старых повсеместно возникали новые коммунистические ячейки. Орготдел областного бюро РКП (б) с 1 по 20 ноября организовал в железнодорожном районе г. Читы 17 ячеек⁸⁵. Часто они создавались по почину самих трудящихся. Бывали случаи, когда крестьяне на сходе «выбирали» комячейку, как выбирали свой сельский ревком.

В результате быстрого роста рядов Забайкальской партийной организации, особенно за счет крестьянства Сретенского и Нерчинского уездов, принимавших активное участие в борьбе против интервентов и белогвардейцев, к концу января 1921 г. в ее составе было 234 ячейки, объединивших 368 членов партии и 2209 кандидатов⁸⁶.

Жизнь поставила перед коммунистами Забайкалья сложную, но четкую центральную задачу — укреплять авторитет и руководящую роль Коммунистической партии в массах и на этой основе нанести поражение на выборах антипролетарским, антисоветским политическим партиям, бывшим на деле агентурой империализма.

Преодолевая сопротивление меньшевиков и эсеров, забайкальские коммунисты добились определяющего влияния в профсоюзах, выступая в блоке с ними в избирательной кампании в городах и выдвигая единые списки.

В распространении и укреплении влияния партии среди рабоче-крестьянской молодежи Забайкалья — и не только молодежи — решающую роль играл комсомол. К началу января здешние комсомольские организации насчитывали свыше 5000 членов⁸⁷. За влияние на молодежь

⁸⁴ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 21.

⁸⁵ «Дальневосточная правда», 1920, 25 ноября.

⁸⁶ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 10, л. 17.

⁸⁷ Там же, д. 3, л. 17.

партийным организациям пришлось вести острую борьбу с меньшевиками, эсерами и другими антипролетарскими политическими партиями.

Комсомол принял активное участие в кампании по выборам Учредительного собрания. Комсомольцы ходили по домам, агитировали за списки коммунистов, разъясняли трудящимся политику Коммунистической партии. В ряде мест Забайкалья комсомольцы буквально блокировали эсеров-меньшевистских агитаторов. Например, на Черновских копиях местная комсомольская ячейка вывесила возле избирательного участка громадный лозунг: «Говарити! Голосуйте за списки коммунистов!»⁸⁸

Много внимания уделяли партийные организации Забайкалья социальному раскрепощению женщин. С конца октября 1920 г. до конца января 1921 г. Забайкальским областным бюро РКП (б) было проведено 14 женских митингов и 2 делегатских собрания⁸⁹. Активную деятельность среди трудящихся женщин развернули и партийные организации на местах.

Важным средством укрепления связей партии с массами являлись также беспартийные конференции. На них обсуждались, как правило, наиболее острые жизненные вопросы: текущий момент, продовольственное положение, выборы в Учредительное собрание и другие. В период избирательной кампании Забайкальское областное бюро РКП (б) провело в городах и селах 9 беспартийных конференций и съездов, 150 митингов трудящихся⁹⁰.

Конкретную помощь Забайкальской партийной организации оказало Дальбюро ЦК РКП (б). По его решению от 10 декабря 1920 г. группа руководящих работников ДВР была распределена по различным районам Забайкалья. На А. М. Краснощекова была возложена ответственность за ход избирательной кампании в г. Чите, на Д. С. Шилова — в г. Нерчинске, на А. А. Знаменского — среди казаков Восточного Забайкалья⁹¹ и т. д.

Коммунистическая партия проводила кампанию по выборам в Учредительное собрание под знаком всемерного укрепления союза рабочих и трудовых крестьян Забайкалья. Ленинская идея союза рабочего класса и крестьянства пронизывает все решения предвыборных собраний трудящихся, а также другие документы этого периода. «Долой всех явных и тайных контрреволюционеров. До-

⁸⁸ Богачук А., Сухарев В. Всегда с партией. Чита, 1959, с. 42.

⁸⁹ «Дальневосточная правда», 1921, 4 февраля.

⁹⁰ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 17.

⁹¹ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 9.

лой деревенских кулаков, спекулянтов и мародеров. Да здравствует братский союз рабочих, крестьян и казаков во главе с бойцами-партизанами!»⁹², — говорилось в обращении группы революционных партизан к рабочим и крестьянам Забайкалья в связи с выборами.

В Забайкалье коммунисты и поддерживавшие их беспартийные рабочие, крестьяне-бедняки и середняки получили подавляющее большинство голосов. В Сретенском уезде коммунисты получили в Учредительном собрании 8 мест, а эсеры и меньшевики — 2. В Нерчинско-Заводском районе были избраны депутатами 6 коммунистов и лишь 2 кандидата по списку меньшевиков и эсеров⁹³. В Чите, несмотря на то, что здесь буржуазные и мелкобуржуазные слои населения поддерживали меньшевиков, кадетов и эсеров, коммунисты в блоке с профсоюзами собрали наибольшее число голосов — 5346 — и получили право направить в Учредительное собрание 4 депутата⁹⁴. В целом по данным на 1 февраля 1921 г. в числе 89 депутатов Забайкальской области было избрано 65 коммунистов и беспартийных крестьян, шедших за коммунистами, 9 эсеров, 4 меньшевика, 8 крестьян-меньшинства (кулаков) и 3 кадет⁹⁵.

Выборы в Учредительное собрание, бесспорно, явились ярким свидетельством того, что абсолютное большинство населения Забайкалья сплоченно выступает под руководством коммунистов, видя в них испытанных борцов против интервентов и белогвардейцев за кровные интересы трудящихся, за воссоединение с Советской Россией.

* * *

Острой политической борьбой сопровождались выборы в Учредительное собрание и в Амурской области. Избирательная кампания здесь проходила в тот момент, когда часть населения области — рабочие железной дороги, приисков и лесозаготовительных предприятий — испытывали большие продовольственные трудности⁹⁶. Меньшевики, эсеры, анархисты, максималисты не преминули воспользоваться этим и, мобилизуя все средства устной и печатной агитации, развернули бешеную антикоммунистическую кампанию. Секретарь Амурского обкома РКП (б) С. Г. Черемных в своем докладе на 3-й Дальневосточной партийной конференции говорил по этому

⁹² За власть Советов. Чита, 1957, с. 355.

⁹³ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 3, лл. 18—19.

⁹⁴ «Дальневосточная правда», 1921, 16 января.

⁹⁵ ПАЧО, ф. 1, он. 2, д. 13, л. 54.

⁹⁶ ДПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 352, л. 218.

поводу: «Беспощадная критика партии, демагогия анархистов и максималистов, провокация и травля ответственных работников и игра всех политических противников на экономических затруднениях — основные моменты избирательной кампании»⁹⁷.

Но основная масса крестьянства и казачества Амура «симпатизировала революционной власти»⁹⁸. Опираясь на их поддержку, амурские коммунисты, насчитывавшие в своих рядах к началу января 1921 г. 3 тыс. членов и 1000 кандидатов в члены партии⁹⁹, противопоставили эсеро-меньшевистской и анархо-максималистской демагогии правдивое большевистское слово. В своей предвыборной агитации они на ярких примерах из опыта гражданской войны на Дальнем Востоке показывали рабочим и крестьянам, что мелкобуржуазные и буржуазные политические партии и группы являются в конечном счете «ожесточенными, злобными врагами советской революции и республики, выразителями имущих капиталистических групп». Не случайно на большинстве районных крестьянских предвыборных съездов были выставлены списки революционного трудового крестьянства. «...Лишь кое-где,— писала газета «Амурская правда»,— оказались выставленными параллельные списки деревенских богатеев»^{100 101}.

В городах Амурской области эсерам, меньшевикам, кадетам удалось выставить свои списки. Но и здесь в конечном счете общие итоги выборов показали несостоятельность этих партий. Так, среди 19 членов Учредительного собрания, избранных в Благовещенском избирательном округе, было 11 коммунистов и крестьян, поддерживавших коммунистов, 1 меньшевик, 3 эсера, 4 цензовика¹⁰¹. В целом же по области из 88 членов Учредительного собрания 61 представляли Коммунистическую партию и революционное крестьянство¹⁰².

* * *

Свои особенности имела избирательная кампания и во вновь созданной Приамурской области. Здесь, как и в Забайкалье, развернулся двуединый процесс строитель-

⁹⁷ **Протоколы** 3-й Дальневосточной краевой конференции РКП (б), Чита, 1921, с. 31.

⁹⁸ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 352, л. 218.

⁹⁹ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 4, л. 146-а.

¹⁰⁰ «Амурская правда», 1921, 5 января.

¹⁰¹ **Октябрь** на Амуре. Благовещенск, 1961, с. 277.

¹⁰² ПАЧО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 54.

ства партийных организаций и их участия в проведении выборов в Учредительное собрание.

После эвакуации японских войск из Хабаровска начала воссоздаваться городская партийная организация РКП (б). В начале ноября состоялась городская партийная конференция, избравшая горпартком. К этому времени в Хабаровске было 9 коммунистических ячеек, в которых состояло на учете 17 членов и 68 кандидатов в члены партии. Горпартком сразу же направил 5 инструкторов на село. В деревнях области насчитывалось всего 9 членов партии и 84 сочувствующих¹⁰³.

В начале декабря 1920 г. горпартком сообщал в Дальбюро ЦК РКП (б): «...У нас идет энергичная строительная партийная работа как в городе, так и в уезде. Организованы инструкторский и агитационный отделы. Начинаем в городе работу среди женщин». К этому времени Хабаровская городская партийная организация объединяла уже 12 ячеек, в составе которых было 45 членов и 90 кандидатов¹⁰⁴.

10 декабря 1920 г., в соответствии с указанием Дальбюро ЦК РКП (б), было организовано Приамурское областное бюро РКП (б)^{105 106}. В его составе имелось 2 отдела: городской (для руководства ячейками г. Хабаровска) и деревенский.

Облбюро РКП (б) осуществило ряд важных организационно-политических мероприятий. Прежде всего были приняты меры к дальнейшему укреплению коммунистических ячеек в Хабаровске, где к 1 января 1921 г. насчитывались 61 член и 138 кандидатов в члены партии. Выросло до 42 число ячеек в деревне¹⁰⁶. Для подготовки кадров в Хабаровске были открыты партийные курсы. Облбюро РКП (б) наладило выпуск газеты «Голос трудящихся», 1000 экз. которой распространялось в городе и 500 в деревне¹⁰⁷. В сельских районах были организованы 29 культпросветкружков и 22 избы-читальни¹⁰⁸.

С декабря 1920 г. деятельность созданного организационно-партийного и культурно-просветительного аппарата была всецело подчинена задачам проведения выборов в Учредительное собрание. На период предвыборной кампании в область направились 20 инструкторов-организа-

¹⁰³ Там же, л. 10.

¹⁰⁴ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 432, л. 21.

¹⁰⁵ Там же, д. 395, л. 14. В бюро вошли П. П. Постышев, В. С. Бондаренко и А. К. Флегонтов.

¹⁰⁶ Там же, лл. 1—10б.

¹⁰⁷ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 10.

¹⁰⁸ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 395, л. 10б.

торов. Во всей своей работе они руководствовались специальной директивой Дальбюро Приамурскому облбюро РКП (б), требовавшей решительного разоблачения «других политических партий, в особенности правых социалистов, за их предательскую тактику»¹⁰⁹.

В одном из докладов на состоявшемся в конце февраля областном совещании секретарей коммунистических ячеек Приамурья указывалось: «В период налаживания организации пришлось проводить предвыборную кампанию в Учредительное собрание, на которую было потрачено много сил и энергии»^{109 110}. В Хабаровске, Дальнереченском и Хабаровском уездах устраивались предвыборные митинги, распространялись плакаты, летучки, воззвания и т. д.¹¹¹

Партийная работа не везде была успешной: в Хабаровске, с его большим количеством мелкобуржуазных элементов, избранными оказались только 4 коммуниста (остальные места достались эсерам); в сельских районах коммунисты получили большинство голосов^{112 113 114}.

* * *

В наиболее тяжелых условиях выборы в Учредительное собрание проходили в Приморской области, оккупированной японцами. В Южном Приморье, в местах, куда бежали из Забайкалья каппелевцы, сложилась особенно напряженная обстановка. Ее отчетливо характеризует приказ по горнизону с. Жариково от 5 января 1921 г.: «Объявляю, что сходки, собрания и т. п. сходы крестьян с. Жариково без моего разрешения не устраивать. За неисполнение сего приказа виновные будут привлечены к ответственности»¹¹⁵.

Несмотря на такое положение, Приморская партийная организация, состоявшая в декабре 1920 г. из 1116 членов и 440 сочувствующих¹¹⁶, развернула активную предвыборную агитацию. Нелегкое это было дело. Клеветниче-

¹⁰⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 46; д. 342, л. 1.

¹¹⁰ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 395, л. 1.

¹¹¹ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 48.

¹¹² Протоколы 3-й Дальневосточной краевой конференции РКП (б), с. 25. Статистические сведения о результатах выборов по Приамурской области включены в данные по Приморской области в рамках прежнего административного деления.

¹¹³ «Красное знамя», 1921, 13 января.

¹¹⁴ Беликова Л. И. Большевики Приморья в годы гражданской войны, с. 91. По нашим подсчетам, основанным на статистических данных, приведенных в отчете Приморской организации Дальбюро, к 1 декабря 1920 г. число членов партии составило 1165 чел. (ПАПК, ф. 1, оп. 2, д. 22, лл. 2об.).

ские голоса эсеров и меньшевиков, кадетов и белогвардейско-монархических элементов слились в единый антикоммунистический хор. Большевики Приморья достойно отражали натиск этих враждебных антипролетарских сил, порой нанося им сокрушительные удары.

На предвыборный митинг в Никольск-Уссурийске областной комитет эсеров Приморья стянул свои «лучшие» силы во главе с лидером эсеров Плехановым. Но никакое красноречие и энергичная жестикуляция не помогли эсерам. Даже махрово-реакционная газета «Уссурийское слово» писала, что «темная масса» (так она именovala трудящихся.— Б. Ш.) пошла за «демагогами» (так она окрестила коммунистов.— Б. Я/.)^{115 116}. 30-тысячный отряд организованных рабочих Владивостока в своей массе всецело поддержал коммунистов. 30 декабря, «заслушав доклад о выборах в Учредительное собрание ДВР, собрание членов союза грузчиков постановило:

- 1) принять всем членам союза самое активное участие в выборах;
- 2) голосовать только за список, выставленный советом профсоюзов и зарегистрированный под № 2»¹¹⁶.

Во Владивостоке из 22 330 участвовавших в голосовании 12 380 чел. проголосовали за список № 2. По этому списку в Учредительное собрание было избрано 15 депутатов¹¹⁷. Внушительную победу одержали коммунисты в Анучинском районе: здесь от Коммунистической партии было избрано 3 члена в Учредительное собрание, в том числе активный участник партизанского движения в Приморье Я. К. Кокушкин¹¹⁸.

Однако ненормальная политическая обстановка в Приморье не могла не сказаться на результатах выборов. Во Владивостоке и других районах скопилось огромное число «бывших людей» и остатков белогвардейско-монархической контрреволюции, которые отдали свои голоса буржуазным и мелкобуржуазным партиям. В составе 94 членов Учредительного собрания, избранных на территории Приморской области (включая вновь созданную Приамурскую область), было 40 коммунистов, 39 представи-

¹¹⁵ «Красное знамя», 1921, 1 января.

¹¹⁶ Там же. Список № 2 — кандидаты Владивостокского совета профсоюзов. По этому списку баллотировались коммунисты П. М. Никифоров, С. Ф. Суховий, М. П. Копытин, В. Г. Антонов, Н. К. Ильюхов, К. Ф. Пшеницын и др.

¹¹⁷ «Красное знамя», 1921, 13 января.

¹¹⁸ Там же, 18 января.

телей крестьян-меньшинства (кулаки), 8 эсеров, 1 меньшевик и 14 кадетов и цензовых элементов^{119 120 121}.

Важную роль в исходе борьбы на выборах в Учредительное собрание должна была сыграть Народно-революционная армия. Политические органы НРА добились большого успеха. В избирательных округах НРА было избрано в Учредительное собрание 47 коммунистов, 1 меньшевик, 1 эсер и 1 беспартийный¹²⁰.

Значительная работа была проведена Харбинской и другими партийными организациями в полосе отчуждения КВЖД. Все силы коммунистов — здесь их насчитывалось 350 — были мобилизованы на избирательную кампанию. В полосе отчуждения КВЖД в состав Учредительного собрания было избрано 11 коммунистов и 1 беспартийный¹²¹.

Коммунисты одержали на выборах в Учредительное собрание внушительную победу. Членов и кандидатов РКП (б) было избрано 230¹²². Жизнь подтвердила, что Коммунистическая партия пользуется огромным авторитетом и доверием со стороны основных масс трудящихся Дальневосточного края. Особенно замечателен этот успех тем, что был достигнут в условиях продолжающейся интервенции, свободы политической деятельности контрреволюционных партий и групп, при наличии всеобщего избирательного права, не ограничивавшего участия в выборах буржуазных элементов.

Уместно вспомнить, что идейные враги большевизма, лакеи буржуазии, критикуя Коммунистическую партию России с позиций так называемой «чистой демократии», неоднократно заявляли, что если бы она ввела всеобщее избирательное право, то утратила бы свои руководящие позиции в пролетарском государстве. Особенно яростно распинался на эту тему К. Каутский, но коммунисты понимали, что буржуазия была лишена избирательных прав в Советской стране в силу исторических условий развития русской революции¹²³. Однако даже когда в одном из районов страны — Дальневосточном крае — ей, по соображениям тактического порядка, были предоставлены все политические права, она оказалась не в состоянии повести за собой сколько-нибудь значительные слои населения.

¹¹⁹ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 54.

¹²⁰ Там же, оп. 1, д. 43, л. 4.

¹²¹ Там же, оп. 2, д. 13, л. 54.

¹²² Там же. Данные неполные. Не хватало сведений по Агинскому избирательному округу Забайкальской области и по некоторым избирательным участкам Приморья и Прибайкалья.

¹²³ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 37, с. 282.

Государственно-юридическое оформление ДВР

Осуществление политического курса Советской власти на Дальнем Востоке, а также практическая работа по завершению строительства Дальневосточной республики в конце 1920 — начале 1921 г. проходили не гладко, осложняясь теми или иными изменениями в международном положении. Некоторые руководители Дальневосточной партийной организации стали полагать, что назначение Дальнего Востока быть заслоном и глубоким тылом для Советской России уже исчерпало себя. Исходя из такой посылки, Дальбюро ЦК РКП (б)¹²⁴ на заседании 20 декабря 1920 г. (при отсутствии А. М. Краснощекова — он в это время тяжело болел) приняло решение поставить перед ЦК РКП (б) вопрос о переходе на советский порядок к моменту созыва Учредительного собрания.

Чем мотивировалась такая позиция?

1. «Буфер» обладает недостаточными средствами для завершения поставленных задач, связанных с ликвидацией интервенции на Дальнем Востоке.

2. Экономическое положение Дальнего Востока требует «срочного применения последовательно советских приемов», без чего производительные силы края будут обречены на расхищение.

3. Существование ДВР не «в обстановке борьбы за оборону и независимость Советской России, а в условиях мирной работы ведет к закреплению хищнических элементов, пробуждая и утверждая интересы кулаческих верхов сельского населения».

4. Демократический характер «буфера» поведет к закреплению Учредительного собрания, всех демократических условностей, создавая в дальнейшем серьезные препятствия к переходу на советский порядок.

25 декабря 1920 г. запрос Дальбюро с приведенным выше обоснованием был направлен в ЦК РКП (б)¹²⁵.

Нетрудно заметить, что анализ политического состояния Дальнего Востока в решении Дальбюро был оторван от положения дел в Советской стране в целом, не учитывал всей совокупности факторов, определявших весьма сложную и противоречивую обстановку к концу 1920 г.

¹²⁴ В состав Дальбюро в это время входили А. М. Краснощеков, А. А. Знаменский, С. Я. Гроссман, М. А. Трилиссер, М. Э. Дельвиг и В. И. Хотимский. (Последний находился в Приморье.) (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 288, лл. 10—11.)

¹²⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 12, л. 154.

Бесспорно, к этому времени Советская страна значительно упрочила свое международное положение и даже, по выражению Г. В. Чичерина, перешла в «мирное наступление» на дипломатические позиции капиталистических государств. Тем не менее международное положение Советской республики оставалось еще весьма напряженным.

В декабре 1920 — январе 1921 гг. империалисты стали готовить новый тур антисоветской интервенции. Они активизировали свою деятельность и на Дальнем Востоке. В частности, Франция в это время вела переговоры с Японией о переброске на Дальний Восток остатков врангелевских войск. В. И. Ленин в докладе на заседании фракции РКП (б) VIII съезда Советов заявил: «У нас есть целый ряд сообщений, конечно, тайных, что капиталистические страны не бросили намерения весной вновь начать войну с Советской Россией»¹²⁶. В связи с этим В. И. Ленин считал, что советская внешняя политика должна быть чрезвычайно активной и гибкой с тем, чтобы обеспечить мирное хозяйственное строительство, не допустить срыва англо-советских торговых переговоров, а также начавшихся переговоров с американским промышленником Вандерлипом относительно концессий на Камчатке¹²⁷.

Необходим был чрезвычайно осторожный политический курс на Дальнем Востоке. «Бороться с Японией мы в настоящий момент не в состоянии», — предупреждал В. И. Ленин в декабре 1920 г. на том же заседании фракции РКП (б) VIII съезда Советов¹²⁸. Формулируя в связи с этим сущность «буферной» политики на Дальнем Востоке, В. И. Ленин отмечал: «Буфер есть буфер, чтобы выждать время, а потом побить японцев»¹²⁹ *.

Однако члены Дальбюро ЦК РКП (б) — противники «буфера» — не учитывали всей сложности ситуации. Готовя решение о необходимости перехода на советский порядок, Дальбюро поручило ответственному работнику ДВР С. Г. Вележеву, направлявшемуся на VIII съезд Советов, остановиться в Омске и проинформировать Сиббюро ЦК РКП (б) о принятом решении. Сиббюро, обсудив 21 декабря 1920 г. сообщение С. Г. Вележева, отметило в своем решении, что оно «считает своевременным постановку вопроса о ликвидации „буфера“»¹³⁰.

¹²⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 97.

¹²⁷ Там же, с. 93—96.

¹²⁸ Там же, с. 95.

¹²⁹ Там же, с. 170.

¹³⁰ ПАНО, ф. 1, оп. 3, Д. 2, л. 75.

Таким образом, речь шла, по существу, о пересмотре выработанной ЦК РКП (б) и в основном успешно осуществлявшейся политики на Дальнем Востоке. Ввиду исключительной важности запрос Дальбюро ЦК РКП (б) был поставлен 4 января 1921 г. на обсуждение Пленума ЦК РКП (б), который проходил под председательством В. И. Ленина. Пленум, заслушав информацию П. М. Никифорова, принял постановление: «Признать советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время, равно как недопустимыми какие бы то ни были шаги, способные нарушить договор с Японией». Для детальной выработки основных положений экономической и внешней политики ДВР Пленум образовал комиссию в составе Г. В. Чичерина, Е. А. Преображенского и П. М. Никифорова¹³¹.

Разработанные комиссией «Краткие тезисы по Дальневосточной республике» 12 января 1921 г. были утверждены Пленумом ЦК РКП (б)^{131 132}. В «Тезисах» указывалось, что Дальневосточная республика, признанная официально РСФСР, охватывает дальневосточные окраины в пределах границ, указанных в проекте договора о границах, выработанного и предложенного ДВР в октябре 1920 г.¹³³

Принципиальное значение имели данные в «Тезисах» указания относительно характера организации государственной власти республики. «Выбираемые исполнительные органы в центре и на местах,— говорилось в них,— формально должны считаться беспартийными, фактически же должны состоять целиком или в подавляющем большинстве из коммунистов». ЦК РКП (б) будет руководить политикой Дальневосточной республики через назначенное из центра Дальневосточное бюро (из 3 или 5 лиц), непосредственно подчиняющееся ЦК РКП (б). Все существенные вопросы внутренней и все без исключения вопросы военной политики и взаимоотношений с иностранным капиталом должны решаться с согласия Центра¹³⁴.

В ходе обсуждения на Пленуме 12 января заключения комиссии по Дальневосточной республике к «Тезисам»

¹³¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 53, л. 1.

¹³² Там же, д. 55, л. 7. Авторы 9-й главы 5-го тома «Истории гражданской войны в СССР» допустили неточность, утверждая, что краткие тезисы о ДВР были утверждены Политбюро ЦК РКП (б). (История гражданской войны в СССР. Т. 5. М., 1960, с. 347).

¹³³ Описание границ ДВР было дано в Декларации Читинской объединительной конференции 29 октября 1920 г.

¹³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 55, лл. 27—28,

были сделаны некоторые дополнения¹³⁵. Особенно важное значение имело указание на то, что при сохранении ДВР как переходного государственного образования все политические мероприятия органов власти ДВР должны способствовать «скорейшему установлению непосредственных отношений РСФСР с иностранными державами»^{135 136}.

Таким образом, принятые 12 января Пленумом ЦК РКП (б) «Краткие тезисы по Дальневосточной республике» давали партийным органам Дальнего Востока ясный политический ориентир относительно их задач по строительству «буферного» государства. Это было как нельзя более кстати. В январе 1921 г. в Дальбюро вновь обнаружились разногласия между А. М. Краснощековым, с одной стороны, и М. А. Трилиссером, С. Я. Гроссманом и А. А. Знаменским — с другой. Первый по-прежнему стоял за сохранение «буферного» государства, остальные считали, что настал момент его ликвидации.

Обстановка, сложившаяся в Дальбюро, вызвала беспокойство ЦК партии. На Пленуме ЦК РКП (б) 26 января 1921 г. вновь был поставлен вопрос о Дальневосточной республике и принято постановление: «Поручить Оргбюро немедленно путем сношения по проводу приказать обеим группам Дальбюро работать дружно, изложить кратко свои разногласия и во что бы то ни стало проводить директивы ЦК относительно „буферного“»¹³⁷.

Решение ЦК партии возымело действие на противников существования «буферного» государства. Они вынуждены были пересмотреть свои позиции и включиться в практическую работу по подготовке к открытию Учредительного собрания.

Опираясь на указания и помощь со стороны ЦК РКП (б), Дальбюро активизировало свою политическую и организационную деятельность. В целях сосредоточения сил на решении кардинальных вопросов дальневосточной политики аппарат Дальбюро был реорганизован. Еще раньше (в декабре 1920 г.) для разгрузки от текущих вопросов при Дальбюро был создан Секретариат. На него было возложено разрешение всех вопросов «организационно-партийного строительства в масштабе ДВР». Это дало безусловный эффект. С 1 января по 1 июня 1921 г. на

¹³⁵ Подавляющее большинство дополнений сделано В. И. Лениным (Никифоров П. М. Указ, соч., с. 238).

¹³⁶ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 55, л. 29,

¹³⁷ Там же, д. 56, л. 3.

заседании Секретариата Дальбюро было рассмотрено 474 вопроса ¹³⁸.

Дальневосточная партийная организация ощущала острую нехватку опытных партийных кадров. Учитывая это, ЦК партии в течение января — апреля 1921 г. направил на руководящую работу в ДВР из Советской России 90 коммунистов ¹³⁹.

18 января 1921 г. Дальбюро приняло решение по организационным вопросам, в котором указывалось: «Считать необходимым перед Учредительным собранием созыв Д. В. конференции не позднее 5 февраля...» ^{138 139 140}. Политическая и организационная подготовка конференции была поручена Секретариату Дальбюро ЦК РКП (б), который на своем заседании 26 января рассмотрел практические вопросы, связанные с ее проведением. В частности, была установлена норма представительства на конференцию: от 500 членов партии — 1 делегат ¹⁴¹.

3 февраля 1921 г. Дальбюро вновь рассмотрело вопрос о подготовке к конференции. Была уточнена повестка дня, а также решены некоторые вопросы, связанные с составом участников конференции. Дальбюро постановило всех членов коммунистической фракции Учредительного собрания допустить на конференцию в качестве гостей. Комфракции было также предложено выбрать из своей среды 15 делегатов на конференцию с правом совещательного голоса ¹⁴².

2-я Дальневосточная конференция РКП (б) работала в Чите с 8 по 14 февраля 1921 г. На ее заседаниях были обсуждены следующие основные вопросы: доклад о работе Дальбюро; текущий момент и задачи РКП (б) на Дальнем Востоке; задачи РКП (б) в Учредительном собрании; военный вопрос; доклад об экономической политике ¹⁴³.

Острые прения возникли на конференции по докладу Дальбюро. Делегаты отметили ряд принципиальных недостатков в политическом и организационном руководстве. Отмечалась разноречивость некоторых директив Дальбюро, неслаженность рабочего аппарата. В результате этого остались невыполненными многие задания 1-й Дальневосточной партийной конференции: по-прежнему слабо поставлен партийный учет, не открыта краевая пар-

¹³⁸ Там же, ф. 372, оп. 1, д. 41, лл. 3, 34.

¹³⁹ Там же, л. 1.

¹⁴⁰ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 74.

¹⁴¹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 51, л. 4.

¹⁴² ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 82.

¹⁴³ Там же.

тийная школа... В принятой по докладу Дальбюро резолюции указывалось, что «политическая деятельность Дальбюро не была в достаточной степени интенсивной, что особенно чувствительно отразилось на работе на местах, где подчас работники оставались без своевременных и надлежащих директив». Конференция констатировала также, что в политической деятельности Дальбюро имели место факты «уклонения от проведения основных положений ЦК РКП (б)», выразившиеся в тенденциях к известному усилению формального демократизма.

Конференция обратила внимание Дальбюро на необходимость принятия неотложных мер к налаживанию партийной работы, в частности:

- 1) организации строгого учета и распределения партийных работников;
- 2) переброски на партийную работу ряда работников из государственных учреждений;
- 3) создания в месячный срок краевой партийной школы;
- 4) усиления рабочего аппарата Дальбюро;
- 5) разграничения сферы деятельности Дальбюро и губкомов¹⁴⁴.

По докладу о задачах РКП (б) в Учредительном собрании были утверждены тезисы: «Из орудия организации «демократии» против диктатуры пролетариата в руках несоветских элементов Учредительное собрание должно быть превращено в свою противоположность—в орудие безусловного закрепления влияния РСФСР на Дальнем Востоке...»¹⁴⁵.

Конференция обсудила также военный вопрос и наметила практические меры укрепления боеспособности НРА¹⁴⁶.

Решения 2-й Дальневосточной конференции РКП (б) стали важным политическим фундаментом предстоящей деятельности краевой партийной организации. Они способствовали сплочению коммунистов края вокруг коренных задач, поставленных ЦК РКП (б).

12 февраля 1921 г. в Чите открылось Учредительное собрание Дальневосточной республики. Его основная цель состояла в юридическом оформлении созданного на

¹⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 287, л. 1.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в главе, посвященной вопросам обороны ДВР.

Дальнем Востоке «буферного» государства. От того, каков будет характер декларируемых Учредительным собранием форм государственной и общественно-политической жизни, зависел успех осуществлявшейся на Дальнем Востоке политики Коммунистической партии.

С полным сознанием ответственности вставших в связи с этим перед коммунистами Дальнего Востока задача газета «Дальневосточная правда» в день начала работы собрания в редакционной статье «К моменту» писала: «Многие из наших врагов готовы в этом видеть свою победу и наше поражение. Но это не так. Стоит лишь присмотреться к результатам выборов в Учредительное собрание и увидим, что победа на нашей стороне. Рабочие и крестьяне составляют там подавляющее большинство и они будут проводить свою волю».

Всего в Учредительное собрание было избрано 427 чел. В день его открытия по фракционным спискам числился 381 депутат¹⁴⁷. Ряд депутатов-цензовиков (типа братьев Меркуловых), а также избранных в Учредительное собрание белогвардейских генералов (Молчанов, Вержбицкий и др.) бойкотировали Учредительное собрание и отказались приехать в Читу.

Соотношение политических сил в Учредительном собрании достаточно убедительно характеризуется численным составом фракций: коммунистов — 92; членов фракции крестьян-большинства (в основном партизаны), полностью поддерживавших коммунистов — 183¹⁴⁸; фракция крестьян-меньшинства (кулачество) — 44; меньшевиков — 13; эсеров — 18; Сибирский союз эсеров — 6; внепартийных демократов (кадеты) — 9; народных социалистов — 3; бурят-монгольская фракция — 13¹⁴⁹. Таким образом, фракции коммунистов и крестьян-большинства, имея вместе 275 депутатских мест, располагали решающим большинством в Учредительном собрании (72,6%), что выражительно олицетворяло союз рабочего класса и трудового крестьянства.

Встревоженные победой коммунистов на выборах империалисты США и Японии проявили обостренный инте-

¹⁴⁷ «Дальневосточная республика», 1921, 31 марта.

¹⁴⁸ Следует отметить, что в фракции крестьян-большинства были не только беспартийные, но и коммунисты, избранные по спискам революционного крестьянства и партизан. «В крестьянской фракции большинства,— сообщает бывший депутат Учредительного собрания А. Т. Якимов,— состояли коммунисты И. Слинкин, В. Бородавкин, Н. Широких, Г. Боровинский, А. Блинников, П. Номоконов, С. Киргизов и другие» (Красногвардейцы и партизаны, с. 123).

¹⁴⁹ «Дальневосточная республика», 1921, 31 марта.

рес к работе Учредительного собрания. Представитель США в Межсоюзном железнодорожном комитете Смит 17 февраля заявил, что «он обманулся в коммунистах, он полагал, что коммунисты будут строить демократический «буфер» силами демократов. Теперь же он может видеть в Учредительном собрании большинство за коммунистами, а значит, и строительство «буфера» будет зависеть исключительно от них, а это не совсем надежно»¹⁵⁰. К открытию Учредительного собрания в Читу прибыло несколько японских военно-торговых миссий. Как указывалось 19 февраля в корреспонденции газеты «Боец и пахарь», глава одной из этих миссий «майор Мике интересовался составом Учредительного собрания и задал нашему сотруднику по этому поводу несколько вопросов». Это было, конечно, не случайно. Японцы рассчитывали опереться на «правое крыло» Учредительного собрания в осуществлении своей агрессивной политики на Дальнем Востоке.

С самого начала работы в Учредительном собрании разгорелась ожесточенная борьба. В работе Учредительного собрания можно выделить четыре основных периода:

- 1) с 12 февраля по 22 февраля 1921 г., когда были заслушаны декларации основных фракций Учредительного собрания и развернулась дискуссия по общим вопросам «буферного» строительства;
- 2) с 23 февраля по 16 марта 1921 г. В эти дни Учредительное собрание обсудило доклад о работе Правительства ДВР и содоклады ряда министров;
- 3) с 16 марта по 22 марта Учредительное собрание приняло ряд важных актов, касающихся внутренней и международной политики ДВР;
- 4) с 23 марта по 27 апреля работа Учредительного собрания была посвящена главным образом обсуждению и принятию основного закона ДВР — ее Конституции.

По всем пунктам повестки дня коммунисты, которых поддерживала фракция крестьян-большинства, вынуждены были давать жестокий бой представителям партий меньшевиков, эсеров, «народных социалистов» и поддерживавшей их фракции крестьян-меньшинства.

С самого начала меньшевики, эсеры и «народные социалисты» попытались превратить Учредительное собрание в орудие контрреволюционных элементов. За их словами о «чистой демократии», «народоправстве» и т. п. вещах вырисовывались весьма рельефно контуры того

¹⁵⁰ Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957, с. 104.

«буферного» образования, которое они мечтали построить на Дальнем Востоке. Так, в зачитанной Чаплыгиным декларации говорилось, что фракция эсеров, приступая к строительству «народоправческого буфера», исходит из того, что «спасти русскую революцию от разгрома ее мировой реакцией может только отказ от ошибочного пути, по которому повела ее партия коммунистов». Иначе говоря, «буфер» — это опытное поле, эсеровские всходы которого следует затем распространить на всю страну.

Правые фракции Учредительного собрания, действуя на потребу империалистической политике на русском Дальнем Востоке, настаивали на обособлении его от Советской России, на полной автономии ДВР. Представитель Сибирского союза эсеров Лисиенко заявил, что его фракция выступает за «фактическую, полную автономию демократического управления ДВР от советского строя Центральной России». Лисиенко поддержал выступивший вслед за ним лидер кулацкой фракции крестьян-меньшинства Булычев, призвавший к тому, чтобы Дальневосточная республика «оставалась самостоятельной от влияния как иностранных держав, так и Советской России...»¹⁵¹.

Большевики решительно разоблачали антинародную политику меньшевиков, эсеров и «народных социалистов». Декларация коммунистической фракции встретила горячую поддержку подавляющего большинства Учредительного собрания. В Декларации говорилось: «Дальневосточная республика является надежным сторожевым псом, охраняющим единую целостность России, и отнюдь не мыслится как территория, подверженная иноземному влиянию, и ни в коем случае как база, установленная для использования этого влияния для борьбы с Советской Россией и во вред трудящимся»¹⁵². Фракция крестьян-большинства, поддерживая коммунистов, потребовала от имени трудящихся крестьян, чтобы «между ДВР и нашей матерью, Советской Россией, были установлены самые близкие тесные отношения»¹⁵³.

Особенно острая борьба развернулась при выработке Конституции ДВР вокруг коренного вопроса о характере политического строя «буферного» государства. Фракции коммунистов и крестьян-большинства четко определили свою позицию по вопросу о том, какой быть Дальнево-

¹⁵¹ ЦГАОР, ф. 4513, оп. 1, д. 3, лл. 82—83, 122, 184.

¹⁵² «Дальневосточная правда», 1921, 24 февраля.

¹⁵³ Там же, 23 февраля.

сточной республике. «Мы должны,—говорил депутат Поздеев,— обратить сугубое внимание на то, чтобы наша демократическая республика не превратилась в буржуазно-демократическую республику, которые вообще существуют в данное время в Западной Европе, т. е. должны построить такую республику, которая отвечала бы настроениям масс и была именно народной, демократической республикой, но ни в коем случае не буржуазной республикой»¹⁵⁴. Меншевики же, эсеры и их единомышленники стремились превратить ДВР в буржуазное государство. Правое крыло Учредительного собрания требовало, чтобы это собрание стало постоянно действующим парламентом. Заканчивая одно из своих выступлений, лидер меньшевиков Ахматов провозгласил: «Нужно учиться жить по европейскому образцу, а не стараться пережить историю»¹⁵⁵. Однако все притязания меньшевиков и эсеров были отвергнуты большинством Учредительного собрания.

Принятая Учредительным собранием Конституция ДВР, которая, в отличие от Конституции РСФСР 1918 г., несла на себе печать некоторых элементов парламентаризма (возможность превращения членов Народного собрания в профессионалов-парламентариев, отсутствие права отзыва депутатов, опека центральной власти над местной посредством особого института областных эмиссаров), вместе с тем принципиально отличалась от буржуазных конституций. Она законодательно утвердила отмену частной собственности на землю, ее недра, леса и воды, провозгласила труд обязанностью всех граждан республики, ограждала интересы рабочего класса, гарантировала оплату труда, 8-часовой рабочий день, право участия в контроле над частными предприятиями. Был закреплен также принцип государственной помощи беднейшим крестьянским хозяйствам и поощрение всех видов коллективного хозяйства в деревне. В ней были записаны принципы равноправия народов, отделения церкви от государства и школы от церкви. Конституция ДВР отбросила принцип святости и неприкосновенности частной собственности, характерный для буржуазных конституций; институт частной собственности сохранялся, но со значительными ограничениями в общенародных интересах.

Высший законодательный орган ДВР — Народное собрание — коренным образом отличался от буржуазных

¹⁵⁴ ЦГАОР, ф. 4513, оп. 1, д. 4, л. 135.

¹⁵⁵ Там же, д. 3, л. 144.

парламентов. Оно представляло собой не постоянно действующую «парламентскую говорильню», а периодически созываемый и работающий, полновластный законодательный орган. Наряду с Народным собранием всей полнотой государственной власти наделялось правительство республики, игравшее роль коллективного президента. В состав правительства были избраны 5 представителей фракции коммунистов и 2 представителя фракции крестьян-большевистов: А. М. Краснощеков, Н. М. Матвеев, Д. С. Шилов, И. П. Кларк, И. В. Слинкин, М. И. Бородин и В. С. Бондаренко. По рекомендации ЦК РКП (б) главой правительства избрали А. М. Краснощекова.

Деятельность Учредительного собрания завершилась 27 апреля 1921 г.

Высшим исполнительско-распорядительным органом власти ДВР стал Совет министров. По тактическим соображениям он был сформирован на коалиционных началах. В его состав вошли 11 коммунистов, 3 меньшевика, 1 эсер и 1 народный социалист. Председателем был утвержден коммунист П. М. Никифоров, его заместителем — коммунист Ф. Н. Петров. Ключевые позиции руководства государством принадлежали коммунистам. Все важнейшие вопросы внешней и внутренней политики поступали на обсуждение правительства и Совета министров ДВР исключительно через Дальбюро ЦК РКП (б). Коммунистической партии принадлежало и безраздельное руководство в Народно-революционной армии, в Министерстве иностранных дел, в органах государственной безопасности (Госполитохрана) и др.

По своему классовому характеру государственная власть ДВР была рабоче-крестьянской властью, фактически осуществлявшей диктатуру пролетариата. Правда, в условиях дальневосточного «буфера» она осуществлялась в своеобразной, отличной от советской, форме. Тактические соображения вынуждали использовать хотя бы формально отдельные инструменты буржуазно-демократического правопорядка. На деле ДВР была демократической (а не буржуазно-демократической) республикой рабочих и крестьян.

Трудящиеся Дальнего Востока полностью одобрили линию коммунистической фракции и фракции крестьян-большевистов в Учредительном собрании. Например, в резолюции собрания рабочих и служащих Черновских копей (Забайкалье) от 12 марта 1921 г. говорилось: «Приветствуем и одобряем Конституцию, выработанную

Правительство Дальневосточной республики. Слева направо: А. М. Краснощеков, Н. М. Матвеев,
М. И. Бородин, Д. С. Шилов, И. В. Слинкин.

нашими представителями, а также приветствуем союз рабочих и крестьян»¹⁵⁶.

Итоги работы Учредительного собрания свидетельствовали о большой победе политики Коммунистической партии на Дальнем Востоке, потребовавшей огромного напряжения сил, воли и энергии, большого искусства и политической зрелости в руководстве народными массами.

¹⁵⁶ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 50, л. 26.

Глава II
ПРОИСКИ ИМПЕРИАЛИСТОВ
ПРОТИВ ДВР весной и летом
1921 г. И ИХ КРАХ

Военно-политическое положение
«буферной» республики

После краха авантюры буржуазно-помещичьей Польши и ликвидации врангелевщины внешнеполитические позиции Советской страны заметно укрепились. Установились нормальные дипломатические отношения с рядом пограничных государств. Правящие круги Англии и других стран вынуждены были пойти на торговые переговоры с Советским правительством. «...Мы отвоевали себе условия,— говорил В. И. Ленин,— при которых можем существовать рядом с капиталистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами»¹.

Однако правящие круги некоторых государств отнюдь не отказались от своих надежд свергнуть Советскую власть. Используя трудности внутреннего положения страны (кулацкая контрреволюция, Кронштадтский мятеж и др.), империалисты в конце 1920 — начале 1921 гг. вновь стали готовить антисоветскую интервенцию.

В декабре 1920 г. антисоветские провокации предприняли американские представители в Прибалтике. Они усиленно распространяли провокационные слухи о якобы готовящемся нападении Советской России на Латвию и Эстонию. 15 декабря 1920 г. представитель США в Риге Юнг сообщил в госдепартамент о том, что «в Эстонии и Латвии усилились сообщения о возможности или вероятности нападения большевиков»². Американская и французская реакционная пресса подняла шумную антисоветскую кампанию, требуя посылки военных судов к берегам этих стран. Одновременно распространялись измышления о якобы готовящемся нападении РСФСР на Польшу.

В антисоветских планах империалистов важное место занимал по-прежнему Дальний Восток. Общий враждеб-

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 22.

² Штейн Б. Е. Русский вопрос в 1920—1921 гг. М., 1958, с. 131.

ный Советскому государству курс американской внешней политики обнаруживался здесь достаточно отчетливо. К примеру, в феврале 1921 г. американский консул во Владивостоке счел целесообразным опубликовать здесь пресловутую ноту государственного секретаря США Колби от 10 августа 1920 г., в которой американское правительство откровенно заявляло о своей нетерпимости к советскому политическому строю и категорически отказывалось установить нормальные дипломатические отношения с Советской республикой⁸.

Опубликование такого рода документа во Владивостоке, вполне понятно, не могло не окрылять все контрреволюционные, враждебные Советской России и ДВР силы. Весьма активизировалась деятельность французской дипломатии. В частности, в декабре 1920 г.—январе 1921 г. Франция вела переговоры с Японией о переброске на Дальний Восток остатков врангелевских войск. 6 января японская военная миссия в Париже сообщила в Токио, что в ходе переговоров достигнуто соглашение: «По нашему мнению, предложенный французами план приемлем, но только в том случае, если французы поддержат нас всеми силами в сибирском вопросе»^{*4}.

За этими действиями французов и японцев внимательно наблюдали американцы. Американский представитель в Шанхае Хэмонд 26 января 1921 г. сообщил в Вашингтон, что французы заручились поддержкой Англии «на участие в новой сибирской авантюре»⁵. Подлинную свою позицию США прикрывали сложными политическими маневрами. С одной стороны, они пытались заигрывать с правительством ДВР, создавая впечатление якобы благожелательного к нему отношения. Газета «Дальневосточная правда» 27 января 1921 г. в заметке

* «Правда», 1920, 24 августа.

⁴ Никифоров П. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М., 1923, с. 46.

⁵ Следует отметить, что английские империалисты, ведя торговые переговоры с РСФСР, в то же время приняли активное участие в этой антисоветской акции. Позднее в ноте Советского правительства Англии 22 октября 1921 г. указывалось: «В целях усиления врагов Российской республики и Дальневосточной республики — владивостокских контрреволюционеров — во Владивосток был доставлен отряд врангелевских офицеров, солдат и казаков, одетых в британскую форму и снабженных британским вооружением, на борту «Франца-Фердинанда», который теперь является британским военным судном» (Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1960, с. 435). Шишкин С. Н. допускает неточность, указывая, что «осуществить переброску врангелевцев не удалось» (Шишкин С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957, с. 190).

«Подарки» сообщала: «Американский Красный Крест передал Минтрану во Владивостоке подарки: теплую одежду и другое на сумму сто тысяч валюты. Подарки принципиально переданы Минсобесу и Минтруду». С другой стороны, американский сенат, обсуждавший в том же январе 1921 г. «русский вопрос», после острых прений вновь решительно высказался против признания Советской страны.

Следует также сказать, что в этот же период США активизировали свое экономическое проникновение на Дальний Восток. В цитированном номере газеты «Дальневосточная правда» была помещена и заметка «Охотское золото и американцы», где сообщалось: «В последнее время от американских граждан начали поступать заявления на разработку золотоносных площадей в Охотском районе»⁶.

Все это явно поощряло и стимулировало новые анти-советские авантюры, в том числе и на Дальнем Востоке. Но главной интервенционистской силой здесь оставалась Япония. После разгрома семеновщины и ликвидации «Читинской пробки» в японских правящих кругах обострились разногласия по вопросам дальневосточной политики. Органы печати, выражавшие позицию партии «Кенсекай», которая находилась в оппозиции и осуждала сибирскую политику японского правительства, все решительнее требовали ее пересмотра. Газета «Асахи» в декабре 1920 г. в статье «Дальневосточное буферное государство фактически организовано» выразила надежду, что «буферное государство будет открыто иностранным державам для эксплуатации его естественных богатств» и призвала японское правительство, отказавшись от военных путей решения дальневосточных проблем, включиться в дело «экономического освоения Дальнего Востока»⁷.

В японском парламенте, начавшем 25 декабря 1920 г. свою работу, развернулись настолько острые дебаты по «сибирскому вопросу», что в начале января 1921 г. правительство вынуждено было созвать специальное сове-

⁶ В чрезвычайно интересном документе «Некоторые данные об экономической политике Америки времен интервенции» отношение США к ДВР охарактеризовано следующим образом: «Хотя представители Америки были в Чите и работа американских агентов велась весьма интенсивно, но, как увидим далее, это не выражало благожелательного отношения к республике ДВР, а преследовало лишь задачи закрепления позиций Америки на этой территории» (ЦГАДВ, ф. 2422, оп. 2, д. 14, л. 373).

⁷ «Дальневосточная республика», 1920, 15 декабря.

щание для рассмотрения дальневосточных проблем⁸. Военная партия взяла верх. Решено было заменить генерала Оой новым командующим японскими экспедиционными силами на Дальнем Востоке — генералом Тачибана. Общий курс японской политики не претерпел изменений, если не считать того, что генералу Талибана было предложено действовать более тонкими методами, учитывая интересы других империалистических держав, в частности Франции и США. Представитель Японии в межсоюзном железнодорожном комитете Нагава в беседе с американским представителем критиковал генерала Оой за то, что он «своей глупой политикой и бестактностью нанес много ударов японо-американской дружбе»⁹.

Японская военщина взяла курс на подготовку контрреволюционного переворота в Приморье и создание там «своего буфера». Генерал Талибана не терял времени. Направляясь во Владивосток, он в Порт-Артуре встретился с Семеновым, а в Мукдене — с Чжан Цзо-лином. Из материалов американской дипломатической переписки известно, что генерал Талибана во время этих совещаний «одобрил образование так называемой „Лиги по борьбе с коммунизмом“ в составе японских военных сил, войск атамана Семенова, Чжан Цзо-лина, оренбургских, забайкальских, уссурийских казаков и русских антибольшевистских элементов в Маньчжурии»¹⁰.

В марте 1921 г. в Порт-Артуре и в апреле 1921 г. в Пекине состоялись под руководством японского генерального штаба совещания представителей различных зарубежных банд белогвардейцев: Семенова, Анненкова, Вержбицкого, Савельева, Унгерна и Бакича. На совещаниях был согласован план общего и одновременного нападения на Советскую Россию и ДВР по следующим главным направлениям: Вержбицкий и Савельев должны были выступить в Приморье; Глебов — повести наступление на Амурскую область; Унгерн — через Маньчжурию и Монголию наступать на Верхнеудинск; Казанцев — на Минусинск и Красноярск; Кайгородов — на Бийск и Барнаул; Бакич — на Семипалатинск и Омск¹¹.

Над Дальневосточной республикой нависла серьезная угроза. Осложнившаяся военно-политическая обстановка

⁸ «Вперед» (орган Объединенной конференции профессиональных, политических и общественных организаций полосы отчуждения КВЖД), 1921, 30 января.

⁹ Григорьевич С. С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957, с. 106.

¹⁰ Там же, с. 107.

¹¹ Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 190.

потребовали от Дальбюро ЦК РКП (б) и правительства ДВР активизации дипломатических и военных усилий. Характер и основное направление внешнеполитического курса «буферного» государства на Дальнем Востоке были четко определены в «Кратких тезисах по Дальневосточной республике», утвержденных 12 января 1921 г. Пленумом ЦК РКП (б), в которых указывалось: «Внешняя политика ДВР целиком подчиняется РСФСР. Все политические мероприятия и заявления ДВР принципиально характера делаются с санкции ЦК РКП (б) или НКПД»¹². В соответствии с духом указаний ЦК, РКП (б) в Декларации коммунистической фракции Учредительного собрания были сформулированы конкретные задачи внешней политики ДВР¹³:

- 1) неуклонное изживание всех видов интервенции на территории республики;
- 2) недопущение чьего бы то ни было иноземного вмешательства во внутренние дела ДВР;
- 3) политика открытых дверей для иностранной промышленности и торговли, стремление к установлению дружественных отношений с дружественными державами и возобновление с ними экономических отношений на началах взаимного обмена.

Как же конкретно решались эти задачи? На каких из них было сосредоточено главное внимание?

При активном содействии межсоюзного железнодорожного комитета (где ведущая роль принадлежала США), а также марионетки японцев — Чжан Цзо-лина началось перебазирование в Приморье выбитых из Забайкалья частей семеновцев и каппелевцев. Уже 30 ноября на пограничную станцию Гродеково прибыли первые части семеновцев, которые слились с обосновавшимся здесь еще в августе 1920 г. отрядом уссурийских белоказаков. Так возникла «Гродековская пробка». Каппелевцы тоже (хотя и не столь быстро) постепенно продвигались в Приморье. К 10 декабря на ст. Пограничной было уже 17 эшелонов — воинских и с беженцами¹⁴.

Такое положение таило в себе серьезную опасность. 10 декабря Секретариат Дальбюро принял решение: «Послать телеграмму Шатову¹⁵ с поручением вступить в переговоры с представителями каппелевцев по вопросу

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, я. 55, л. 29.

¹³ «Дальневосточная правда», 1921, 24 февраля.

¹⁴ Парфенов П. С. (Алтайский). На соглашательских фронтах.

М., — Л., 1927, с. 79.

¹⁵ В. С. Шатов возглавлял в это время дипломатическую миссию ДВР во Владивостоке.

их пропуска в Советскую Россию»¹⁶. Спустя три дня по докладу о положении в Гродеково Дальбюро постановило: «1. Признать в наличии опасность с организацией Гродековской пробки; 2. Через т. Кожевникова ¹⁷ срочно выяснить путем дипломатических переговоров возможность очищения Японией нейтральной зоны от Имана до Спасска»¹⁸.

По поручению правительства ДВР И. С. Кожевников «заявил японскому императорскому правительству через начальника японской дипломатической миссии во Владивостоке о необходимости скорейшей эвакуации японских войск на родину, вместе с тем сообщил о готовности правительства ДВР начать с Японским Императорским Правительством переговоры с целью заключения договора о дружбе на вечные времена и установлении экономических отношений на началах взаимности...»¹⁹.

В то же время правительство ДВР создало несколько комитетов по реэвакуации каппелевцев²⁰. Ряд мер по указанию Дальбюро принял Приморский обком РКП (б). Навстречу каппелевцам и семеновцам выехала специальная комиссия Народного собрания во главе с П. С. Парфеновым-Алтайским. Ей было поручено добиться эвакуации каппелевских солдат и офицеров на родину. Комиссия вступила в переговоры с представителями каппелевского командования, в том числе с генералом Вержбицким. Последний фарисейски заявил о стремлении каппелевцев к «мирной жизни», но наотрез отказался признать, что каппелевцы «перестали быть армией», а также «уволить всех желающих»²¹. Правда, многие каппелевцы были готовы выехать на запад, но комиссия Парфенова не располагала абсолютно никакими средствами для оказания им в этом реальной помощи.

В итоге деятельность комиссии Парфенова не дала желаемых результатов. А тем временем правым элементам Приморского областного собрания удалось протолкнуть решение о создании комиссии по приему и размещению каппелевцев в качестве «невооруженных людей».

¹⁶ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 9.

¹⁷ Кожевников И. С. был в это время заместителем министра иностранных дел ДВР. В декабре 1920 г. он находился во Владивостоке и вел переговоры с представителями военных, дипломатических и деловых кругов Японии.

¹⁸ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 20.

¹⁹ Документы внешней политики СССР, т. III. М., 1959, с. 481—482.

²⁰ Парфенов П. С. (Алтайский). Указ, соч., с. 117.

²¹ Там же, с. 139—140.

В начале января 1921 г. каппелевские 2-й и 3-й корпуса были размещены в Никольск-Уссурийске и Раздольном, а отдельные группы каппелевцев стали просачиваться во Владивосток²². Всего в Приморье перебазировалось около 20 тысяч каппелевцев и семеновцев²³. Вновь стала поднимать голову реакция.

21 января 1921 г. Дальбюро ЦК РКП (б), рассмотрев вопрос о положении в Приморье, признало необходимым:

«1) ...партизанскую борьбу против Гродеково, не затрагивая Никольска и Спасска — мест расквартирования японских войск;

2) организацию и подготовку крупных партизанских частей для гражданской войны в южной части Приморья считать вопросами неотложными»²⁴.

Одновременно правительство ДВР и Приморское областное управление не прекращали усилий к мирному решению «гродековского вопроса». Однако должных результатов это не дало. Белогвардейщина, опираясь на поддержку японцев, все больше нагнала, и в ночь с 30 на 31 марта 1921г. во Владивостоке предприняла попытку контрреволюционного переворота. Но это была еще лишь проба сил; белогвардейщина готовилась к свержению в Приморье власти ДВР.

В этих условиях, чтобы парализовать замыслы империалистов и их агентуры на Дальнем Востоке, очень важно было использовать неискоренимые межимпериалистические противоречия. С позиции РСФСР и ДВР первостепенное значение приобретала «ближайшая к нам», как говорил В. И. Ленин, противоположность между Японией и США. Умелое использование противоречий между этими империалистическими государствами являлось одной из важных задач дипломатии как РСФСР²⁵, так и ДВР. В этом плане, безусловно, большое значение имели переговоры с В. Вандерлипом относительно предоставления США концессии на Камчатке.

Интересна предыстория этого вопроса. Летом 1920 г. В. Вандерлип, представитель крупного американского синдиката, выразил намерение договориться с Советским правительством о предоставлении США концессии на Камчатке²⁶. Такая концессия открыла бы для советской

²² ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 45.

²³ Подсчет сделан на основе данных разведуправления НРА (ЦГАСА, ф. 25853, оп. 7, д. 75, л. 4). Иногда в литературе называется цифра в 30 тыс. чел.

²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 10.

²⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 60, 61.

²⁶ Документы внешней политики СССР, т. II, М., 1959, с. 70.

дипломатии определенные возможности в использовании американско-японских противоречий и ослаблении империалистического натиска США и Японии на русском Дальнем Востоке²⁷.

Предложение Вандерлипа было учтено при составлении договора о границах между ДВР и РСФСР: Камчатская область была оставлена в составе РСФСР. Договор, подписанный 30 декабря 1920 г., необходимо было как можно скорее ратифицировать. 21 января 1921 г. Г. В. Чичерин по прямому проводу говорил об этом с Читой: «Против Японии — сильнейшее орудие Америка. Вандерлип едет сюда. Международный эффект его сделки громаден. Мы должны не медля ни на минуту иметь подписанный договор сообщенного вам текста»²⁸. В тот же день Дальбюро ЦК РКП (б), исходя из того, что дипломатическая политика ДВР должна быть всецело подчинена интересам внешнеполитических позиций РСФСР, постановило:

1. Предложить правительству в особо срочном порядке рассмотреть, принять и подписать договор с РСФСР.

2. Разъяснить всем членам комфракции правительства ДВР, что подписание договора имеет «важное значение для международной политики РСФСР»²⁹.

24 января Правительство ДВР утвердило договор о границах и представило его для окончательной ратификации в Учредительное собрание. 19 марта Учредительное собрание обсудило доклад А. М. Краснощекова по этому вопросу. Как и следовало ожидать, меньшевики и эсеры хором выступили против оставления Камчатки в составе РСФСР. В последовательности им нельзя было отказать: они противились всему, что было в интересах РСФСР. Эсер Трупп пытался запугать депутатов Учредительного собрания, заявляя: «...Отделение Камчатки от ДВР сопряжено с целым рядом международных осложнений, с целым рядом тяжелых последствий, которые вклинятся во всю работу буферного строительства...»³⁰.

Однако представители Камчатской области заявили, что с «великой радостью покидают места», предоставленные им в Учредительном собрании, и «принимают управление... Советской Россией»³¹. 22 марта 1921 г. Учреди-

²⁷ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 95.

²⁸ ЦГАНМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 118, л. 21.

²⁹ ПАО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 76.

³⁰ ЦГАОР, ф. 4513, оп. 1, д. 4, лл. 133, 145.

³¹ Там же, л. 140.

тельное собрание ратифицировало договор о границах РСФСР и ДВР.

Взаимопонимание правительств РСФСР и ДВР в вопросе о Камчатке позволило не только использовать японо-американские противоречия. Поскольку удельный вес камчатской проблемы в международных отношениях на Дальнем Востоке был весьма значителен, возникла ситуация, при которой правительство ДВР имело достаточное основание настаивать на участии представителя РСФСР в переговорах с Японией.

Переговоры с Вандерлипом вызвали бурную реакцию в Японии. Газета «Кокумин» писала, что вандерлиповская концессия наносит смертельный удар империи, так как Япония имеет огромные рыболовные участки на Камчатке и что, помимо того, Япония «ценой сотен миллионов иен и тысячами жизней заплатила за охрану угольных, нефтяных и других богатств Восточной Сибири»; газета предлагала немедленно послать войска на Камчатку³². Японское правительство вынуждено было опубликовать специальное заявление о том, что если соглашение между Советской Россией и США состоится, то концессии не будут признаны Японией³³. «Одним словом, мы получили,— говорил В. И. Ленин,— гигантское обострение вражды между Японией и Америкой и тем получили несомненное ослабление натиска Японии и Америки против нас»³⁴.

Однако соглашение с Вандерлипом не состоялось, ибо американское правительство не хотело никаких отношений с Советской Россией.

20 марта 1921 г., в связи с тем, что президента США Вильсона сменил Гардинг, ВЦИК РСФСР обратился к конгрессу и новому президенту с предложением возобновить деловые отношения. Правительство Гардинга цинично заявило, что оно не будет рассматривать вопроса о нормализации торгово-экономических отношений с Советской страной до тех пор, пока в ее общественно-политическом строе не произойдут «коренные изменения»³⁵.

В этой обстановке установление контактов с США через ДВР приобретало большое практически-полити-

³² Штейн Б. Е. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1958, с. 146.

³³ Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953, с. 82.

³⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 42, с. 99.

³⁵ Документы внешней политики СССР, т. IV. М., 1960, с. 9—11.

ческое значение как в общих интересах Советской страны, так и с позиций проблем Дальнего Востока³⁶. Помимо двух обращений к США Учредительного собрания ДВР, А. М. Краснощеков 23 марта 1921 г. телеграммой известил государственного секретаря Юза о том, что Учредительное собрание признало желательным отправить в США для «тщательного изучения высокоразвитой экономической организации» специальную делегацию в основном из крестьян в сопровождении атташе Министерства иностранных дел³⁷. Почти одновременно министр иностранных дел ДВР И. Л. Юрин вручил американскому послу в Китае ноту, в которой, ознакомив его с положением дел в ДВР, уведомлял о том, что представитель американского правительства был бы благожелательно принят в Чите и просил, в свою очередь, принять миссию ДВР в Вашингтоне^{38 39}.

Можно предположить, что в связи с этими дипломатическими акциями ДВР государственный департамент решил направить в ДВР миссию в составе коммерческого атташе США в Токио Эббота и помощника военного атташе Дэвиса³⁹. В телеграмме представителю США в Японии Беллу 23 апреля 1921 г. государственный секретарь Юз уточнял характер и задачи направляемой в ДВР миссии: «Хотя Дэвис и Эббот должны бы уже понять из предыдущих инструкций, что их обязанности должны носить только разведывательный характер, осведомите их по прибытии, что государственный департамент не желает, чтобы этот случай был использован для активного проведения деловых интересов, а также их не должны сопровождать в Читу деловые люди»⁴⁰.

3 мая 1921 г. миссия Дэвиса и Эббота прибыла в Хабаровск, а 5 мая отбыла во Владивосток, откуда вскоре выехала в Читу. Во Владивостоке она встретила заместителя министра иностранных дел ДВР И. С. Кожевниковым. Дэвис и Эббот заявили, что «они намерены ознакомиться с русской действительностью и всю правду передать своему правительству, будут считать себя счастливыми, если в результате их беспристрастного доклада своему правительству установятся исторически дружест-

³⁶ Для этого были известные формальные основания: сенат США в январе 1921 г. решил послать в ДВР специальную делегацию (Рубинштейн Н. Л. Указ, соч., с. 80).

³⁷ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 35—36; «Вперед», 1921, 9 апреля.

³⁸ «Дальневосточная республика», 1921, 12 апреля.

³⁹ «Амурская правда», 1921, 17 мая.

⁴⁰ Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 65.

венные отношения между русским и американским народами»⁴¹.

Итак, миссия Дэвиса и Эббота не имела никаких полномочий на ведение переговоров, нося только разведывательный характер. Все было обставлено таким образом, чтобы не давать повода думать, что США уже взяли курс на установление постоянных межгосударственных отношений с ДВР. Тем не менее сам факт приезда американской миссии ДВР, бесспорно, давал правительству республики известные возможности (хотя и ограниченные) для последующих дипломатических акций. В частности, это в какой-то мере повышало шансы И. С. Кожевникова, который в это время вел неофициальные переговоры с представителями японских деловых и дипломатических кругов⁴².

Важное место во внешнеполитической деятельности ДВР по-прежнему занимали усилия, направленные к установлению дружественных отношений с Китаем. После Читинской объединительной конференции и признания Владивостокским правительством Центрального правительства ДВР позиции дипломатической миссии ДВР в Пекине во главе с И. Л. Юриным улучшились. Самостоятельное представительство Владивостока в Пекине было ликвидировано, глава этого представительства А. Ф. Агарев вошел в состав миссии в качестве заместителя И. Л. Юрина. Оснований для оттяжки официальных переговоров становилось все меньше. 30 ноября И. Л. Юрин вручил министру иностранных дел Китая Ян Хой-цину декларацию своего правительства, в которой определялась программа переговоров и точка зрения правительства ДВР относительно установления дипломатических и экономических отношений с Китаем⁴³.

Активизация деятельности пекинской миссии ДВР вызвала беспокойство в США. 26 ноября 1920 г. американский посланник в Китае Крейн телеграфировал в Вашингтон: «Китайское правительство должно будет начать переговоры... Ян (министр иностранных дел.—Б. Ш.) спрашивает, что американское правительство предложит Китаю делать»⁴⁴. Империалистические державы, в первую очередь США, были против переговоров и именно из-за вмешательства США переговоры миссии ДВР с ми-

⁴¹ «Амурская правда», 1921, 17 мая.

⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 118, л. 233.

⁴³ Персии М. А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962, с. 137.

⁴⁴ Капица М. С. Советско-китайские¹ отношения. М., 1958, с. 63.

нистерством иностранных дел Китая не продвигались вперед. Как видно из ноты И. Л. Юрина⁴⁵, адресованной китайскому министерству иностранных дел, последнее выдвигало множество надуманных предлогов для оттяжки урегулирования общеполитических и экономических отношений с ДВР. В итоге, несмотря на то, что проекты ряда документов (в частности, торгового договора⁴⁶) уже были подготовлены, переговоры зашли в тупик.

Миссии ДВР не удалось установить с китайским правительством официальные отношения⁴⁷. 18 мая И. Л. Юрин сдал руководство пекинской миссией А. Ф. Агареву и по распоряжению правительства ДВР выехал в Читу⁴⁸, где принял должность министра иностранных дел ДВР. Тем не менее дипломатические контакты ДВР с Китаем не прошли бесследно, между двумя государствами установились отношения де-факто. В Чите функционировало генеральное консульство Китая; в Пекине существовала миссия ДВР, а в Харбине находился особоуполномоченный ДВР в полосе отчуждения КВЖД Э. К. Озорнин. Кроме того, Пекин был для ДВР в определенном смысле «окошком» во внешний мир.

Оценивая главные внешнеполитические акции правительства ДВР в первой половине 1921., следует признать, что они проложили путь к последующей борьбе за разрешение важнейших проблем Дальнего Востока. Но в тот период ДВР не удалось дипломатическими средствами добиться согласия японского правительства на прекращение интервенции. Не увенчались успехом и попытки установить официальные отношения с США и Китаем.

Враги ДВР, учитывая эти слабости ее международного положения, готовились к организации новых воору-

⁴⁵ «Вперед», 1921, 29 февраля. Эта нота отсутствует в сборнике «Документы внешней политики СССР».

⁴⁶ Как свидетельствует М. И. Казанин, составление его было форсировано заключением 16 марта 1921 г. англо-советского торгового соглашения (Казанин М. И. Записки секретаря миссии. М., 1963, с. 128). Следует заметить, что пресса Японии и Китая бурно реагировала на это соглашение. Известная японская газета «Осака Майници» писала: «Открытие англо-советской торговли — необыкновенный международный вопрос. Это соглашение — большой успех Ленина... Надменность Москвы неизбежно отразится в ее дальневосточной политике. Надо ожидать, что Краснощеков будет ставить себя выше» (ЦГАОР, ф. 3476, оп. 1, д. 397, л. 17).

⁴⁷ Правда, в марте 1921 г. правительству ДВР удалось подписать соглашение с правительством провинции Цицикар о порядке пограничного сообщения и железнодорожного движения.

⁴⁸ Персиц М. А. Указ, соч., с. 150.

женных авантюр на Дальнем Востоке. В начале апреля 1921 г. белогвардейские силы на Дальнем Востоке, по данным разведуправления НРА, составляли:

Троицкосавско-Ургинский район: отряды полковника Сухарева, Комаровского и Потапова — 3320 чел.; отряд Унгерна — 3320 штыков, 8300 сабель;

Акшинский район: отряд Орлова и др. — 1200 чел.

Маньчжурский район: отряды генералов Бакшеева и Шильникова — 3338 штыков и 1060 сабель;

Приморье: здесь была дислоцирована так называемая Дальневосточная армия, имевшая 12 573 штыка и 5544 сабли. Кроме того, в пограничных районах Амурской области и Приморья широкое развитие получили в конце 1920 — начале 1921 гг. поддерживаемые японским командованием отряды хунхузов, совершавшие разбойничьи набеги на пограничные села и станицы. К апрелю 1921 г. общая численность бандитских шаек хунхузов превышала 16 тыс. чел.⁴⁹

Сигналом к новому туру белогвардейских авантюр и возобновлению гражданской войны на Дальнем Востоке послужил контрреволюционный переворот в Приморье. Здесь семеновцы и каппелевцы, опираясь на японские штыки, свергли 26 мая 1921 г. власть Приморского областного управления ДВР и передали ее так называемому Бюро несоциалистических организаций во главе с братьями Меркуловыми. К подготовке переворота наряду с японскими интервентами приложили руку и американские империалисты⁵⁰. Еще большую поддержку новому «правительству» оказали американцы в начале июня 1921 г.; когда прибывший во Владивосток Семенов пытался, опираясь на японцев, оспорить у Спиридона Меркулова право возглавить контрреволюционную власть в Приморье. Под нажимом США притязания Семенова были отвергнуты. Ухватившись за власть, Меркуловы не забыли этой поддержки и оказали активное содействие американской экономической экспансии на Дальнем Востоке.

В августе 1921 г. меркуловское «правительство» с помощью интервентов приступило к подготовке военной экспедиции на Камчатку во главе с есаулом Бочкаревым. В течение сентября — октября 1921 г. бочкаревцы заняли Охотск, Олу, Гижигу и Петропавловск. Вместе с амери- *⁶⁰

⁴⁹ ЦГАСА, ф. 25853, оп. 7, д. 75, лл. 3-4.

⁶⁰ Мельчин А. И. Разгром американо-японских интервентов на советском Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. М., 1953, с. 33.

канским капиталистом Свенсоном Бочкарев интенсивно грабил богатства Охотско-Камчатского края⁵¹.

В. И. Ленин 16 июня 1921 г. в речи на 3-м Всероссийском продовольственном совещании назвал контрреволюционный переворот в Приморье, послуживший сигналом к другим белогвардейским выступлениям на Дальнем Востоке и в Забайкалье, «начинающейся интервенцией японцев в Дальневосточной республике»⁵².

Укрепление Народно-революционной армии

Сложная военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке в конце 1920 — первой половине 1921 г. потребовала от Дальбюро ЦК РКП (б), правительства и всех партийных и государственных организаций Дальнего Востока пристального внимания к укреплению вооруженных сил республики — Народно-революционной армии. Военный вопрос занял важное место в работе 1-й Дальневосточной конференции РКП (б) (ноябрь 1920 г.). По докладу А. Л. Сноскарева, сделанному по поручению военной секции, конференция отметила ряд серьезных недостатков в боевой и особенно политической подготовке НРА. В решении указывалось, что со времени упразднения Военного Совета (май 1920 г.) в армии «абсолютно отсутствовало общее руководство и направление политической и партийной работы». В силу этого военспецы получили большое значение, а «военкомы сводятся к нулю». Конференция подчеркнула, что такое положение не может быть терпимо, так как «партия рискует потерять всякое влияние в армии и очутиться перед забайкальской или амурской „махновщиной”»⁵³.

Исходя из директив ЦК РКП (б) и сложившейся обстановки, конференция в области военного строительства выдвинула следующие практические задачи:

- 1) организация дисциплинированной и боеспособной армии;
- 2) перевоспитание народоармейцев, в свое время служивших в колчаковских и семеновских войсках;
- 3) быстрое и безболезненное изживание партизанщины⁵⁴.

⁵¹ Мухачев Б. И. Борьба с иностранной экспансией на территории Магаданской области в годы гражданской войны. — «Краеведческие записки», Магадан, 1962, вып. 4, с. 85—86.

⁵² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 43, с. 352.

⁶³ ПАЧО, ф. 81, он. 1, д. 3, л. 76.

⁶⁴ Там же, л. 77.

На конференции возникли острые разногласия по вопросу о структуре высших органов военного руководства. Военные делегаты настаивали на восстановлении Военного Совета. Против этого выступили Г. Х. Эйхе и А. М. Краснощеков. Они считали, что в «буферных» условиях целесообразно сохранить должность эmissара (помощника Главкома по политической части НРА). В связи с таким положением конференция сочла необходимым «командировать в Сиббюро и Москву двух товарищей с подробным докладом... и с наказом отстаивать в ДВР институт Военсовета»⁵⁵.

Дальнейшее строительство и укрепление НРА проходило под неослабным контролем и руководством со стороны ЦК партии. В решении Пленума ЦК РКП (б) 12 января 1921 г. указывалось, что НРА, будучи официально подчинена правительству ДВР, «на деле должна быть одной из армий Советской России»⁵⁶.

Как же осуществлялось военное строительство в ДВР после ликвидации «Читинской пробки»?

Уже в период разгрома забайкальской атамановщины началась перестройка организационной структуры НРА. В соответствии с приказом Главкома от 8 ноября 1920 г. все части НРА были объединены в 2 армии: 1-ю Забайкальскую и 2-ю Амурскую, с необходимыми переформированием и передислокацией. Укреплялся политаппарат. 4 декабря было создано Военно-политическое управление, в состав коллегии которого вошли В. П. Бельгов (эmissар НРА), А. М. Финьковский, А. Л. Сноскарев и Я. П. Жигалин⁵⁷.

Дальбюро периодически заслушивало информацию о ходе переформирования НРА. 22 декабря 1920 г. на его заседании был обсужден доклад военного министра ДВР Н. М. Матвеева и принято постановление: «Дальний Восток признается боевым участком Советской России и потому организация, снабжение и комплектование частей должны идти усиленным темпом»⁵⁸.

Переформирование частей сопровождалось серьезными трудностями. НРА по своему социальному составу была по преимуществу крестьянской. В 1-й Забайкальской армии было только 14,84% рабочих⁵⁹. В нее влилось много вчерашних партизан. Эти люди прошли суровую

⁵⁵ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 77.

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 55, л. 27.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 4, лл. 33, 34.

⁵⁸ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 25.

⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 4, л. 35.

школу борьбы, но представляли собой еще только великолепный, по выражению В. К. Блюхера, «боевой материал»⁶⁰. Они привыкли к партизанским методам борьбы (часто с проявлениями местного «колорита»), которые значительно отличались от методов и тактики регулярной армии. Проявления партизанщины (отрицательное отношение к военным специалистам, нежелание подчиняться высшему командному составу, стремление сохранить выборность командиров и т. п.) давали себя знать в НРА довольно сильно и долго. Особенно это отличало 2-ю Амурскую армию. К примеру, в начале января 1921 г. 8-й полк ее Отдельной кавалерийской бригады в отсутствии политработников устроил делегатское собрание и поручил избранной комиссии доложить Главкому, что «если полк в 24 часа не будет отправлен на Амур, то сохраняет за собой свободу действий»⁶¹.

Эти пережитки партизанщины преодолевались с большим трудом. 14 января 1921 г. Дальбюро ЦК РКП (б), заслушав доклад Главкома Г. Х. Эйхе, отметило, что «переформирование армии вчерне закончено»⁶². К этому времени НРА имела в своем составе 4 стрелковых дивизии, 1 кавалерийскую дивизию, 2 отдельные кавалерийские бригады и части специального назначения (железнодорожный батальон, авиаотряд и др.)⁶³. Укрепляя регулярную армию, Дальбюро и местные партийные организации приняли меры по военному обучению населения, в первую очередь коммунистов и комсомольцев. Секретариат Дальбюро 25 января 1921 г. указал на необходимость срочно разработать «план военного обучения коммунистов»⁶⁴.

Важное значение для укрепления НРА имела 2-я конференция военкомов, политработников и комячеек, состоявшаяся 6—12 февраля 1921 г. Она обсудила доклады М. А. Трилессера о текущем моменте и задачах РКП (б) в «буфере» и Военпура (А. Л. Сноскарева) — об институте военкомов и культурно-просветительной работе в НРА⁶⁵. Конференция выработала ряд конкретных рекомендаций по организации политической работы в НРА применительно к стоявшим в тот момент перед

⁶⁰ Блюхер В. К. Статьи и речи. М., 1963, с. 67.

⁶¹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 4, л. 35.

⁶² ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 73.

⁶³ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 4, л. 34. К лету 1921 г. в составе НРА сформировалась еще одна стрелковая дивизия.

⁶⁴ ПАНО, ф. 1, оп. 2, д. 13, л. 59.

⁶⁵ ЦГАСА, ф. 7606, оп. 1, д. 3, лл. 304—305.

ней задачам. К этому времени помимо Военпура в частях и соединениях НРА было 11 политотделов, 180 военкомов, 35 помощников военкомов, 20 политработников, 20 инструкторов-организаторов и 60 культурников. Насчитывалось 200 различных политических и культурно-просветительных кружков⁶⁶. В НРА созрело достаточно крепкое коммунистическое ядро — в 346 ячейках в феврале 1921 г. насчитывалось 5 тыс. коммунистов⁶⁷. В некоторых частях члены партии составляли от 15 до 20% общего числа бойцов. Например, в кавалерийской дивизии было 1170 (21,6%) коммунистов⁶⁸.

Политработникам и партийным организациям приходилось действовать в сложной обстановке, при наличии в армии хорошо законспирированных подпольных ячеек эсеров и максималистов, которые вели целенаправленную антикоммунистическую агитацию⁶⁹. Особенно важно было до конца преодолеть «антибуферные» настроения (ими пользовались эсеры и максималисты), добиться осознания народоармейцами существа происходящих политических событий. В большинстве случаев деятельность политорганов приводила к замечательным результатам. В сводке о состоянии 2-й Верхнеудинской дивизии (март 1921 г.) давалась следующая характеристика политических настроений личного состава Амурского стрелкового полка: «...Довольно хорошо разбираются в создании на Востоке буфера и Учсоба... Есть тяга в партию. Так, раньше в полку было партийных 27 человек, а в настоящее время действительных членов 9 и кандидатов 104 и вновь записалось около 170 человек, но нет анкет для заполнения, к другим же партиям относятся отрицательно»⁷⁰.

Очень плохо обстояло дело в области материально-технического обеспечения НРА. Слаба была материальная база, не хватало жилья, учебных и административных помещений⁷¹. В «буферных» условиях все это можно было создать лишь за валюту, а ее у правительства недоставало. Наряду с объективными обстоятельствами («бу-

⁶⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 4, л. 34.

⁶⁷ Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963, с. 763.

⁶⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 4, л. 35.

⁶⁹ Покус Я. Борьба за Приморье. М., 1926, с. 19—20.

⁷⁰ ЦГАСА, ф. 1021, оп. 2, д. 4, л. 3.

⁷¹ Штаб морских сил ДВР находился в полудровянном сарае без столов и стульев (Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 65).

ф, яая» обстановка, пережитки партизанщины, финансово-материальные затруднения и т. д.) серьезно мешали укреплению НРА субъективные факторы, связанные с недостатками и просчетами в руководстве армией со стороны Главного командования. Как свидетельствуют участники событий, главком Г. Х. Эйхе избрал чрезмерно жесткий курс в борьбе с проявлениями партизанщины, не нашел подхода к партизанско-крестьянской массе, не учел особенностей ее психологии⁷². Крупные просчеты допускал Г. Х. Эйхе в расстановке командных кадров. В ряде случаев он без должных оснований отстранял от службы командиров-коммунистов и заменял их военспецами⁷³. Это вызывало недовольство, а в некоторых частях даже волнения⁷⁴.

2-я Дальневосточная конференция РКП (б) (февраль 1921 г.) в резолюции по военному вопросу отметила, что тяжелое положение в армии «нельзя оправдывать одними объективными условиями, а приходится отнести главным образом за счет неудачной политики Главкома Эйхе и его штаба». В связи с этим конференция просила «вместо Главкома Эйхе назначить из РСФСР нового Главкома»⁷⁵. Однако Дальбюро и правительство известное время колебались в решении этого вопроса, что вызвало протесты с мест⁷⁶.

В марте и апреле 1921 г. Дальбюро вновь возвращалось к обсуждению состояния НРА. 21 апреля после доклада Г. Х. Эйхе и прений по нему Дальбюро признало необходимым «немедленно отстранить тов. Эйхе от Главкомандования Нарревармией»⁷⁷. 30 апреля Дальбюро по прямому проводу передало в ЦК и Реввоенсовет объяснение: «Благодаря бездеятельности Эйхе армия разлагается, моральный авторитет Эйхе благодаря невоздержанному поведению его окончательно упал. Допущенное Эйхе внедрение во все штабы и части семеновцев и каппелевцев парализует доверие военных масс к командованию... Требование очистки армии встречает грубое препятствие. В силу указанных причин и мотивов Дальбюро постановило Эйхе сместить...»⁷⁸.

⁷² Жигалин Я. Партизанские отряды занимали города... Барнаул. 1965, с. 162—163.

⁷³ Никифоров П. М. Записки премьера ДВР. М., 1963, с. 265.

⁷⁴ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 13, д. 287, л. 3.

⁷⁵ Там же, л. 8.

⁷⁶ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 112, л. 28.

⁷⁷ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 64, л. 4.

⁷⁸ Там же, д. 62, л. 118.

В соответствии с указанием ЦК РКП (б) временно исполняющим обязанности Главкома был назначен А. Я. Лапин⁷⁹.

5 мая Дальбюро еще раз рассмотрело положение в армии. Обсудив доклад военного министра В. И. Бурова и начальников дивизий, Дальбюро предложило «Военмину т. Бурову и Главкому т. Лапину совместно с ответственными работниками армии суммировать общее положение армии. Наметить все, что может быть выполнено средствами ДВР, и провести срочно через Дальбюро и правительство. Поставить в известность ЦК и РВС»^{79 80}.

Военный вопрос обстоятельно обсуждался на 3-й Дальневосточной партийной конференции (9—17 июня 1921 г.). Учитывая нависшую над республикой опасность, конференция обязала Дальбюро и партийные организации принять самые решительные меры по повышению боеспособности вооруженных сил, «строая свою армию по типу Красной Армии»⁸¹.

Между тем, ЦК РКП (б) тщательно изучал положение дел на Дальнем Востоке. Была создана комиссия для подготовки соответствующих рекомендаций. 28 мая 1921 г. дальневосточные дела были рассмотрены на заседании Политбюро ЦК РКП (б), которое наметило систему важных мероприятий, в основном сводившихся к следующему:

- 1) экстренно отправить В. К. Блюхера⁸² отдельным поездом на Дальний Восток, снабдив его вооружением и возможным снабжением для НРА;

- 2) дать ДВР не менее 100 военно-политических работников;

- 3) предложить Наркомпочтелю оказать всяческое содействие ДВР в усилении средств связи, необходимых для НРА;

- 4) обязать РВСР дать НРА необходимое количество бронепоездов⁸³.

В 20-х числах июня В. К. Блюхер прибыл в Читу. 24 июня Дальбюро предложило правительству назначить

⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 118, л. 119. Что касается Г. Х. Эйхе, то ЦК РКП (б) предложил ему выехать через Омск в Москву.

⁸⁰ Там же, д. 65, л. 13.

⁸¹ Борьба за власть Советов в Приморье. Владивосток, 1955, с. 629.

⁸² Вопрос о назначении В. К. Блюхера Главкомом НРА был решен ЦК РКП (б) в конце апреля 1921 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 61, л. 78).

⁸³ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 3. М., 1961, с. 751—752.

В. К. Блюхер.

В. К. Блюхера «Военмином с исполнением обязанностей Главкома»⁸⁴. 27 июня решением правительства ДВР был создан Военный Совет НРА в составе В. К. Блюхера (председатель), В. И. Букова, М. И. Губельмана и С. М. Серышева⁸⁵.

Военный совет, опираясь на поддержку Дальбюро ЦК РКП (б)⁸⁶, энергично развернул реорганизацию и укрепление НРА. Большое значение имело решение по военному вопросу, принятое 3-й Дальневосточной конференцией РКП (б). В нем подчеркивалось, что обстановка обязывает партийные организации Дальнего Востока выдвинуть «на первый план задачу создания, укрепления и усовершенствования армии и флота как единственного верного средства разбить и уничтожить русские реакционные силы на Дальнем Востоке»⁸⁷. *⁸⁸

⁸⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 65, л. 252.

⁸⁸ История гражданской войны в СССР, т. 5, с. 352.

⁸⁶ „ В. К. Блюхер писал в ЦК РКП (б): «...Нужды армии находят живой отклик и поддержку Дальбюро ЦК РКП (б)...» (Блюхер В. К. Указ, соч., с. 65).

⁸⁷ ⁸⁹⁰ Борьба за Власть Советов в Приморье. Владивосток, 1955, с. Б20.

В конце июня В. К. Блюхер направил в ЦК РКП (б) подробный доклад. В нем он нарисовал безотрадную картину состояния НРА. Крайне тяжелым было хозяйственное обеспечение армии, особенно продовольственная проблема, которую каждая войсковая часть решала на свой риск и страх. Серьезные недостатки имелись в комплектовании армии, расстановке командных кадров, а также в организации культурно-просветительной работы. В. К. Блюхер выражал уверенность в том, что «Советская Россия придет на помощь в деле улучшения состояния армии во всех отношениях»⁸⁸.

Он не ошибся. 20 июня 1921 г. ЦК РКП (б) принял решение довести количество золота в ДВР до 1,5 млн. руб., из которых расходовать на армию ежемесячно в среднем 500 тыс. руб. При этом указывалось: «Золото, предназначенное для армии, расходовать только с согласия Главкома Блюхера»⁸⁹. С конца июня 1921 г. развернулась планомерная реорганизация НРА. Ее принципиальные основы были четко сформулированы В. К. Блюхером в приказе войскам НРА 30 июня 1921 г. Предусматривалась новая, более четкая организационная структура армии, перестроен ее центральный аппарат и установлены твердые штаты. До этого центральный аппарат НРА был чрезмерно раздут и состоял из штаба Главкома, главного штаба, штаба военмина и т. д. В результате реорганизации был создан единый штаб НРА. Исключительно острым был вопрос о численности армии. К 1 июля 1921 г., численность НРА по штатам определялась в 197 987 чел. Фактически же в частях насчитывалось 76 655 чел.⁹⁰ Однако даже такую армию республике содержать было очень трудно. Используя финансово-материальные затруднения, меньшевики и эсеры требовали по существу роспуска регулярных вооруженных сил ДВР⁹¹.

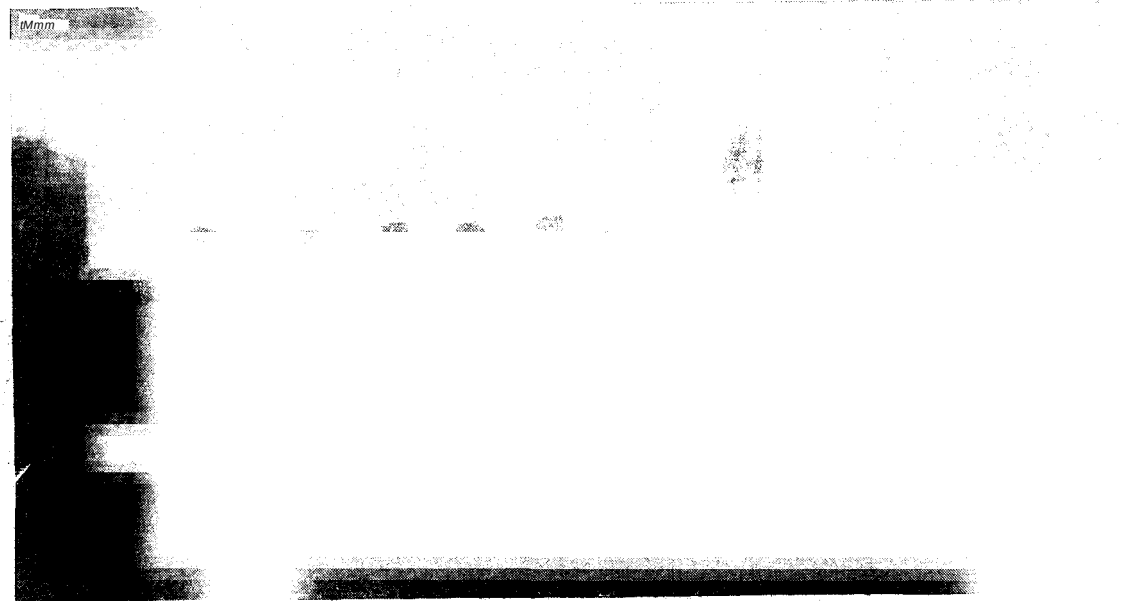
В соответствии с решениями Дальбюро штатная численность армии была сокращена в октябре 1921 г. до 47 тыс., а в ноябре — до 38 тыс. чел. Наряду со значительной демобилизацией был объявлен призыв нового пополнения. Благодаря этому армия становилась более однородной по возрасту и физической выносливости. «Уравнение армии достигалось установлением в рядах

⁸⁸ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 66—67, 71.

⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 101, л. 43.

⁹⁰ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 26—27, 201—202, 205.

⁹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 95, лл. 47—48.

Командование НРА принимает парад войск в Чите в честь 1-й годовщины создания
люционной армии 11 марта 1921 г.

Народно-рево-

ее лиц определенного срока службы, призыва всех сверстников таковых и увольнением старших сроков»⁹².

Серьезно изменилась организационная структура НРА. 10 июля 1921 г. Военный Совет принял постановление о расформировании двух общевойсковых армий и дивизий. Решено было «создать хотя и меньшие организационные соединения, но зато вполне укомплектованные и снабженные до полного штата»⁹³. Основу армии составили бригады и полки⁹⁴. Для планомерной организации обороны и наиболее оперативной мобилизации сил и средств было создано 2 военных округа: Приамурский (в сентябре) и Забайкальской (в октябре)⁹⁵.

2 ноября 1921 г. Совет Труда и Оборона принял подписание В. И. Лениным постановление об отпуске ДВР 2300 тыс. руб., из которых 1500 тыс. руб. было забронировано за Главкомом В. К. Блюхером⁹⁶.

Военный Совет ДВР уделил также серьезное внимание организации и укреплению военно-морских сил. Еще в марте 1920 г. началось постепенное воссоздание Амурской военной флотилии, но его затормозило выступление японцев 4—5 апреля 1920 г. Из Хабаровска с трудом удалось увести в Благовещенск 4 парохода. Здесь под руководством В. Я. Канюка, избранного командующим флотилией, продолжалось ее формирование. К октябрю Амурская военная флотилия имела в составе 4 вооруженных парохода и 2 катера. Вскоре основная часть личного состава флотилии перебазировалась в Хабаровск (Осиновский затон). Началось восстановление судов, выведенных из строя японскими интервентами⁹⁷. Большую роль в этом сыграла партийная организация, которую возглавлял комиссар флотилии Н. М. Разин. Дело было чрезвычайно сложным и трудным. «Обстановка была такова,— писал в одном из политдонесений Н. М. Разин,— что при том тяжелом экономическом положении республики, которое имело место, нельзя было мыслить в какой-либо другой стране о каком-либо воссоздании боевой мощи флота...»⁹⁸.

⁹² Блюхер В. К. Указ, соч., с. 27, 205, 206.

⁹³ ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 10, л. 21.

⁹⁴ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 27.

⁹⁵ Там же, с. 28.

⁹⁶ В. И. Ленин и борьба за власть Советов на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968, с. 99.

⁹⁷ Лаппо Д. Д. Моряки Амурской флотилии в борьбе против интервентов и белогвардейцев на советском Дальнем Востоке. (Канд. дисс.). Томск, 1955, с. 149—150, 162.

⁹⁸ Там же, с. 180, 201.

На помощь амурцам пришли революционные матросы из Сибирской флотилии. К августу 1921 г. Амурская военная флотилия имела в своем составе 3 канонерских лодки и 4 парохода. Личный состав флотилии насчитывал 1129 чел. Выросла партийная организация — с 11 членов и кандидатов в мае 1921 г. до 91 чел. в августе, объединенных в 8 ячеек". В конце августа по указанию В. К. Блюхера часть флотилии перебазировалась в Благовещенск¹⁰⁰.

Одновременно с реорганизацией НРА налаживалась партийно-политическая работа. В. К. Блюхер в приказе о принципиальных основах реорганизации армии подчеркивал: «Только хорошо обученные, идейно воспитанные, спаянные сознательной революционной дисциплиной бойцы смогут составить крепкие надежные боевые ряды, способные на выполнение ответственных задач»^{100 101}. 16—19 июня 1921 г. в Чите состоялось совещание политических работников НРА, которое обсудило доклад начальника Военно-политического управления А. Л. Сноскарева об основных принципах воспитания бойцов¹⁰². Особое внимание совещание уделило борьбе с неграмотностью бойцов. 18 августа 1921 г. Военный Совет издал специальный приказ о развертывании культурно-просветительной работы в войсках¹⁰³. По примеру Красной Армии в НРА стали создаваться школьные команды с предоставлением бойцам этих команд для занятий не менее 24 часов в неделю до окончания курса обучения грамотности¹⁰⁴.

Размах партийно-политической и культурно-массовой работы в НРА характеризуется данными о различных мероприятиях. С января по октябрь 1921 г. было проведено партийных собраний — 5927, общих собраний — 2728, митингов — 1215, лекций — 3112, собеседований — 10 662, чтений — 6477, субботников — 1615, спектаклей — 1749, концертов — 165¹⁰⁵.

НРА была сильна поддержкой масс. По инициативе местных партийных организаций многие гражданские предприятия, учреждения, а также села и станицы брали

¹⁰⁰ ЦГАСА, ф. 25353, оп. 6, д. 3, л. 12.

¹⁰⁰ Гуртов М. М. Моряки-коммунисты в борьбе за Советы на Дальнем Востоке. — «Дальистпарт», Владивосток, кн. 3, 1926, с. 103.

¹⁰¹ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 210.

¹⁰² «Военно-политическая мысль», 1921, № 1, с. 41.

¹⁰³ ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 182, л. 2.

¹⁰⁴ «Военно-политическая мысль», 1921, № 1, с. 42.

¹⁰⁵ ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 118, л. 134.

шефство над войсковыми частями НРА. Население сплошь и рядом добровольно оказывало материальную помощь армии. Трудящиеся Амурской области с 1 октября 1920 г. по 1 июля 1921 г. предоставили управлению снабжения 2-й Амурской армии 167 160 пудов муки, 47 320 пудов пшеницы, 194 492 пуда овса, 8818 пудов мяса и много других продуктов¹⁰⁶.

Позднее, подводя итоги реорганизации НРА, В. К. Блюхер писал: «Нам удалось при нашей относительной бедности сравнительно удачно справиться с вопросами снабжения армейских рядов необходимым вооружением, снаряжением, обмундированием и довольствием, улучшить постановку дела медицинской помощи бойцам, увеличить боеспособность полевых частей за счет сокращения штатов тыловых учреждений, расширить работу в области политического воспитания и просвещения масс... и спаять наши трудовые ряды общностью понимания исторических задач революции, волею к победе рабочего класса и высоким духом товарищеского единства»¹⁰⁷.

Разгром Унгерна

Реорганизация и укрепление НРА поспели как нельзя более своевременно. В конце весны 1921 г. над ДВР нависла реальная угроза вооруженного вторжения со стороны белогвардейских банд Унгерна.

Еще в начале августа 1920 г., через три недели после заключения Гонготтского соглашения¹⁰⁸, семеновский штаб при активном участии японцев разработал план наступления на ДВР и РСФСР со стороны Монголии. Реализация этого плана была возложена на одного из главных сподвижников Семенова — барона Унгерна, начальника так называемой конно-азиатской дивизии. В целях дезориентации командования НРА была разыграна комедия «ссоры» Семенова и Унгерна, после чего Семенов издал приказ, в котором указывалось, что Унгерн объявил свою дивизию «партизанской» и «ушел в неизвестном направлении»¹⁰⁹. На самом деле Унгерн двинулся вдоль монгольской границы по направлению из Даурии на Акшу. Из этого района Унгерн, после столкновения с забайкальскими партизанами во главе с Е. В. Лебедевым, во

¹⁰⁶ ЦГАДВ, ф. 1004, оп. 6, д. 87, л. 55.

¹⁰⁷ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 98.

¹⁰⁸ Оно ограничивало возможности для наступательных операций семеновцев по линии железной дороги — на запад.

¹⁰⁹ Цыбиков Б. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947, с. 62.

второй половине сентября с отрядом в 800 чел. пересек границу Монголии¹¹⁰.

Перед Унгерном японские хозяева поставили двукратную задачу: 1) изгнать китайские оккупационные войска из Внешней Монголии, подчинив ее японскому влиянию под флагом фиктивной «автономии»; 2) использовать Монголию как плацдарм для нападения на Советскую Россию и ДВР¹¹¹. Унгерн, хорошо знавший монгольский язык и неплохо ориентировавшийся в сложном переплетении событий в этой многострадальной стране, ловко использовал нараставшее национальное движение монгольского народа против китайских милитаристов. Он демагогически говорил и писал о необходимости возрождения «Великой Монголии», которая призвана «обновить европейскую цивилизацию». «Я твердо верю. — писал Унгерн в одном из писем к начальнику отряда в провинции Цицикар, — что свет идет с Востока, где не все еще люди испорчены, где свято хранятся великие начала добра и чести, посланные людям самим небом»^{112 113}. «Идеология» Унгерна — помесь ярого монархизма с панмонголизмом, который он пытался использовать в борьбе против русской революции.

Попытка Унгерна взять Ургу в начале ноября 1920 г. не удалась. Но уже 3 февраля 1921 г., опираясь на поддержку пополнивших его войска монголов, он захватил Ургу из. Одна часть китайского гарнизона бежала на юго-восток, а другая — на север, в Кяхту, где имелся китайский гарнизон.

После кровавого погрома, учиненного в Урге, 8 марта 1921 г. была провозглашена «автономия» Монголии, создано марионеточное правительство, в котором Унгерн занял пост главнокомандующего всеми вооруженными силами. На этом посту он развил бешеную деятельность по подготовке «похода на север», т. е. нападения на ДВР и РСФСР. В сводке разведывательного управления НРА в конце февраля 1921 г. отмечалось: «Урга продолжает оставаться резиденцией барона Унгерна... Ловко сыграв на национальных струнках угнетенных монгольских племен, он получил основательную базу для дальнейших операций, которые без сомнения готовятся... В Урге создано монгольское правительство. От имени этого правительст-

во ЦГА БурАССР, ф. 158/872, оп. 1, д. 2, л. 1.

¹¹¹ Кислов А. Н. Разгром Унгерна. М., 1964, с. 13.

¹¹² «Вестник НКВД», 1921, № 9-10, с. 88.

¹¹³ Цыбиков Б. Указ соч., с. 85. К началу февраля в войсках Унгерна было уже около 5000 чел.

ва он рассылает по пограничным хошунам приказы и воззвания, призывая монгол к объединению»¹¹⁴.

Но наряду с активизацией реакции стали разворачиваться и революционные силы монгольского народа. 28 февраля 1921 г. под руководством Сухэ-Батора в Троицкосавске состоялось совещание членов Монгольской Народной партии, которое приняло решение о создании из красномонгольских партизанских отрядов регулярной Народной армии¹¹⁵. Реввоенсовет 5-й Красной Армии оказал большую помощь молодой Народной армии вооружением и снаряжением, а также в подготовке для нее командных и политических кадров¹¹⁶.

1—3 марта 1921 г. в Троицкосавске состоялось собрание членов партии, которое вошло в историю Монголии как 1-й съезд Народно-революционной партии. На этом съезде были решены важные политические и организационные вопросы, избран ЦК МНРП. Народно-революционная партия приняла решение создать Временное народное правительство. 13 марта 1921 г. такое правительство было создано¹¹⁷. Первой важной военно-политической акцией нового правительства явилось решение освободить монгольскую Кяхту от китайских оккупантов, что и было осуществлено 18 марта 1921 г. Правительство и ЦК МНРП обратилось к монгольскому народу с воззванием, в котором были определены основные цели и задачи борьбы за освобождение страны от реакционных феодалов и белогвардейцев¹¹⁸.

Узнав о занятии Кяхты войсками Народного правительства, Унгерн приступил к мобилизации всех своих сил, чтобы уничтожить Монгольскую Народную Армию и подготовить вторжение с монгольского плацдарма в пределы ДВР и РСФСР. Перед началом похода на север (в мае 1921 г.) Унгерн располагал такими силами: 10 550 сабель, 200 штыков, 37 пулеметов и 21 легкое орудие¹¹⁹. Для снабжения унгерновских банд при помощи японских торговых фирм были созданы три базы боеприпасов и продовольствия: одна — в районе Урги, другая — в Ван-

¹¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 42, л. 47.

¹¹⁵ Кунгуров Г., Сороковиков И. Аратская революция. Иркутск, 1957, с. 113—114.

¹¹⁶ ЦГАСА, ф. 185, оп. 1, д. 172, л. 58; д. 174, л. 1.

¹¹⁷ Ширендыб Б. История монгольской народной революции 1921 г. М., 1971, с. 183—185, 196.

¹¹⁸ Кунгуров Г., Сороковиков И. Указ, соч., с. 128—129, 134.

¹¹⁹ Кислов А. Н. Указ, соч., с. 37. По другим данным, Унгерн имел 3320 штыков, 8300 сабель, 86 пулеметов, 37 орудий (ЦГАСА, ф. 25853, оп. 7, д. 75, л. 3).

курене (200 км западнее Урги) и промежуточная — на р. Керулен (550 км восточнее Урги)¹²⁰.

Подготовка Унгерна к «походу на север», совпавшая во времени с контрреволюционным меркуловским переворотом во Владивостоке, являлась одним из звеньев общего плана нападения белогвардейцев на ДВР, вдохновителями которого были японские и прочие империалисты. В полосе отчуждения КВЖД в то же самое время, согласно приказу Семенова, началась подготовка к наступлению на ДВР в направлении Сретенск — Чита¹²¹. Унгерн писал 18 мая 1921 г. (т. е. за несколько дней до своего выступления) генералу Молчанову: «С восхищением узнаю, что вы вновь в деле с нашим врагом и что красные имеют перед собой испытанного и бесстрашного противника. В настоящее время нам удастся осуществить свой план действий... Я выступаю на север и, таким образом, мы с вами опять будем рука об руку бороться против наших общих ненавистных врагов. В добрый час!»^{122 123}.

Правда, плану параллельного удара по ДВР не дано было осуществиться. В определенной степени этому помешали японо-американские противоречия — США воспротивились переброске семеновских частей в Маньчжурию¹²⁴. Что же касается Унгерна, то эта японская марионетка была приведена в действие. В его штабе имелись японские военные советники, а в составе частей был даже особый японский отряд под командованием японского офицера Хатика Ямо¹²⁴.

Командование НРА ДВР и 5-й Красной Армии правильно оценивало характер унгерновской авантюры. В разведсводке НРА за период с 1 по 15 мая 1921 г. указывалось: «Этот поход — часть широко задуманного плана, где Япония играет роль головы...»¹²⁵.

Действия Унгерна против ДВР и РСФСР развернулись в 20-х числах мая 1921 г. Наступление Унгерна шло по двум главным направлениям: Урга — Троицкосавск и Ванкурэн — Селенгинск. На первом направлении наступала конная бригада под командованием самого Уйгерна.

¹²⁰ Кислов А. Н. Указ, соч., с. 17.

¹²¹ ЦГАСА, ф. 25853, оп. 7, д. 75, л. 20.

¹²² «Вестник НКВД», 1921, № 9-10, с. 91.

¹²³ Григорцевич С. С. Указ, соч., с. ИЗ—114.

¹²⁴ ЦГА БурАССР, ф. 158/872, оп. 1, д. 6, лл. 4, 6.

¹²⁵ ЦГАСА, ф. 25853, оп. 7, д. 75, л. 18.

Второе направление носило характер вспомогательного, отвлекающего удара. Здесь наступала 2-я конная бригада во главе с генералом Резухиным¹²⁶. В случае успеха начальной стадии задуманного плана Унгерн имел в виду дальнейшее продвижение — к южному берегу оз. Байкала, чтобы отрезать ДВР от РСФСР. Над ДВР нависла серьезная опасность. Политбюро ЦК РКП (б), учитывая это, в решении 28 мая 1921 г. обязало председателя Сибревкома И. Н. Смирнова и помощника Главкома РСФСР по Сибири В. И. Шорина «обратить особое внимание на район действий Унгерна и охрану границ в этом районе»^{126 127}.

1 июля 1921 г. расширенное заседание Дальбюро ЦК РКП (б) с участием члена Реввоенсовета 5-й Красной Армии К. И. Грюнштейна рассмотрело вопрос об обороне ДВР в связи с переворотом в Приморье и выступлением Унгерна. В постановлении Дальбюро относительно борьбы с Унгерном отмечалось: «Монгольская операция важна как демонстрация сил ДВР и Советроссии, как обеспечение нашего тыла и как метод противодействия Чжан Цзо-лину поддержки революционных слоев Китая п Монголии». На заседании было определено, что в соответствии с директивой ЦК партии «Троицкосавский район и безопасность от Унгерна берет на себя Советармия... но под флагом ДВР»¹²⁸. В этой связи по тактическим соображениям произошел весьма характерный обмен нотами между председателем Сибревкома И. Н. Смирновым и министром иностранных дел ДВР И. Л. Юриным. В ноте председателя Сибревкома говорилось, что, поскольку банды Унгерна стремятся пробиться на территорию ДВР, Сибревком просит разрешения у правительства ДВР на переход Красной Армией границ «буферного» государства. В ответной ноте указывалось, что правительство ДВР, отдавая себе отчет в дружественных побуждениях Сибревкома и Красной Армии, «все же не считает возможным согласиться на переход Красной Армией границ Дальневосточной республики. Мы надеемся, что, действуя бок о бок, каждая в пределах своей территории, две армии смогут достигнуть жела-

¹²⁶ Кислое А. Н. Указ, соч., с. 37—38.

¹²⁷ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов, т. 3. М., 1961, с. 752.

¹²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 65, л. 147.

тельных результатов путем согласованных действий отдельных командиров пограничной зоны»¹²⁹.

Майско-июньскому наступлению Унгерна противостояли 2-я Сретенская кавалерийская бригада НРА в составе 700 сабель и пограничный батальон в составе 500 штыков^{130 131 132}, 104-я бригада 35-й дивизии 5-й Красной Армии^ш, отряд П. Е. Щетинкина^ш, части Монгольской Народной Армии под командованием Сухэ-Батора. В резерве находились 103-я и 105-я бригады 35-й дивизии. Общее руководство было возложено на начальника 35-й дивизии 5-й Красной Армии К- А. Неймана¹³³.

После тяжелых двухнедельных боев части Унгерна потерпели поражение и вынуждены были отступить. Вопрос о характере дальнейшей борьбы с Унгерном был предметом специального рассмотрения Политбюро ЦК РКП (б) 16 июня 1921 г. Политбюро признало, что «вторжение Унгерна на территорию ДВР, за которым последовало его поражение войсками РСФСР и ДВР, ведет к тому, что настоящий момент чрезвычайно благоприятен для нанесения ему сокрушительного удара, для чего требует со стороны войск РСФСР и ДВР совершить поход внутрь Монголии, являющийся в данный момент даже военной необходимостью»¹³⁴. При вынужденном походе в Монголию, отмечал ЦК партии, «следует, безусловно, держаться принципа китайского суверенитета на данной территории»¹³⁵, так и программы самоопределения и национального освобождения Монголии. Для чего следует действовать в полном согласии и контакте с Нарревпартией и совместно с красными монгольскими властями и следует с особым вниманием относиться к нравам и быту и взглядам монгольских масс»¹³⁶.

¹²⁹ «Боец и пахарь», 1921, 15 июня.

¹³⁰ Они прикрывали Троицкосавский и Чикойский пограничные районы.

¹³¹ Она прикрывала границу РСФСР с Монголией на участке Модонкуль — Селенга.

¹³² Он прикрывал правый фланг 104-й бригады.

¹³³ Кислое А. Н. Указ соч., с. 22—31.

¹³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 65, л. 260; Шнрендыб Б. Указ, соч., с. 252.

¹³⁵ 15 июня 1921 г. Правительство РСФСР сделало заявление Китаю о том, что оно «ведет борьбу с изменником Унгерном на базе признания прав Китая и что русские войска эвакуируются из Монголии, коль скоро их задача будет выполнена...» (Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 180).

¹³⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 65, л. 260; Шнрендыб Б. Указ, соч., с. 252.

На основе решения ЦК РКП (б), в соответствии с директивой В. И. Шорина был сформирован экспедиционный корпус, который вступил на территорию Монголии тремя колоннами: центральная колонна в составе 5-й Кубанской кавалерийской дивизии, 103-й бригады и частей Монгольской Народной Армии, начальник колонны В. В. Писарев; вторая колонна—105-я бригада, 35-й кавалерийский полк с конным отрядом Чойбалсана, во главе колонны Б. Р. Терпиловский; третья колонна — 2-я Сре-тенская кавалерийская бригада НРА под командованием П. Ф. Зелепугина. Корпус двинулся 26 июня 1921 г., а уже через 10 дней его передовые части вступили в Ургу¹³⁷.

Занятие Урги имело решающее значение для победы Монгольской революции. В стране была установлена революционная народная власть, сформировано постоянное правительство. Это был, по выражению В. И. Ленина, «Монгольский Октябрь»¹³⁸.

После занятия Урги командование экспедиционного корпуса выработало план окружения Унгерна силами 104-й, 105-й бригад, 5-й кавалерийской дивизии на левом берегу Селенги. С 18 по 21 июля здесь разыгрались ожесточенные бои, в ходе которых Унгерн понес большие потери. Однако ему удалось вырваться из окружения и повернуть на север, в Джидинскую долину, оказавшуюся в тот момент не прикрытой.

Вторгаясь в пределы Забайкалья, Унгерн, во-первых, был уверен, что японцы и семеновцы из Маньчжурии двинутся на Читу; во-вторых, надеялся, опередившись на кулацкие элементы, поднять население Джидинской долины против Советской власти; в-третьих, считал, что в связи с его вторжением в Забайкалье советские войска и войска ДВР оставят Ургу и народно-революционная власть здесь будет свергнута. Унгерн писал: «В настоящее время для меня лучше вступить в пределы России и увеличить свои силы надежными войсками, которые не будут поддаваться обману красной партии. Увидев это, красные, боясь быть отрезанными, наверно вернутся обратно. Правительство Сухэ-Батора и др. будет легко ликвидировано, если не будет помощи красных»¹³⁹.

29 июня 1921 г. Унгерн захватил Ново-Дмитровку, а 1 августа, заняв Ново-Селенгинск, стал продвигаться

¹³⁷ Кислое А. Н. Указ, соч., с. 57—58, 64.

¹³⁸ Кунгуров Т., Сороковиков И. Указ, соч., с. 155.

¹³⁹ Цыбиков Б. Указ, соч., с. 130.

к Гусиноозерску. Возникла реальная угроза Верхнеудинску. Командование 5-й Красной Армии и НРА, партийные и государственные органы ДВР приняли решительные меры для разгрома зарвавшегося авантюриста. 2 августа 1921 г. в Верхнеудинске было объявлено осадное положение. Против наступавшего на Верхнеудинск противника был выдвинут 234-й стрелковый полк¹⁴⁰. На правом берегу Селенги было создано 4 резервных полка из тыловых частей 35-й дивизии и партизан Троицкосавского района^{140 141}.

30 июля В. К. Блюхер издал приказ, которым предлагалось:

1) начальнику гарнизона Верхнеудинска привести в боевую готовность запасной полк, усилив его за счет гарнизона;

2) 3-й Амурской бригаде сосредоточиться в районе Петровский Завод — Мухоршибирь (80 км юго-западнее Петровского Завода) для оказания содействия частям 5-й Красной Армии в случае переправы Унгерна на правый берег Селенги¹⁴².

Кроме того, В. К. Блюхер приказал начальнику Забайкальской кавалерийской дивизии Я. Н. Коротаеву срочно перебросить на помощь 3-й Амурской бригаде 5-й Забайкальский кавалерийский полк¹⁴³; начальнику броневых сил ДВР — выдвинуть в район Петровского завода бронепоезд № 111¹⁴⁴. 2 августа 1921 г. В. К. Блюхер связался по прямому проводу с командующим 5-й Красной Армией М. С. Матиясевичем и получил его заверение, что Верхнеудинск прикрыт достаточными силами¹⁴⁵.

В связи с новым выступлением Унгерна под руководством партийных организаций Прибайкалья началось формирование территориальных частей, боевых рабочих дружин, партизанских отрядов. Коммунисты являлись застрельщиками всей этой военно-организационной работы.

Авантюра Унгерна вызвала гнев, возмущение и прилив революционного энтузиазма среди рабочих масс Прибайкалья. «Рабочие целых предприятий единогласно

¹⁴⁰ Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 186.

¹⁴¹ Кислое А. Н. Указ, соч., с. 78.

¹⁴² ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 190, л. 14.

¹⁴³ ЦГАСА, ф. 7606, оп. 1, д. 20, л. 5.

¹⁴⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 190, л. 14.

¹⁴⁵ Там же, л. 24. В тот же день В. К. Блюхер по прямому проводу дал ряд важных указаний начальнику гарнизона Верхнеудинска Головачеву, которые должны были способствовать прекращению возникшей в городе паники (ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 190, л. 21).

выражают готовность бросить текущую работу и вступить в вооруженную борьбу с белобандитами». Например, рабочие Верхнеудинского стекольного завода, заслушав сообщение представителя райпрофсовета о появлении унгерновских банд, постановили: «Принять меры к поддержке правительства ДВР всеми имеющимися силами и средствами, клеймить позором предателей-реакционеров, нанесших предательский удар в спину рабочих своей поддержкой семеново-меркуловской авантюры»¹⁴⁶.

Вместе с рабочим классом на борьбу с унгерновщиной поднялось трудовое крестьянство Прибайкалья. В отчете Прибайкальского обкома РКП (б) за июль 1921 г. отмечалось: «В период наступления Унгерна на пограничные села Троицкосавского уезда настроение крестьянского населения приподнялось. Большая часть населения... видя в бароне врага, тесно сплотилось в партизанские отряды. Командированными от партии инструкторами-организаторами в короткий промежуток времени были организованы два партизанских отряда более 1500 чел.»¹⁴⁷ Решительный отпор получили унгерновцы и в пограничном Чикойском районе. В одной из сводок штаба 5-й Красной Армии сообщалось: «Настроение крестьян Чикойского района сочувственное ДВР... организованы дружины общей численностью до 600 человек»¹⁴⁸. В селе Ключи был «сформирован партизанский отряд из членов и сочувствующих РКП (б) и членов крестьянских союзов Ключевского района. Отряд в числе 60 человек выступил в поход. Отношение населения, бывшего до этого оппозиционным к коммунистам, изменилось в лучшую сторону»^{149 150}.

Никакие демагогические ухищрения унгерновской агентуры, пытавшейся поднять бурятское население против власти ДВР, не дали ожидаемых бароном результатов. 16 июня 1921 г. заместитель председателя Правительства ДВР Д. С. Шилов направил на имя Управления Бурят-Монгольской Автономной области следующую телеграмму: «По всему Чикойю для отпора противнику поднялись красные партизанские отряды. Белые банды, а в их числе и тапхаевцы¹⁵⁰, пытаются спровоцировать бурят смешанных аймаков и вовлечь их в авантюру». По

¹⁴⁶ «Боец и пахарь», 1921, 10 августа.

¹⁴⁷ ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 187, л. 3.

¹⁴⁸ «История Бурятской АССР, т. II. Улан-Удэ, 1959, с. 173.

¹⁴⁹ «Дальневосточная правда», 1921, 8 сентября.

¹⁵⁰ Тапхаев — один из приспешников Семенова, руководитель белобандитских шаек, сформированных по преимуществу из представителей верхушки бурятского населения.

этому поводу Бурят-Монгольское автономное управление (Бурмонавтоупр) сделало следующее заявление: «Ни один бурят, если он не жаждет гражданской войны если он не враг народа и-хвоей полученной автономии... не должен идти на удочку белых семеновских и унгерновских и др. реакционных банд и поднять руку против ДВР и ее Правительства». Вскоре Бурмонавтоупр обнародовал телеграмму Чикойского аймачного управления: «Для отпора врагу буряты объединились с русским населением»¹⁵¹. Бурятское население оказало большую помощь войскам НРА и 5-й армии продовольствием и снаряжением. Буряты только Чикойского аймака выставили летом 1921 г. 42 489 подвод для воинских перевозок¹⁵².

Всемерная поддержка населением Прибайкалья боевых действий регулярных частей 5-й Красной Армии и НРА обрекли авантюру Унгерна на полный провал. Не оправдались его надежды и на выступление японцев и семеновцев со стороны Маньчжурии^{153 154}. Продвинувшись 2 августа к пос. Н.-Убукун в 50 км от Верхнеудинска, Унгерн оказался под угрозой окружения. С востока ему противостояли резервные полки 5-й Красной Армии, части НРА и партизанские отряды. С юга по пятам наступали двигавшиеся из Монголии 104-я и 105-я бригады, отряд П. Е. Щетинкина и 5-я кавалерийская дивизия. 3 августа Унгерн повернул войска назад и предпринял отчаянную попытку прорваться в Западную Монголию. 5—6 августа сокрушительные удары нанесла ему 105-я бригада.

Разбитые части Унгерна 14 августа пересекли границу Монголии. В его войсках начались раздоры, разложение. Самого барона схватила и связала его личная монгольская охрана, и 22 августа он был взят в плен разъемом из отряда П. Е. Щетинкина и разведчиками 35-го кавалерийского полка, которым командовал К. К. Рокоссовский¹⁵⁴.

Председатель Сибревкома И. Н. Смирнов телеграммой от 26 августа 1921 г. информировал В. И. Ленина о том, что Унгерн пленен. 28 августа Политбюро ЦК РКП (б) приняло предложение В. И. Ленина о суде

¹⁵¹ «Дальневосточная правда», 1921, 17 июня.

¹⁵² История Бурятской АССР, т. II, с. 174.

¹⁵³ Правда, генералы Шильников и Мациевский в августе 1921 г. направили из Маньчжурии в Сретенский район Забайкалья несколько банд, но они были сравнительно быстро разгромлены, благодаря решительным действиям частей Забайкальской кавалерийской дивизии Я. Н. Коротаева (ЦГАСА, ф. 7606, он. 1, д. 20, лл. 9, 17).

¹⁵⁴ Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 186.

над Унгерном: «Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказанность полнейшая, в чем, по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять»¹⁵⁵.

Ликвидация унгерновщины способствовала внутриполитическому укреплению ДВР. Забайкальский губком РКП (б) в отчете за август 1921 г. отмечал: «Последовавший вскоре окончательный разгром бароновских банд, взятие в плен самого Унгерна и направление его в Сибирь были встречены населением с радостью. Оно окончательно успокоилось, а вместе с тем доверие и симпатии низов к существующей власти заметно повысились»¹⁵⁶. Естественно, что в связи с разгромом унгерновщины повысился и международный престиж ДВР, укрепились ее дипломатические позиции в борьбе с японскими интервентами.

¹⁵⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 44, с. НО. 1" ЦП А НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 460, л. 25.

Глава III

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДВР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1921—НАЧАЛЕ 1922 г.

Дипломатический раунд в Дайрене

В. И. Ленин, анализируя международное положение Советской России, в докладе на IX Всероссийском съезде Советов (декабрь 1921 г.) отмечал, что «известное, хотя в высокой степени неустойчивое, но все же равновесие в международных отношениях создано»¹. Расширились межгосударственные — дипломатические, консульские и торговые — отношения первого в мире социалистического государства, упрочились его международные позиции. Однако периодически давала себя знать относительность достигнутого равновесия. Это со всей очевидностью обнаружилось, когда во второй половине 1921 г. начался голод в ряде районов страны и империалисты не преминули воспользоваться этим для нового нажима на РСФСР.

Неустойчивость международного положения особенно сильно давала себя знать на Дальнем Востоке. Вторая половина 1921 г. здесь была отмечена возобновившейся гражданской войной и усилением интервенционистских происков против ДВР. Не случайное Декларации IX Всероссийского съезда Советов о международном положении говорилось, что «введение демократического строя вместо советского не спасло ДВР от военного натиска Японии...»².

Обострение военно-политической обстановки на Дальнем Востоке летом 1921 г. потребовало от Дальбюро ЦК РКП (б) и правительства ДВР наряду с военными мерами активизации дипломатических средств. В этом плане немаловажное значение приобрела концессионная политика, дававшая возможность широко использовать межимпериалистические противоречия. Политическая сторона такой политики в условиях двр

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 44, с. 291.

² Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 609.

в рассматриваемый период выдвинулась как главенствующая. Характерно решение Дальбюро 10 июня 1921 г., указывавшее на допустимость и необходимость заключения концессионных соглашений, «политически выгодных и, может быть, невыгодных в экономическом отношении»³.

Правительство ДВР придерживалось строго определенной линии. Оно выражало готовность к немедленному заключению и юридическому оформлению концессионных договоров с американскими, английскими и другими фирмами и компаниями; что же касается японских промышленников, то заключение с ними соответствующих соглашений обуславливалось прекращением японской оккупации Дальнего Востока. Так, в ответе МИД ДВР Министерству промышленности по поводу переговоров с японской фирмой «Мицубиси» о предоставлении ей горного промысла на Северном Сахалине подчеркивалось: «Условность эта должна пониматься в том смысле, что каково бы ни было конкретное содержание возможного концессионного договора с названной фирмой, вступление его в силу должно быть поставлено в прямую и непосредственную зависимость от полной эвакуации японских войск со всей территории ДВР, включая сюда, разумеется, и северную половину о. Сахалина»⁴. Эта линия особенно отчетливо проявилась в принятом 16 мая 1921 г. постановлении Дальбюро: «Договор с японской фирмой Тамакачи Фузи Сува аннулировать. Договор с американской фирмой Винта утвердить»⁵.

Такой подход к концессионным соглашениям давал возможность усиливать и использовать противоречия между торгово-промышленными и милитаристскими кругами Японии. Не случайно весной 1921 г. известные японские газеты «Иомури» и «Майници» все решительнее выступали против интервенции, видя в ней «помеху торговому плану Японии»⁶.

Однако необходимо отметить, что по вопросу о характере внешней (в частности, концессионной) политики ДВР в ее руководящих кругах возникли разногласия.

³ ЦПА ИМ Л, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 90.

⁴ Геккер О. Л. К вопросу о концессионной политике Дальневосточной республики. — В кн.: Сборник рефератов, докладов научной конференции. Чита, 1959, с. 43.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 63, л. 4; Персии М. А. Дальневосточная республика и Китай. М., 1962, с. 176.

⁶ Геккер О. Л. Указ, соч., с. 43.

Одни работники считали, что в отношении Японии следует непреклонно придерживаться этой линии. Другие, например вновь назначенный в мае 1921 г. министром иностранных дел И. Л. Юрин, его заместитель И. С. Кожевников, которых поддерживал А. М. Краснощеков, полагали, что необходимо более активно налаживать деловые и политические отношения с Японией, не требуя немедленной эвакуации войск, а добиваясь того, чтобы она явилась финалом улучшения взаимоотношений с Японией. На заседании Дальбюро 10 июня 1921 г. И. Л. Юрин, в частности, говорил: «С Японией в течение года не заключено ни одного договора, ни торгового, ни частного. Наша задача облегчить и создать обстановку к планомерной эвакуации японских войск... Мы должны заинтересовать японцев в необходимости с нами договориться по всем вопросам»⁷. Дальбюро высказалось за «постановку на реальную почву ведения переговоров с японским правительством и промышленными компаниями Японии и другими иностранцами»⁸. При этом Дальбюро не конкретизировало, следует ли заключение деловых соглашений с японцами ставить в зависимость от эвакуации японских войск.

И. С. Кожевников, выезжавший летом 1921 г. в Харбин, развил активную деятельность по установлению контактов представителями некоторых японских фирм на предмет заключения концессионных соглашений.

■ Заместитель министра иностранных дел видел в этом средство предотвращения столкновения ДВР с Японией и гарантию будущей эвакуации японских войск.

И. С. Кожевников в ряде случаев был недостаточно осмотрителен в своей дипломатической деятельности и явно преувеличивал эффективность переговоров. Член Дальбюро Я. Д. Янсон, отводя кандидатуру И. С. Кожевникова в состав делегации ДВР на Дайренскую конференцию, говорил на заседании Дальбюро 16 августа 1921 г.: «...Предоставление 1-й роли Кожевникову нецелесообразно. Его стремление заключить договор (с Японией.— Б. Ш.) любой ценой не отвечает общепринятой политике»⁹. И. С. Кожевников не сумел провести грань между целесообразными и нецелесообразными компромиссами. Это было присуще и А. М. Краснощекову. Когда Дальбюро в конце июля аннулировало договор

⁷ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, д. 90.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

с одной японской фирмой, он, будучи в это время в Москве, просил Г. В. Чичерина, чтобы «отказ от концессии не носил официально открытого характера, оскорбительного для Японии и могущего ее сильно возбудить...»¹⁰.

Наркоминдел во главе с Г. В. Чичериным придерживался иной точки зрения. Позднее В. И. Ленин в записке членам Политбюро ЦК РКП (б) 30 марта 1922 г. отмечал, что «с Чичериным были у него (А. М. Краснощекова.— *Б. Ш.*) разногласия о внешней политике ДВР»¹¹. Точку зрения Наркоминдела поддерживал В. И. Ленин, написавший 20 июня 1921 г. записку членам Политбюро ЦК РКП (б) об условиях предоставления Японии концессий на территории ДВР¹². Г. В. Чичерин отстаивал необходимость сначала заключить соглашение и только потом обсуждать экономические вопросы.

Не следует делать вывод, что Г. В. Чичерин занимал сектантскую позицию и был вообще против переговоров с Японией. В письме И. Л. Юрину 29 июня 1921 г. он предупреждал: «Не верьте медовым речам японцев. Они заговаривают зубы. Нужны не разговоры, а официальные предложения и переговоры точные и деловые, а не какие-то пустые обещания. Этими разговорами усыпляют бдительность, или подготавливая нападение, или занимаясь разведкой»¹³.

Предложение о переговорах было сделано японским консулом в Харбине Симадо товарищу министра иностранных дел ДВР И. С. Кожевникову 11 июля 1921 г.

12 июля 1921 г. Дальбюро, обсудив вопрос «О переговорах с японцами», постановило: «Поручить тов. Юри-

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 118, л. 233. А. М. Краснощеков, И. Л. Юрин и И. С. Кожевников, конечно, субъективно руководствовались самыми лучшими намерениями, но объективно их позиция («договор любой ценой»), при наличии японских войск на территории Дальнего Востока и отказе японского правительства точно определить время их вывода, благоприятствовала японским планам политического и экономического закабаления ДВР. Кстати, лидеры меньшевиков (Ахматов и др.) не преминули воспользоваться просчетами в дипломатической деятельности И. Л. Юрина и И. С. Кожевникова и подвергли ее ожесточенным атакам на различных митингах, съездах («Дальневосточная правда», 1921, 7 июля).

¹¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 54, с. 219. В конце лета 1921 г. ЦК РКП (б) принял решение отозвать А. М. Краснощекова с Дальнего Востока. Председателем правительства ДВР был утвержден Н. М. Матвеев.

¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч., Изд. 5-е, т. 43, с. 551.

¹³ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 198.

ну ведение переговоров с японцами в духе указаний ЦЕКА и Наркоминдела»¹⁴. 13 июля И. Л. Юрин направил ноту японскому правительству о желательности открытия переговоров между Дальневосточной республикой и Японией. 3 августа генеральный консул Японии в Мукдене передал И. Л. Юрину ответ в виде вербальной ноты с указанием, что предложение о начале переговоров принимается и что местом переговоров желательно избрать г. Дайрен¹⁵.

Какие обстоятельства побудили Японию, неоднократно отвергавшую предложения ДВР о переговорах, согласиться на созыв Дайренской конференции? К середине 1921 г. осложнилась внутривосточная обстановка в Японии. Усилилось забастовочное движение. Особенно крупной была вспыхнувшая в июле 1921 г. забастовка на судостроительных верфях компании Мицубиси в Кабе¹⁶. 35 тысяч рабочих бастовали 45 дней¹⁷. Важнейшим политическим лозунгом рабочих было требование вывода японских войск из Сибири. Все настойчивее требование прекращения японской оккупации Дальнего Востока выдвигалось рабочими и других капиталистических стран. Как сообщала газета «Токио Асахи», в июне 1921 г. в лондонском Гайд-парке состоялся многотысячный митинг рабочих, на котором была принята резолюция с требованием немедленного и безусловного вывода японских войск из Сибири. Выделенная на митинге делегация вручила эту резолюцию японскому посланнику в Англии¹⁸.

Японские правящие круги были также обеспокоены усилившимся заигрыванием США с ДВР. Прибытие в Читу в мае 1921 г. миссии Эббота и Дэвиса, а в июле 1921 г. — члена торговой миссии Смита вызвали большие отклики за рубежом. Газета «Шанхайская жизнь» писала: «...В результате этого американский капитал теперь пойдет сюда (в ДВР. — Б. Ш.) уверенными и решительными шагами»¹⁹. Неблагоприятно складывалась для Японии и ситуация на арене тихоокеанской политики. 10 июля 1921 г. государственный департамент США опубликовал сообщение, что Англия, Япония, Франция

¹⁴ ЦП А НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 119.

¹⁵ **Документы** внешней политики СССР, т. IV, с. 274.

¹⁶ «Правда», 1921, 3 августа.

¹⁷ **Очерки** по истории рабочего движения в Японии. М., 1955, с. 86.

¹⁸ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 11, л. 200.

¹⁹ «Шанхайская жизнь», 1921, 3 июля.

и Италия приняли предложение президента Гардинга о созыве в Вашингтоне конференции по тихоокеанским и дальневосточным проблемам²⁰. Вашингтонская конференция не сулила Японии ничего хорошего — американские империалисты рассчитывали добиться таким путем главенствующего положения в бассейне Тихого океана. В этих условиях японские империалисты решили пойти на переговоры с ДВР, чтобы поставить Вашингтонскую конференцию перед фактом, что «сибирский вопрос» улаживается Японией путем переговоров с ДВР без чьего-либо вмешательства.

Такова предыстория Дайренской конференции.

18 августа 1921 г. МИД ДВР в ответ на японскую вербальную ноту сообщило министерству иностранных дел Японии, что правительство республики «решило послать полномочных представителей для ведения переговоров с представителями Японии»²¹.

Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство ДВР, соглашаясь на эту конференцию, безусловно, понимали, что имеют дело с матерым империалистическим хищником, который пытается дипломатическими средствами добиться того, чего не удалось достигнуть вооруженным путем. Но нельзя было игнорировать этот, пусть небольшой, шанс для мирного урегулирования проблем русского Дальнего Востока. Уже сам факт согласия Японии на дипломатические переговоры с ДВР имел определенное значение. Председатель Совета министров ДВР П. М. Никифоров позднее (ноябрь 1921 г.) говорил об этом на 1-й сессии Народного собрания: «Разговаривая с Японией, мы не надеемся многого достичь, но самый процесс переговоров есть уже разрыв той мертвой петли, которая стягивалась вокруг нас»²².

16 августа Дальбюро утвердило делегацию на конференцию в Дайрене в составе Ф. Н. Петрова и П. Ф. Анохина²³. Меншевики и эсеры, устроив obstruction и вызвав в Совете министров «министерский кризис», потребовали участия двух своих представителей в Дайренских переговорах²⁴. Но им было отказано.

²⁰ Штейн Б. Е. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1958, с. 30.

²¹ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 274.

²² «Вестник Министерства внутренних дел», Чита, 1921, № 2, с. 39.

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 143. Вместо П. Ф. Анохина (ввиду его занятости внутренними проблемами ДВР) вскоре членом делегации был утвержден И. С. Кожевников.

²⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 144, оп. 1, д. 57, л. 3.

Дайренская конференция начала работу 26 августа 1921 г. Японскую делегацию возглавлял Мацусима, бывший генеральный консул во Владивостоке, ДВР на первых двух заседаниях была представлена министром иностранных дел И. Л. Юриным²⁵ 26. Ф. Н. Петров и И. С. Кожевников прибыли только 1 сентября²⁰.

Американские империалисты не были заинтересованы в мирном урегулировании спорных проблем между ДВР и Японией и приложили немалые усилия, чтобы сорвать Дайренскую конференцию. 9 сентября 1921 г. государственный секретарь США Юз специальной телеграммой американскому представителю в Японии Беллу поручил консулу США в Дайрене передать делегатам Читы, что «заключение каких-либо соглашений (с Японией.—Л. Ш.), которые могли бы подвергнуть административную или территориальную неприкосновенность Восточной Сибири опасности или изменению статуса русских прав и интересов, было бы неблагоприятно, особенно ввиду предстоящей конференции в Вашингтоне»²⁷. Корреспондент ДальТА на Дайренской конференции сообщал 16 сентября 1921 г. в Читу, что «американцы чрезвычайно заинтересованы этой конференцией и все время стремились путем переговоров через своего консула здесь по возможности повлиять на нас в смысле оттяжки переговоров»²⁸.

Пытаясь выдать свои «советы» за дружеский жест в отношении ДВР, американские дипломаты на самом деле преследовали далеко идущие агрессивные цели

²⁵ Казанин М. И. Записки секретаря миссии. М., 1963, с. 138—139. И. Л. Юрин, не имея четких инструкций, на первых заседаниях конференции допустил ряд оплошностей. 24 сентября 1921 г. Дальбюро отметило, что «ошибки нашей делегации были вызваны исключительно неправильными действиями тов. Юрина, начавшего переговоры вопреки общей линии, намеченной в переговорах» (ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 155). Он допустил также нарушение директив Дальбюро и Наркоминдела и по собственной инициативе начал переговоры с Чжан Цзо-лином — прямым ставленником Японии, — что вызвало недовольство центрального правительства Китая (Там же, л. 135). В сентябре И. Л. Юрин был отозван из Китая в Москву; в октябре министром иностранных дел ДВР был назначен Я. Д. Янсон.

²⁶ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, лл. 2, 10.

²⁷ «Foreign Relations», 1921, т. II, с. 746; Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 136; Мостовец Н. Дайренская конференция. — «Ученые записки АОН», М., 1948, вып. II, с. 291. В этих работах содержатся ценные сведения об отношении США к Дайренской конференции.

²⁸ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 2, д. 10, л. 21 об.; Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 137.

США на Дальнем Востоке. Дальбюро отметило 3 августа 1921 г.: «Сочувственные статьи в американских и английских газетах, в последнее время во французских, по отношению к ДВР, как последняя статья Вуда «Республика, которая требует к себе справедливого отношения», — направлены главным образом натравить нас на Японию, заострить наш шовинизм»²⁹. Расчет империалистов США был ясен — столкнуть ДВР и Японию.

Но правительство ДВР не поддалось на эту удочку. Конференция в Дайрене продолжала свою работу. 5 сентября делегация ДВР внесла состоявшийся из 29 пунктов проект соглашения «О мире, дружбе и торговле»³⁰. Проект был основан на полной взаимности с учетом интересов как ДВР, так и Японии³¹. Со всей определенностью в нем был поставлен вопрос об эвакуации японских войск с Дальнего Востока в месячный срок. Вместе с тем правительство ДВР обязывалось предоставить Японии интересующие ее концессии. Заместитель министра иностранных дел Я. Д. Янсон, характеризуя 2 сентября 1921 г. на собрании ответственных работников г. Читы задачи делегации ДВР в Дайрене, говорил: «...Мы должны добиваться того, что японских войск нет, а есть японские концессии»³². В ответ на это 8 сентября японская делегация выдвинула 6 пунктов, носивших односторонний, захватнический характер. Среди них, например, были такие: плавание японских судов по Амуру, объявление Владивостока свободным портом и невозстановление военных укреплений, признание ДВР всех договоров, заключенных с Семеновым и Меркуловым и др.³³

10 сентября на конференции развернулись прения сторон. Особенно остро обсуждался вопрос об эвакуации японских войск. Мацусима нагло заявил: «Наши войска мы ввели без вашего Правительства, без него мы и выведем»³⁴. Остался открытым поставленный де-

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 190, л. 16.

³⁰ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 724.

³¹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, л. 20.

³² ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 5, л. 349; Геккер О. Л. Указ, соч., с. 42.

³³ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, л. 20. Верхом лицемерия было утверждение руководителя Мацусимы, сделанное 8 сентября на пресс-конференции в Дайрене, что «Япония не добивается никаких привилегий» (Там же, л. 53-а).

³⁴ Там же, л. 21 об.; Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 139.

легацией ДВР вопрос об участии в переговорах представителей РСФСР³⁵.

ЦК РКП (б), Наркоминдел РСФСР и Дальбюро внимательно следили заходом дайренских переговоров, направляя деятельность делегации ДВР³⁶. 14 сентября Дальбюро, обсудив вопрос о ходе Дайренской конференции, признало необходимым «держаться тесную связь с делегацией, указывая им на обязательность действовать в духе данных директив»³⁷. Дальбюро решило также отозвать И. С. Кожевникова и направить вместо него военного представителя³⁸.

В соответствии с директивой Г. В. Чичерина³⁹ и на основе указаний Дальбюро делегация ДВР потребовала перенесения переговоров в Читу «для лучшей связи»⁴⁰, ввиду серьезности японских контрпредложений⁴¹. Затем наступила пауза в переговорах.

26 сентября конференция возобновила работу. На этом заседании японская делегация вручила свой проект «Соглашения о торговле и прочем»⁴², включавший 17 пунктов. Он предусматривал следующие основные обязательства правительства ДВР: на все времена не вводить на своей территории коммунистического режима; превратить Владивосток исключительно в торговый порт под иностранным контролем; скрыть, а в необходимых случаях взорвать все крепости и укрепления по морскому побережью в районе Владивостока и на границе с Кореей; никогда впредь не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий; признать принцип «открытых дверей» и «отменить по отношению к подданным Японии существующие для

³⁵ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 724.

³⁶ Ф. И. Петров пишет в своих воспоминаниях: «В период Дайренской конференции... В. И. Ленин через товарища Чичерина прислал нам директиву: учитывая противоречия на Вашингтонской конференции, продолжать занимать твердую позицию в Дайрене» (Петров Ф. Н. 65 лет в рядах ленинской партии. М., 1969, с. 91).

³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 152.

³⁸ Японцы стремились отложить рассмотрение вопроса об эвакуации своих войск под тем предлогом, что этот вопрос надо рассматривать с участием военных специалистов. 12 октября Дальбюро вынесло решение о направлении в Дайрен В. К. Блюхера (ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 163). В. К. Блюхер прибыл в Дайрен в начале ноября 1921 г.

³⁹ Телеграмма Г. В. Чичерина Министерству иностранных дел ДВР 23 сентября 1921 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 4, д. 69, л. 39).

⁴⁰ Телеграфные сообщения делегации ДВР, направляемые в Читу, подвергались злоумышленным искажениям.

⁴¹ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 724.

⁴² Там же, с. 784.

иностранцев на ее (ДВР) территории ограничения» относительно горнопромышленности, лесопромышленности, земледелия и т. д.; расширить права японских рыбопромышленников; признать за судами под японским флагом право плавания по рекам Амуру и Сунгари; передать Японии на 80 лет в аренду весь Северный Сахалин как компенсацию за понесенные японскими подданными убытки во время так называемых «николаевских событий»⁴³. К проекту были приложены еще 3 секретных пункта. Особое значение имел второй, предусматривавший, что японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области «по собственному усмотрению и в срок, который оно найдет нужным и удобным для себя»⁴⁴. Японский проект представлял собой один из циничнейших в практике международных отношений диктатов.

Делегация ДВР, заняв твердую и решительную позицию, готовила достойный ответ империалистическим дипломатам Японии. В работе конференции начались длительные перерывы. В течение октября состоялось лишь два заседания. На одном из них (7 октября) японская делегация дала согласие на участие в переговорах представителя РСФСР в комиссии по специальным вопросам (рыболовная комиссия)⁴⁵.

Японская реакционная пресса развернула пропагандистскую кампанию, стремясь если не запугать делегацию ДВР, то переложить на нее ответственность за срыв конференции. К примеру, газета «Дайрен симбун» в начале ноября 1921 г. писала: «Читинское правительство придерживается того мнения, что до разрешения вопроса об эвакуации ведение переговоров является излишним. Видно, Читинское правительство ожидает разрешения вопроса об эвакуации японских войск из пределов русского Дальнего Востока от Вашингтонской

⁴³ «Вестник ДВР», 1922, № 1, с. 53; Японская интервенция в 1918—1922 гг. в документах. М., 1934, с. 128; Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 784. «Николаевские события» были спровоцированы японскими интервентами. В феврале 1920 г. после боев с белогвардейцами и японцами в Николаевск-на-Амуре вступил партизанский отряд под командованием анархиста Тряпицына. В ночь с 11 на 12 марта японцы, нарушив перемирие, неожиданно напали на партизан. Партизаны, оправившись от внезапного нападения, в трехдневном бою уничтожили японский гарнизон. Японские империалисты, извратив суть событий в целях обработки общественного мнения, использовали этот инцидент как предлог для захвата Северного Сахалина.

⁴⁴ «Вестник ДВР», 1922, № 1, с. 53.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 724.

конференции. Такое несерьезное отношение читинской делегации к происходящим в Дайрене переговорам может иметь своим последствием то, что переговоры кончатся ничем»⁴⁶.

Члены делегации ДВР Ф. Н. Петров и В. К. Блюхер в своих выступлениях на конференции, а также перед представителями общественности и печати развенчали организаторов этой кампании и раскрыли подлинные причины, тормозящие Дайренскую конференцию. В своем интервью японским журналистам (в начале ноября 1921 г.) Ф. Н. Петров убедительно показал несостоятельность японского проекта соглашения. «Если Правительство ДВР,— говорил он,— ставит себе целью заключение полного договора, который являлся бы признанием ДВР Японией, а также и об эвакуации со всей русской территории, то японское правительство смотрит на переговоры в Дайрене как на предварительные, когда будут рассмотрены только торговые вопросы, но не будет затронут вопрос об эвакуации»⁴⁷. Говоря о неправомерности требований Японии о нраве плавания ее судов по Амуру, Ф. Н. Петров указал, что «тут есть третья сторона — Китай, который также заинтересован в этом вопросе»⁴⁸. Он вскрыл также провокационный характер попыток японской прессы объяснить задержку в работе конференции якобы надеждами ДВР на Вашингтонскую конференцию⁴⁹. В. К. Блюхер в интервью японским журналистам 21 ноября 1921 г. показал отсутствие всякой логической связи между вопросом об эвакуации японских войск из Северного Сахалина и «никалаевскими событиями», в частности, заявив: «События произошли еще до образования ДВР, Тряпицын расстрелян. Все то, что было в Николаевске, бледнеет перед преступлениями интервентов. Главное — отказ от захватнических стремлений...»⁵⁰.

Представители ДВР четко сформулировали свои цели на переговорах в Дайрене: «Наша цель — сближение с Японией,— говорил Ф. Н. Петров.— Я уже заявил от имени Читы и Москвы об этом... Если мы получим от японского правительства заключение о выводе войск со всей нашей территории, мы сможем довольно быстро

⁴⁶ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, л. 63.

⁴⁷ Там же, л. 60.

⁴⁸ Степанов А. С. Дипломатический раунд в Дайрене — «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 203.

⁴⁹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, л. 60 об.

⁵⁰ Там же, л. 69.

закончить обсуждение договоров и подписать их»⁵¹. На заседании 14 ноября 1921 г. делегация ДВР вручила свой проект эвакуации японских войск. Выражение своего отрицательного отношения к японским «17 пунктам» делегация ДВР решила отложить до решения основного вопроса об эвакуации. В этой связи Ф. Н. Петров заявил: «Мы в любой момент готовы дать наш ответ на эти контрпредложения («17 пунктов». — Б. Ш.), но прежде чем мы его дадим, мы хотим ясно и определенно знать, что эвакуация произойдет со всей территории»⁵². 17 ноября японская делегация вернула проект ДВР об эвакуации и предъявила новые встречные требования⁵³. 17 ноября правительство ДВР опубликовало ноту протеста по поводу того, что, несмотря на ведущиеся мирные переговоры, японское командование продолжает вооружать белогвардейские контрреволюционные организации⁵⁴. 21 ноября* 1921 г. японцы согласились подписать договор об эвакуации своих войск из Южного Приморья, но лишь при условии принятия ДВР основных японских требований, изложенных в «17 пунктах»⁵⁵.

Дальбюро, заслушав 21 ноября сообщение Я. Д. Янсона о ходе переговоров в Дайрене, предложило делегации ДВР в Дайрене «еще раз вернуть японской делегации наш проект договора об эвакуации для обсуждения»⁵⁵. Несмотря на наглые домогательства Японии, делегация ДВР во имя мирного урегулирования дальневосточных проблем 27 ноября согласилась на обсуждение так называемого японского контрпроекта («17 пунктов») при условии исключения положений, затрагивающих суверенитет и внутреннюю жизнь ДВР⁵⁷. В ноте, врученной японской делегации в Дайрене 6 декабря 1921 г., вновь указывалось, что правительство ДВР «готово пойти навстречу экономическим стремлениям Японии и согласно, после полной эвакуации японских войск с территории Дальневосточной республики, предоставить японским предпринимателям промышленные концессии в северной части острова Сахалина,

⁵¹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, л. 60 об.

⁵² Там же, л. 62.

⁵³ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 724.

⁵⁴ Там же, с. 725; «Дальневосточная правда», 1921, 22 ноября.

⁵⁵ Там же. На этом же заседании японская делегация дала согласие на допуск к участию в переговорах представителя РСФСР в качестве частного лица. В начале декабря 1921 г. представитель РСФСР Ю. Ю. Мархлевский прибыл в Дайрен.

⁵⁷ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 186.

^{а7} Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 784.

а также лесные концессии на материке на основах, определенных Конституцией республики»⁵⁸. Однако к этому времени японские империалисты решили дипломатический нажим на ДВР подкрепить силой оружия. В связи с начавшимся по указке Японии 30 ноября 1921 г. наступлением каппелевцев на ДВР делегация Японии под предлогом получения инструкций от своего правительства 12 декабря 1921 г. прервала работу конференции⁵⁹.

Трудящиеся ДВР внимательно следили за ходом переговоров в Дайрене и поддерживали внешнеполитический курс своего правительства. В эти месяцы Дальбюро и правительство республики систематически оповещали общественность о всех своих дипломатических шагах и враждебных происках японских империалистов. На совещаниях партийного актива, собраниях и митингах обсуждались вопросы, связанные с ходом Дайренской конференции⁶⁰. Характерна в этом отношении резолюция, принятая в конце сентября на собрании бойцов и сотрудников штаба пограничных войск республики: «Мы, бойцы и сотрудники штаба Пограничных войск республики, заслушав информационный доклад о Дайренской конференции, о линии поведения империалистических держав... шлем проклятье интервентам и ставим их в известность, что мы не выпустим винтовок из своих мозолистых рук и будем поддерживать требования нашей Дайренской делегации»⁶¹.

По-иному реагировали на события в Дайрене политические противники коммунистов — меньшевики и эсеры. Трудности, с которыми сталкивалась делегация ДВР в Дайрене, они пытались использовать для новых нападков на «буферную» политику Коммунистической партии; 25 октября 1921 г. Я. Д. Янсон и П. Ф. Анохин о ходе Дайренской конференции докладывали Совету министров. Желая скомпрометировать и сорвать взятый правительством курс на мирное урегулирование дальневосточных проблем, «министры-социалисты» выступили со своим «особым мнением». Прикрываясь лживо-патриотической фразеологией об унижительности для ДВР обсуждать в Дайрене «японское предложение 26 сентября» («17 пунктов»), меньшевики и эсеры зэ-

⁵⁸ Там же, с. 561—562.

⁵⁹ Там же, с. 785.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, ц. 370, л. 152.

⁶¹ «Дальневосточная правда», 1921, 29 сентября.

явили: «Мы не можем признать целесообразным продолжение дайренских переговоров в нынешней обстановке...»⁶². Однако подавляющее большинство членов Совета министров, отвергнув клеветнические измышления своих эсеров-меньшевистских «коллег», признало «политику Министерства иностранных дел в вопросе о Дайренской конференции правильной» и высказалось за продолжение «дальнейших переговоров в Дайрене»⁶³.

Для нападков на линию правительства на Дайренской конференции меньшевики и эсеры использовали также трибуну открывшейся во второй половине ноября сессии Народного собрания ДВР первого созыва, где в докладах председателя правительства Н. М. Матвеева и председателя Совета министров П. М. Никифорова была дана обстоятельная характеристика внешней политики ДВР, подробно проанализирован ход Дайренской конференции⁶⁴. Сессия Народного собрания, отвергнув эсеров-меньшевистские наветы на внешнюю политику правительства, одобрила ее. Народное собрание 9 декабря 1921 г. приняло обращение к народам и правительствам всего мира, в котором разоблачалась захватническая политика японского империализма на русском Дальнем Востоке и выражалась уверенность в том, что японская политика агрессии и авантюры потерпит крах, разобьется о несокрушимую волю трудящихся Дальнего Востока к свободе и независимости⁶⁵.

^ ^ *

Важное место в дипломатической деятельности ДВР летом и осенью 1921 г. заняли вопросы, связанные с Вашингтонской конференцией, призванной юридически закрепить изменения в соотношении сил между империалистическими державами, происшедшие на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии в итоге первой мировой войны. Кроме того, американские империалисты рассчитывали добиться здесь консолидации империалистических сил против Советской России и национально-освободительного движения в Азии.

Советская Россия и ДВР не были приглашены на конференцию. Правительство РСФСР заявило 19 июля

⁶² ЦГАОР, ф. 4407, оп. 1, д. 1, лл. 467, 468.

⁶³ Там же, л. 467.

⁶⁴ «Вестник Министерства внутренних дел», 1921, № 2, с. 39.

⁶⁵ **Документы** внешней политики СССР, т. IV, с. 570.

1921 г. решительный протест: «Российское Правительство торжественно заявляет, что оно не признает никакого решения, принятого упомянутой конференцией, поскольку это совещание состоится без его участия... Оно сумеет, таким образом, расстроить все планы, осуществление которых будет подготовлено этой конференцией и которые оказались бы враждебными по отношению к нему или не соответствовали его точке зрения»⁶⁶.

21 сентября американское консульство во Владивостоке опубликовало фарисейское заявление госдепартамента США о том, что ввиду отсутствия якобы единого русского правительства защита интересов России должна перейти ко всей конференции как к «моральному уполномоченному русского народа»⁶⁷, 1 ноября 1921 г. Вашингтонская конференция начала свою работу⁶⁸.

Несмотря на очевидную антисоветскую направленность всей подготовки Вашингтонской конференции, между ее участниками, прежде всего между США и Японией, имелись неустранимые глубокие противоречия. Этот фактор и определил линию отношения ДВР к этой конференции. Правительство ДВР продолжало добиваться допуска ее делегации на конференцию. В начале сентября 1921 г. министр иностранных дел И. Л. Юрин посетил американского посла в Пекине и вновь поставил этот вопрос. В конце сентября посольство США в Пекине уведомило миссию ДВР, о том, что госдепартамент согласен на приезд в США торговой делегации ДВР⁶⁹.

Чем руководствовались правящие круги США, принимая такое решение? Положение США было противоречивым. Наряду с мотивами классовой враждебности к Советской России и близкой к ней Дальневосточной республике, ими руководили также мотивы борьбы против своего главного империалистического конкурента на Дальнем Востоке — Японии. США не прочь были противопоставить ДВР Японии и в случае необходимости выступить в роли «беспристрастного арбитра». Кроме того, империалисты США надеялись, что им таким путем удастся воспрепятствовать подписанию договора в Дай-

⁶⁶ Там же, с. 225.

⁶⁷ Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам. М., 1924, с. 11.

⁶⁸ В ее работе приняли участие США, Англия, Япония, Франция, Италия, а также Китай, Бельгия, Голландия и Португалия.

⁶⁹ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 770.

репе. 14 сентября консул США в Дайрене Кирджасов сообщил в госдепартамент, что, как он полагает, единственная возможность не допустить подписания договора между Японией и ДВР — разрешить ДВР направить свою делегацию в США⁷⁰.

Дальбюро ЦК РКП (б) и правительство республики при активном участии Наркоминдела РСФСР⁷¹ тщательно подбирали состав делегации ДВР в Вашингтон. В. И. Ленин 11 октября в записке членам Политбюро предлагал спешно обсудить этот вопрос. Председателем делегации решено было назначить ученого-экономиста, главного консультанта правительства по экономическим вопросам А. А. Языкова; 13 октября 1921 г. его кандидатуру утвердило Политбюро ЦК РКП (б). Членами делегации были назначены Б. Е. Сквирский и П. Н. Караваев⁷². В конце октября делегация ДВР через Китай выехала в США и 4 декабря прибыла в Вашингтон.

Дальбюро и правительство ДВР придавали этой поездке немаловажное значение. П. М. Никифоров говорил на сессии Народного собрания: «Наши представители там (в Вашингтоне.— Б. Ш.) не позволят Японии открыто заявить, что все японо-русские вопросы уже исчерпаны, разрешены в прямых с нами переговорах»⁷³.

Посылка делегации ДВР в Вашингтон была смелой дипломатической акцией, открывавшей возможности для использования японо-американских противоречий и укреплявшей внешнеполитические позиции ДВР в борьбе за осуществление политики Советского государства на Дальнем Востоке.

Провал нового наступления белогвардейцев

Японские империалисты, прикрываясь переговорами в Дайрене, на которых их представители неоднократно лицемерно заявляли о стремлении «достигнуть соглашения по принципиальным вопросам»⁷⁴, активно готовили новое нападение на ДВР. В сентябре 1921 г. белогвардейское командование, опираясь на всемерную под-

⁷⁰ Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 157.

⁷¹ Письмо Г. В. Чичерина МИДу ДВР по этому вопросу 23 сентября 1921 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 69, л. 39).

⁷² «Дальневосточная правда», 1921, 2 ноября.

⁷³ «Вестник Министерства внутренних дел», Чита, 1921, № 2, с. 39.

⁷⁴ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, л. 61.

держку японской военщины, развернуло многостороннюю деятельность по переформированию и вооружению своих частей и подготовке их к военным действиям. В поте правительства ДВР, переданной 17 сентября в Дайрене японским делегатам конференции, отмечалось: «Еще в середине сентября месяца японские военные власти выдали оружие мятежным белогвардейским отрядам»⁷⁵. Наряду с материально-технической и боевой подготовкой среди солдат так называемой «белоповстанческой армии» и среди населения была развернута целенаправленная агитация. Она имела своей целью убедить их в том, что на «белое воинство» возложена миссия «национального возрождения России»⁷⁶. К осени 1921 г. «белоповстанческая армия», во главе которой был поставлен генерал Молчанов, насчитывала 6500 штыков и 3500 сабель⁷⁷, была достаточно хорошо укомплектована и экипирована. Характеризуя состояние белогвардейской армии в канун ее наступления на ДВР, В. К. Блюхер в 1922 г. писал: «По своему кадровому составу, сравнительно с нашей армией, все части белоповстанческих отрядов имели прекрасную специальную подготовку и опытное командование, они были поставлены в очень хорошие жилищные условия, будучи размещены до боев по домам, хорошо питались, были тепло одеты и для сохранения боеспособности во время больших переходов перебрасывались на обывательских подводах»⁷⁸.

Потерпев крушение в попытках дипломатическим путем подчинить ДВР своему влиянию, японские интервенты решили бросить против нее «белоповстанческую армию». При этом учитывалось тяжелое экономическое положение РСФСР осенью 1921 г., а также вновь усилившийся военный нажим на нее со стороны империалистов (вооруженные нападения Савинкова и Тютюнникова — со стороны Польши, петлюровцев и махновцев — из Румынии и др.). В своем информационном сообщении об итогах XI Всероссийской конференции РКП (б) на заседании Дальбюро М. И. Губельман 31 января 1922 г. говорил: «ЦК рассматривает военную угрозу на Востоке как находящуюся в тесной связи и зависимости от политического положения на Западе, где отмечается определенная военная подготовка: к гра-

⁷⁵ «Дальневосточная правда», 1921, 22 ноября.

⁷⁶ Борьба за Хабаровск. Сборник статей. Чита, 1922, с. 43.

⁷⁷ Покус Я. Борьба за Приморье, ч. I. М., 1926, с. 21.

⁷⁸ Борьба за Хабаровск, с. 4.

ницам Румынии и Польши стягивается артиллерия, возводятся укрепления и т. и.»⁷⁹.

Первоначально белогвардейское командование двинуло свои войска против партизан Южного Приморья, планируя, разгромив их, обезопасить свой тыл при наступлении на Хабаровск. В начале ноября белогвардейцы несколькими отрядами под командованием генералов Сахарова, Смолина и других начали наступление на основные партизанские районы: Партизанский, Анучинский, Яковлевский и Спасский. В это время во всех партизанских отрядах Приморья (некоторые из них являлись нерегулярными частями НРА, переведенными на партизанское положение) насчитывалось до 3000 бойцов⁸⁰. Партизаны имели возможность оказать белогвардейским войскам серьезное противодействие. Однако этого не произошло⁸¹.

Руководство партизанским движением в этот ответственный период оказалось ослабленным. До октября 1921 г. командующим партизанскими отрядами был А. Лепехин, военкомом — В. Владивостоков. Между ними возникли личная неприязнь, распри, которые в определенной степени разлагающе влияли на общее руководство боевой и политической работой в партизанских отрядах⁸². После отъезда А. Лепехина в Хабаровск, пост командующего занял Леушин — человек малокомпетентный в теории и практике военного дела. У части командного состава были настроения благодушия, явной недооценки противника, надежда на то, что меркуловский режим скоро рухнет и партизаны войдут во Владивосток.

Активный участник событий Б. К. Рубцов вспоминает: «Настроение во всех районах было приподнятое. Противника недооценивали. Успехи с угоном каппелевских лошадей, ряд взрывов на линии железных дорог, удачные бои в низовьях реки Партизанская...» — все это

⁷⁹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 22.

⁸⁰ Рубцов Б. Революционная борьба за Приморье. — В кн.: В огне революции. Хабаровск, 1927, с. 195, 197—198.

⁸¹ Причины этого и до сих пор волнуют как историков, так и участников событий (См. Материалы дискуссии о партизанском движении в Приморье. — «Вопросы истории», 1964, № 5). В свое время этим занимались Дальбюро ЦК РКП (б) и Дальневосточная контрольная комиссия; последняя в постановлении 31 августа 1922 г. отметила: «...Причина наших военных неудач осенью 1921 г. сложна и может быть определена только исторически» (ГАХК, ф. 415, оп. 1, д. 1, л. 80).

⁸² Рубцов Б. Указ, соч., с. 196.

кружило голову. Сами не замечая того, мы ставили себя в ложное положение, а существовавшая в среде командного и политического состава склока, борьба личностей не замедлила перейти в борьбу групп, вполне предопределяла катастрофический исход»⁸³.

В результате начавшегося 5 ноября наступления пятитысячных белогвардейских сил в основных партизанских районах сложилось тяжелое положение. Ряд просчетов допустило командование партизанскими силами в Партизанске, в результате чего здешние партизаны были рассеяны. Острая ситуация сложилась также в Анучинском, Спасском и Яковлевском районах. 2-й Приморский батальон под командованием Палицына, стоявший в Яковлевке, понес тяжелые потери. Часть батальона, вынужденная из-под натиска противника отойти в Дальнереченскую долину, после изнурительных месячных боев была пленена белогвардейцами.

Правда, белогвардейцы встретили упорное сопротивление партизан в Приханкайском районе. Сохранилось несколько боеспособных отрядов и в других районах. Но это не могло изменить общего положения. Партизанскому движению в Южном Приморье был нанесен тяжелый удар. Позднее Леушин в докладе вновь назначенному командующему партизанскими силами Приморья А. К. Флегонтову писал, что всего в строю осталось около 500 чел., боеспособных из них — не более 150 чел.⁸⁴

Обезопасив свой тыл, сильная белогвардейская группировка, имевшая в авангарде 2—2,5 тыс. чел., 30 ноября перешла в наступление на Дальнереченск. Ей противостояли 5-й и 6-й стрелковые полки и 4-й кавалерийский полк НРА — всего 1200 штыков и 280 сабель. 2 декабря белогвардейцы заняли Дальнереченск и стали продвигаться вдоль железной дороги в направлении на Хабаровск. 12 декабря «белоповстанческой армии» удалось овладеть бнкинскими позициями, прикрывавшими подступы к Хабаровску⁸⁵.

Для захвата Хабаровска белогвардейское командование создало две группы войск. Одна — из 3 тыс. чел. Двигалась по долине р. Уссури в направлении Казакевичево — Волочаевка с целью зайти в тыл Хабаровску.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Ильюхов Н., Самусенко И. Партизанское движение в Приморье. М., 1962, с. 235.

⁸⁵ Покус Я. Указ, соч., с. 23.

Другая'—2 тыс. чел.— двигалась по железной дороге на Хабаровск⁸⁶.

Прибывший в середине декабря в Читу из Дайрена Главком НРА В. К. Блюхер энергично принялся выправлять тяжелое положение в Приамурье. Он дал конкретные указания командующему Приамурским военным округом С. М. Серышеву⁸⁷ и члену Военного Совета Б. Н. Мельникову создать две группировки, противостоящие белогвардейцам: одну — в районе Казакевичево и другую — на железнодорожном направлении^{88 89}. Однако командование Приамурского военного округа не сумело выполнить этого задания. Правда, в связи с быстрым наступлением на Казакевичево кавалерийской группы генерала Сахарова туда был направлен сводный отряд из 93 коммунистов и комсомольцев⁸⁹. Этот отряд был сформирован в Хабаровске Амурским обкомом РКП (б) и Хабаровской партийной организацией. Начальник оперативного отдела Восточного фронта позднее писал: «Не имея свободных частей для защиты важного во всех отношениях пункта — станции Казакевичево, туда 15 декабря 1921 г. была отправлена из Хабаровска часть отряда особого назначения в числе 93 человек при одном пулемете «Максим»^{90 91}. 19 декабря коммунистический отряд вступил в бой с конным отрядом Сахарова, который насчитывал 400 чел. В течение суток храбрецы-коммунары отражали натиск белогвардейцев. Но под угрозой окружения часть коммунаров, отступая, скрылась в лесу. Другая часть была окружена и захвачена белыми. В этой группе было 27 чел. Все они были зверски изрублены белогвардейцами⁹¹. 20 декабря белые захватили Казакевичево и, развивая наступление на Волочаевку, создали реальную

⁸⁶ Шишкин С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957, с. 201—202.

⁸⁷ С. М. Серышев прибыл на фронт в 10-х числах декабря. С 19 декабря он фактически выполнял функции командующего Восточным фронтом НРА. Официально Восточный фронт был создан 25 декабря 1921 г.

⁸⁸ Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 82—83.

⁸⁹ В некоторых работах без ссылки на источники называется другое число: 150 чел. (Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 201) и 200 чел. (Мальшев В. П. Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск, 1961).

⁹⁰ Трагедия в Казакевичево. — «Бюллетень военно-научного общества при Хабаровском О ДО», Хабаровск, 1962, № 1(3), с. 47—48.

⁹¹ Там же.

угрозу тылу Хабаровска. Войска НРА, действовавшие в Хабаровском районе, оказавшись под угрозой окружения, в ночь с 21 на 22 декабря 1921 г. оставили Хабаровск и перешли на левый берег Амура. Сначала части НРА отошли к Волочаевке, а затем к станции Ин, где им удалось закрепиться⁹².

Объективный анализ раскрывает причины столь серьезных неудач НРА как политического, так и воендоорганизационного характера. Прежде всего документы убедительно показывают наличие у руководства Дальбюро и правительства ДВР, в связи с перего'Вораі.МН в Дайрене, некоторых иллюзий того, что Япония в ближайшее время выведет свои войска из Приморья, а меркуловщина после этого быстро изживет себя.

После разгрома унгерповщины Дальбюро и правительство ДВР исключали вероятность столь быстрой организации нового похода против республики. Заместитель председателя правительства ДВР Д. С. Шилов прямо писал: «...Правительство и не ждало зимней военной кампании в Приморье, полагая, что меркуловщина ликвидируется мирным путем с эвакуацией японских войск»⁹³. Это был серьезный политический просчет, который во многом определил недостатки в организации обороны республики. Крупные ошибки были допущены и в стратегическом планировании на случай выступления белогвардейцев и интервентов. Оно исходило из предположения, что главный удар будет нанесен со стороны Маньчжурии⁹⁴. Поэтому основные силы НРА были сосредоточены в Восточном Забайкалье.

Хабаровское направление явно недооценивалось. В Приамурском военном округе в общей сложности численность войск НРА не превышала 2,5 тыс. чел. Переброска же сюда войск из Забайкалья затруднялась слабой провозоспособностью Амурской железной дороги⁹⁵. Следует также иметь в виду, что к осени 1921 г. еще не завершился процесс реформирования

⁹² Покус Я. Указ, соч., с. 39.

⁹³ Из истории гражданской войны в СССР, т. 3. М., 1961, с. 758.

⁹⁴ Это было верно весной и летом 1921 г., когда барон Унгерн готовил свое нападение на ДВР со стороны Монголии, имея в виду объединить свои силы с белогвардейскими частями, которые будут наступать с территории Маньчжурии. Осенью 1921 г., после разгрома унгерновщины, обстановка изменилась.

⁹⁵ Покус Я. Указ, соч., с. 38.

НРА — бойцы старших возрастов были демобилизованы, а призыв нового пополнения не закончился. К тому же молодые бойцы были еще не обучены и не обстреляны. В связи с этим, как писал В. К. Блюхер, отмечалось «полное неумение маневрировать, вести разведку и охранение, боязнь за фланги и неумение их обеспечивать»⁹⁶.

Определенное значение имело и то, что в период назревания и начала военных событий в Приморье Главком В. К. Блюхер был в Дайрене, а С. М. Серышев в качестве заместителя Главкома находился в Чите. Надо сказать, что ЦК РКП (б) не одобрил поездку В. К. Блюхера в Дайрен в условиях еще не завершившейся реорганизации НРА. Член Дальбюро М. И. Губельман в информации об итогах XI Всероссийской партийной конференции на заседании Дальбюро 31 января 1922 г. говорил: «...У ЦК вызвала недоумение посылка Блюхера в Дайрен»⁹⁷. Наконец, в ходе развернувшихся в Приморье операций обнаружились недостатки военно-тактического характера. Превалировала линейная тактика, благоприятные условия местности для маневрирования не использовались, плохо была организована разведка, неумело использовалась конница, слабо была налажена связь между частями, а частей — со штабом фронта⁹⁸.

Белогвардейское наступление создало серьезную опасность для ДВР. Было также совершенно очевидно, что удар против «буфера» в конечном счете направлен против РСФСР, заслоном которой являлась Дальневосточная республика. Дальбюро ЦК РКП (б) в «Наказе» партийным организациям ДВР писало: «Контрреволюционное выступление в Приморье, прямо поддержанное японскими империалистами, грозит нормальному ходу жизни нашей республики, создает крупную угрозу завоеваниям революции, существованию власти рабочих и крестьян».

В связи с этим перед Дальневосточной организацией РКП (б) встала задача — организовать быстрый и решительный отпор контрреволюционной белогвардейщине. В «Наказе» далее указывалось: «Для успеха этой борьбы, для обеспечения победы рабочих и крестьян Дальнего Востока Коммунистическая партия сама в целом

⁹⁶ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 80.

⁹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 22.

⁹⁸ Покус Я. Указ. :оч., с. 38—39.

должна явиться живым примером, яркой вдохновительницей этой борьбы, принимая на себя главные тяжести переживаемого момента»⁹⁹.

7 декабря 1921 г. Дальбюро приняло развернутое решение о событиях в Приморье и Приамурье, требуя уделить «максимум внимания образовавшемуся фронту». Было предложено провести повсеместно партийные собрания, а также собрания и митинги беспартийных рабочих, служащих и крестьян с разъяснением военно-политического положения республики. Дальбюро признало необходимым «провести немедленно мобилизацию партийных работников на всей территории республики» и, «чтобы коммунисты не задерживались в тылу, а направлялись на фронт». Правительству было поручено принять меры к укреплению революционной власти в прифронтовых районах, организовать широкую помощь фронту, наладить систематическую информацию населения о текущем моменте. По военной линии Дальбюро наметило: 1) выяснить и удовлетворить нужды НРА для ведения военных операций; 2) провести мобилизацию и организовать движение в армию; 3) разработать план развертывания партизанского движения в тылу противника¹⁰⁰.

В соответствии с указаниями Дальбюро, партийные организации ДВР развернули разностороннюю военно-организационную и политическую работу, сообразуясь с местными условиями. Пленум Приамурского обкома РКП (б) 10 декабря постановил: «Всех товарищей, способных носить оружие, влить в ряды особого назначения, с тем, чтобы они перешли на казарменную обстановку»¹⁰¹. 11 декабря Прибайкальский обком РКП (б), обсудив вопрос о мобилизации «100 коммунистов на Приморский фронт», решил: «После обсуждения признать мобилизацию вполне возможной и наметить практические меры по реализации указаний Дальбюро»¹⁰². 12 декабря экстренное пленарное заседание Амурского обкома РКП (б) обсудило один вопрос: «О событиях в Приморье». Были определены следующие неотложные меры: срочно провести мобилизацию коммунистов; областному управлению обратиться с призывом к населению относительно необходимости широкой помощи

⁹⁹ За власть Советов. Чита, 1957, с. 395, 396.

¹⁰⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 41, лл. 152—156; д. 54, л. 196.

¹⁰¹ Лаппо Д. Д. Указ, соч., с. 212.

¹⁰² ПАБурО, ф. 57, оп. 1, д. 123, л. 8.

фронту; укрепить органы ГПО и милиции проверенными коммунистами; наладить постановку текущей информации населения и уездных центров¹⁰³. 31 декабря Забайкальский губком партии принял развернутое решение о задачах партийных организаций в связи с приморскими событиями. Решено было усилить и улучшить постановку всеобщего военного обучения, укреплять революционный порядок на местах, без чего невозможны были «сбор продналога, проведение мобилизации, завоевание деревни», были определены конкретные формы действенной помощи фронту^{104 105}.

Коммунисты Дальнего Востока горячо откликнулись на призыв Дальбюро о помощи образовавшемуся на Востоке фронту. В Амурской области в 186 из 310 ячеек коммунисты вынесли решение просить обком в полном составе отправить их на фронт¹⁰⁵. Партийная мобилизация проходила оперативно и успешно.. Нерчинский уездный комитет РКП (б) в конце декабря информировал Забайкальский губком: «Мобилизовано согласно циркуляра Дальбюро 20 человек коммунистов в городе и 30 человек в деревне»¹⁰⁶. В отчетном докладе Средне-Амурского укома уездной партийной конференции (апрель 1922 г.) отмечалось: «Затем проведена была вполне партийная мобилизация, выполнено 100% задания»¹⁰⁷.

Уже к концу декабря Амурский обком мобилизовал и отправил на фронт (по неполным данным) 200, Забайкальский — 166 и Прибайкальский — 73 членов и кандидатов партии¹⁰⁸. 27 декабря 1921 г. Дальбюро сообщало в ЦК РКП (б), что в республике «произведена мобилизация 500 коммунистов на фронт»¹⁰⁹. Это привело к быстрому повышению боеспособности армии.

Под руководством Дальбюро и обкомов партии энергичную работу развернули государственные организации и учреждения. Так, состоявшееся 14 декабря расширенное заседание Амурского областного управления (исполнительный орган.— *Ред.*) наметило следующую программу: обратиться с воззванием к населению, в котором призвать оказать всю возможную помощь фронту;

¹⁰³ ПААО, ф. 1, оп. 1, д. 64, л. 65.

¹⁰⁴ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 370, л. 98.

¹⁰⁵ Малышев В. П. Указ, соч., с. 327.

¹⁰⁶ ПАЧО, ф. 89, оп. 1, д. 11, л. 164.

¹⁰⁷ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 494, л. 17.

¹⁰⁸ «Известия Дальбюро ЦК РКП (б)», 1922, Уз 7, с. 17.

¹⁰⁹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 118, л. 345.

создать особый орган для оказания помощи НРА как путем сбора добровольных пожертвований, так и проведением мобилизационных мер; принять, меры по оказанию «организованного сопротивления контрреволюции» в том случае, если бы она попыталась выступить в тылу¹¹⁰.

Правительство объявило мобилизацию в НРА. Она сопровождалась острой классовой и политической борьбой. Кулаки, белогвардейские элементы, эсеры, меньшевики и максималисты развернули в ряде районов антигосударственную агитацию, призывая население саботировать Закон правительства о мобилизации.

Сильно было влияние кулацко-эсеровских элементов в Читинском уезде Забайкальской области. Например, в с. Татаурово под их прямым воздействием была принята резолюция об отказе идти в НРА и «сформировании своего кавполка, не принимая партийных»¹¹¹. В этой сложной обстановке государственные органы республики, парализуя контрреволюционную деятельность прямой агентуры врага¹¹², развернули вместе с партийными организациями целенаправленную разъяснительную работу среди населения. В сводке Военно-политического управления за период с 1 по 10 января 1922 г. отмечалось: «В районе расположения Читбригады (Восточное Забайкалье. — Б. Ш.) мобилизация проходит успешно, являются многие со своими лошадьми, обмундированием и снаряжением. Есть добровольцы»¹¹³. И в сводке с 20 января по 1 февраля 1922 г.: «По Нерченскому уезду и Александрово-Заводскому уезду проходит мобилизация успешно, принято большинство кавалеристов»¹¹⁴.

Обкомы партии ежедневно проверяли ход мобилизации. 23 января 1922 г. Забайкальский губком РКП (б), специально обсудив вопрос о ходе мобилизации в Нерчинском уезде, отметил: «Объявленная мобилизация встречена населением хорошо. Явилось почти 100%. Кроме того, 300 добровольцев на своих лошадях»¹¹⁵.

Крестьянство Амура, Забайкалья и Прибайкалья, которое составляло основную массу мобилизуемых, решительно поддержало свою народно-революционную

¹¹⁰ ЦГАДВ, ф. 1001, оп. 1, д. 12, л. 380.

¹¹¹ ЦГАСА, ф. 25853, оп. 6, д. 134, л. 18.

¹¹² Ряд главарей кулацко-эсеровских контрреволюционных групп в Прибайкалье и Забайкалье был арестован.

¹¹³ ЦГАСА, ф. 25853, оп. 6, д. 134, л. 18.

¹¹⁴ Там же, л. 31.

¹¹⁵ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 499, л. И.

власть. Примечательная в этом плане резолюция, принятая 29 января на общем собрании крестьян Старо-Брянской волости Верхнеудинского уезда: «По вопросу объявленной мобилизации и дезертирстве собрание единогласно постановляет предложить всем гражданам, уклоняющимся от мобилизации и дезертирующим из частей, явиться в Верхнеудинское уездное воинское управление»¹¹⁶.

Попытка контрреволюционных элементов сорвать призыв в НРА провалилась.

Важное значение для мобилизации средств на укрепление обороны имел принятый правительством 17 декабря 1921 г. Закон о единовременном чрезвычайном военном налоге. Он гласил: «Ввести на торгово-промышленные предприятия и заведения в ДРВ единовременный чрезвычайный военный налог в размере, особо определенном Советом министров»¹¹⁷. Твердое проведение в жизнь этого Закона дало положительные результаты. К концу января 1922 г. военный налог на буржуазию принес 80 тыс. руб. золотом¹¹⁸.

Под руководством Дальбюро и местных партийных организаций в эти тяжелые дни активизировали свою деятельность общественные организации — профсоюзные, комсомольские, женские, кооперативные... 4 января Дальбюро обсудило вопрос «О задачах профсоюзов в связи с переживаемыми событиями». Они были определены следующим образом: 1) принять активное участие в «Неделе помощи фронту»; 2) провести мобилизацию членов профсоюзов как для различных отраслей фронтовой и транспортной службы, так и для проведения «Недели помощи фронту»¹¹⁹.

Профсоюзы активно включились в военно-организационную работу. Созванная 10 января 1922 г. в Чите межсоюзная конференция с полным единодушием высказалась за скорейшее начало организованной, систематической помощи фронту. Вскоре после конференции было собрано 5620 руб. серебром в фонд помощи фронту, из них значительная часть падала на профсоюзы. В конце января городская профсоюзная конференция в Верхнеудинске решила установить на февраль отчисления в пользу фронта: с получающих до 10 руб. — 0,5%,

¹¹⁶ «Прибайкальская правда», 1922, 29 января.

¹¹⁷ «Собрание узаконений...», 1921, № 10 (6), с. 523.

¹¹⁸ ПАЧО, ф. 81, он. 1, д. 97, л. 181.

¹¹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 5.

до 30 руб.— 1,5%, до 50 руб.— 2%, свыше 50 руб.— 2,5%¹²⁰.

Особенно сложные задачи встали перед организациями железнодорожного транспорта. Разруха на железнодорожном транспорте задерживала перебазирование войск, снабжение фронта оружием и снаряжением. 4 января Дальбюро обсудило доклад заместителя министра транспорта Кривошеина о положении на Амурской дороге, где обнаружились факты злостного саботажа, имевшего целью «помешать продвижению воинских эшелонов». Была создана чрезвычайная комиссия с правом «смещать, перемещать и назначать агентов службы», и тех из них, которые будут замечены в злостном саботаже, предавать суду¹²¹. Кроме того, правительство приняло решение о скорейшем возвращении на транспорт всех ранее работавших там квалифицированных рабочих¹²². Чрезвычайная транспортная комиссия вместе с партийными и профсоюзными организациями сумела добиться перестройки работы железных дорог республики применительно к задачам боевой обстановки. Дальневосточный комитет профсоюза транспортников 23 декабря рассмотрел вопросы, связанные с необходимостью ускоренного ремонта паровозов и вагонов. Правительство в этих целях отпустило 223 тыс. руб.¹²³ Состоявшаяся в начале января 1922 г. рабочая конференция ст. Чита-1 приняла решение о мобилизации всех сил для поднятия работы железнодорожного транспорта и «оказания самой активной помощи кашей молодой НРА в ее борьбе за правое дело трудящихся»¹²⁴.

Опираясь на всемерную поддержку профсоюзов, партийные и государственные органы ДВР добились в сравнительно короткий срок перестройки работы промышленности на военный лад. В ноябре 1921 г., в соответствии с решением Дальбюро, правительство ДВР приняло решение о создании при Военном Совете НРА Военно-промышленного комитета, которому были подчинены предприятия, непосредственно обслуживающие оборону республики¹²⁵.

Военно-промышленный комитет вместе с профсоюзными организациями соответствующих предприятий

¹²⁰ «Прибайкальская правда», 1922, 31 января.

¹²¹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 4.

¹²² ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, л. 1.

¹²³ «Рабочий путь», 1922, 1 января.

¹²⁴ Там же, 7 января.

¹²⁵ ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 55, л. 55.

провел большую, работу по перестройке организации и оплаты труда: ликвидирована пайковая система; оплата труда поставлена в зависимость от его производительности. В декабре были приняты меры к наращиванию темпов производства Верхнеудинского военно-механического завода. За шесть месяцев 1922 г. производительность труда здесь выросла в 10 раз: если за 9 месяцев 1921 г. завод выпустил 71 двуколку, то за 6 месяцев 1922 г. — 400 двуколок. Завод освоил колесное производство и выпустил в первые месяцы 1922 г. 600 колес¹²⁶. Были реорганизованы и резко улучшили свою работу в декабре 1921—январе 1922 г. Читинские военно-хозяйственные мастерские. Здесь в 1921 г. в среднем на одного рабочего выпускалось изделий на 15 руб.; в первые месяцы 1922 г. эта цифра увеличилась до 110 руб. За эти же месяцы мастерские выпустили 200 тыс. пар белья, 10 тыс. рубашек, 5000 шт. ватного обмундирования¹²⁷.

Военный Совет НРА высоко оценил героический труд рабочих и служащих военно-промышленных предприятий. Например, в приказе Военного Совета НРА 14 января 1922 г., подписанном В. К. Блюхером, «за блестящее выполнение оперативного задания, изготовление в течение шести дней 1000 комплектов железных вагонных печей на Верхнеудинском военно-механическом заводе объявлена благодарность от лица армии начальнику завода Беляеву, военному Барсукову... и всему личному составу завода, принимавшему участие в изготовлении печей»¹²⁸.

Призыв Коммунистической партии к защите республики и помощи НРА нашел живой отклик в рядах дальневосточного комсомола. В декабре 1921 г. Далькрайком РКСМ дал боевой наказ комсомольским организациям ДВР — оказывать активную всестороннюю помощь фронту. Приамурский обком РКСМ организовал комсомольско-молодежный отряд, который влился в ряды НРА. Под руководством С. Пчелкина в Хабаровске был создан подпольный комитет комсомола¹²⁹. В обзоре состояния комсомольского движения на Дальнем Востоке Далькрайком РКСМ весной 1922 г. отмечал: «Приамурская область. Все члены РКСМ были

¹²⁶ ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 55, лл. 59, 60.

¹²⁷ Там же, л. 61.

¹²⁸ «Прибайкальская правда», 1922, 31 января.

¹²⁹ Машуков И. Г. Этих дней не смолкнет елава. Благовещенск, 1957, с. 68.

злиты в армию, девушки работали в санотрядах. Вся работа была сосредоточена исключительно в армии»¹³⁰.

Большую военно-организационную работу проводили комсомольские организации Амурской области. Уже в середине декабря 1921 г. Амурский обком РКСМ мобилизовал и отправил на фронт более 100 членов Союза, из них 16 руководящих работников. В конце декабря 1921—начале января 1922 г. развернулось массовое движение комсомольцев за вступление в ряды НРА. В отчете Амурского обкома РКП (б) за январь 1922 г. говорилось о Бочкаревском уезде: «50 организаций (комсомольских.— *Б. Ш.*)... целиком ушли на фронт», и о Завитинском уезде: «3 комсомольских организации — целиком на фронте»^{131 132}.

Перестроился и Забайкальский комсомол. Ячейки РКСМ были переведены на военное положение и принимали активное участие во всех хозяйственно-политических кампаниях помощи фронту. В конце декабря 1921 г. началась массовая тяга комсомольцев на фронт. Ячейка РКСМ Большого Острова г. Читы в полном составе уехала на фронт¹³³.

Как уже говорилось, не оставались в стороне и кооперативные, женские и другие общественные организации. 22 января 1922 г. «собравшаяся конференция работниц г. Читы, заслушав доклад о положении на фронте и необходимости помощи фронту, заявляет: женщина-пролетарка, получившая от революции все, не отдаст даром этих завоеваний. Мы, работницы, приложим все силы для облегчения участи тех, кто самоотверженно сражается в холодных сопках, проливая кровь за нашу свободу и будущее наших детей»¹³³.

Для координации деятельности общественных организаций по оказанию помощи фронту решениями Секретариата Дальбюро ЦК РКП (б) от 9 января 1922 г. и правительства ДВР — от 13 января был создан Центральный комитет помощи фронту¹³⁴. На местах возникали областные, уездные, волостные и сельские комитеты. Например, в Акшинском уезде Забайкальской области образовались 7 волостных и 57 сельских комитетов помощи фронту¹³⁵.

¹³⁰ Архив ЦК ВЛКСМ, фонд Далькрайкома, оп. 1, д. 1, л. 1

¹³¹ ПААО, ф. 1, оп. 1, д. 459, лл. 20, 28, 29.

¹³² Богачук А., Сухарев В. Всегда с партией. Чита, 1958, с. 57.

¹³³ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 494, л. 1.

¹³⁴ Там же, д. 122, л. 2.

¹³⁵ Там же, д. 538, л. 10.

Дальбюро выдвинуло как одну из важнейших задач новых комитетов — проведение «Недели помощи фронту»¹³⁶. «Неделя» началась 5 февраля 1922 г.¹³⁷. Движение приняло всеохватывающий характер. Партийные, профсоюзные, комсомольские, кооперативные и другие организации стали оказывать всестороннюю помощь ИРА. Характер и формы участия различных отрядов трудящихся в этой кампании были самые разнообразные. В авангарде всех начинаний по-прежнему шел рабочий класс. Газета «Рабочий путь» сообщала о самоотверженном труде шилкинских железнодорожников: «За неделю помощи фронту на станции Шилка железнодорожниками сверхурочными часами выпущено из ремонта 56 вагонов и разобрано 40 вагонов горелых»^{138 139 140}.

От железнодорожников не отставали горняки и шахтеры. Ксеньевский подрайкомгорт сообщил, что в «День труда» было собрано 15 золотников золота, пожертвовано на нужды армии 2 тыс. пудов сена¹³⁹. Черновские шахтеры собрали в течение «Недели» 9729 руб. золотом¹⁴⁰. «Рабочие Кобылкинского завода (Верхнеудинский стекольный завод. — Б. Ш.) пожертвовали фронту 500 руб. золотом из профсоюзной кассы и 700 руб. золотом от изготовления стекла¹⁴¹.

Пример рабочего класса заражал революционной энергией и поднимал на активное участие в борьбе с белогвардейщиной и крестьянство ДВР. Надежды белогвардейской агентуры спровоцировать крестьянство на выступление против народно-революционной власти развеялись в прах. Характерна резолюция, принятая 16 января 1922 г. крестьянами дер. Христиановка Амурской области по докладу члена Нарсоба ДВР Анциферова о событиях в Приморье: «Выступление белокапелевской банды в Приморье есть посягательство на нашу мирную жизнь, терзание в течение 4-х лет груди трудового народа Японией, против которой мы боролись и будем бороться... Всяких белогвардейцев, приезжающих к нам с целью смуты в наших рядах, не будем принимать во внимание»¹⁴². Крестьяне с. Михайловского Зейского уезда «постановили отправить все собранные

¹³⁶ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 5.

¹³⁷ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 97, л. 178.

¹³⁸ «Рабочий путь», 1922, 24 февраля.

¹³⁹ Там же, 8 февраля.

¹⁴⁰ «Дальневосточный путь», 1922, 10 февраля.

¹⁴¹ «Рабочий путь», 1922, 15 февраля.

¹⁴² Октябрь на Амуре, с. 334—335.

в волости пожертвования непосредственно на фронт со своими делегатами»¹⁴³. В начале марта 1922 г., когда возникли серьезные продовольственные затруднения в НРА, Амурское областное народное собрание, состоявшее в большинстве своем из представителей крестьянства, решило в счет продналога собрать и предоставить в распоряжение Начснабтыла 30 тыс. пудов пшеницы для нужд армии «в недельный срок»¹⁴⁴.

Центральный и местные комитеты помощи фронту в широком масштабе организовали пошивку белья, сбор теплых вещей. Трудящиеся женщины Благовещенска сшили 10 тыс. пар белья¹⁴⁵. Представитель Прибайкальского областного управления 8 февраля 1922 г. сообщал: «...Готовы к отправке фронту около двух вагонов теплых ватных тужурок, шапок, катанок»¹⁴⁶.

Активное участие в «Неделе помощи фронту» принял комсомол. Поставленный комсомольцами г. Читы спектакль собрал 107 руб.; их тут же сдали в комитет помощи фронту. Харонорская комсомольская организация на двух спектаклях выручила в помощь фронту 100 руб. золотом¹⁴⁷.

Кооперативные организации Забайкалья отправили на фронт 750 пудов мяса, 50 пудов мыла, 200 пар валенок, 50 пудов табака и многое другое^{148 149}.

С конца января до 24 апреля 1922 г., в самый напряженный период борьбы НРА с белогвардейщиной, Центральный комитет помощи фронту собрал денег и различных ценностей на сумму — 93 422 руб. золотом¹⁴⁹.

Среди военно-политических задач, выдвинутых жизнью перед Дальбюро ЦК РКП (б) и Правительством ДВР в декабре 1921 — январе 1922 гг., исключительно важное значение приобрела борьба с политическим и уголовным бандитизмом. Японские империалисты, бросив против ДВР армию Молчанова, постарались активизировать бандитское движение в пограничных и некоторых глубинных районах республики, чтобы дезорганизовать тыл НРА. Основными плацдармами политического бандитизма против ДВР являлись грани-

¹⁴³ «Прибайкальская правда», 1922, 17 января.

¹⁴⁴ Протоколы и труды 2-й сессии Амурского областного собрания уполномоченных. Благовещенск, 1922, с. 5.

¹⁴⁵ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 538, л. 9.

¹⁴⁶ Там же, д. 68, л. 6.

¹⁴⁷ Богачук А., Сухарев В. Указ, соч., с. 57.

¹⁴⁸ «Дальневосточный путь», 1922, 1 февраля.

¹⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 538, л. 12.

чащие с ней районы Маньчжурии и Монголии ¹⁵⁰. Здесь находились соответствующие опорные базы и вербовочные пункты.

В начале января 1922 г. напряженное положение сложилось в Прибайкалье. 13 января секретарь Прибайкальского обкома РКП (б) Генкин информировал Дальбюро о том, что в области усиливается бандитизм ^{150 151}. В Верхнеудинском уезде оперировал объединенный из нескольких шаек отряд под командой полковника Соловьева, насчитывавший не менее 300 чел.¹⁵² Активизировались и эсеры. В с. Хонхолой состоялся подпольный эсеровский съезд, эсеровские инструкторы зачастили в районы, охваченные бандитизмом ¹⁵³.

Оживился и несколько заглохший после краха Унгер-на бандитизм в Забайкалье. В Акшинском районе оперировала банда Перфильева из 180 чел. В Сретенске и Нерчиинско-Заводском районе зверствовали крупные банды Богатырева и полковника Макарова. В Амурской области «развернулись» банды под командованием полковника Илькова и др.¹⁵⁴ Помимо грабежей, они портили железнодорожное полотно, взрывали мосты на Амурской железной дороге.

Политический бандитизм стал составной частью гражданской войны в Дальневосточном крае. Необходимо было неотложно сделать все возможное для его разгрома. 16 января 1922 г. Военный Совет НРА издал подписанный В. К. Блюхером приказ, в котором с согласия Дальбюро предлагалось командованию Забайкальского военного округа вместе с партийными и государственными органами приступить к созданию чрезвычайных органов по борьбе с бандитизмом — комиссий-троек ¹⁵⁵. На них возлагалось изучение причин возникновения бандитского движения и выработка наиболее целесообразных мер борьбы с ним.

22 февраля Дальбюро приняло специальное постановление по борьбе с внутренней контрреволюцией, решив по примеру РСФСР, создать в ДВР части особого назначения (ЧОН) и территориальные части. Организован был также совет по руководству частями особого назначения. Они создавались только в городах и состояли

¹⁵⁰ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, л. 31.

¹⁵¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 133, л. 35.

¹⁵² ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, л. 31.

¹⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 68, л. 5.

¹⁵⁴ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, л. 32.

¹⁵⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 75, л. 56.

из членов и кандидатов партии¹⁵⁶. В селах ЧОНЫ не создавались, а коммунисты объединялись в территориальные части.

На борьбу с бандитизмом были выделены некоторые подразделения Забайкальской кавалерийской дивизии¹⁵⁷, отрядов ГПО, соединений 5-й Красной Армии¹⁵⁸, а также вновь созданных частей особого назначения. Секретарь Прибайкальского обкома Генкин сообщал в Дальбюро: «Все партсилы организованы на борьбу с бандитизмом»¹⁵⁹.

В результате бандитскому движению в январе — феврале 1922 г. были нанесены серьезные удары, самые крупные банды разгромлены, угроза дезорганизации тыла была в основном ликвидирована. Особое положение сложилось в Амурской области — ближайшем тылу сражавшейся против белогвардейцев НРА. Белогвардейское командование рассчитывало поднять реакционную часть амурского казачества против власти ДВР. В. К. Блюхер в докладе Зампомглавному по Сибири 19 декабря 1921 г. не исключил возможности попыток организации восстания «реакционно настроенных станиц по Амуру»¹⁶⁰. События в Приморье резко обострили обстановку на Амуре. Одновременно с бандитами подняла голову кулацкая контрреволюция. В декабре 1921 г. кулаки пос. Суражевка организовали вооруженную шайку, убили начальника гарнизона и много партийных и советских работников¹⁶¹. В Благовещенске оформилась широко разветвленная подпольная белогвардейская организация. При ее раскрытии обнаружилось много оружия, в том числе 150 револьверов¹⁶². Весьма отрицательным явлением, особенно распространенным на Амуре, была и партизанщина — мелкобуржуазная, стихийная¹⁶³. Еще осенью 1921 г. при благосклонном отношении командования войсками НРА Амурского района здесь стали возникать партизанские отряды. Организа-

¹⁵⁶ ЦПА ИМЛ, д. 122, л. 24. Позднее Дальбюро и правительство признали необходимым включение в состав ЧОНов членов комсомола.

¹⁵⁷ ЦГАСА, ф. 7606, оп. 1, д. 20, л. 17.

¹⁵⁸ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, л. 66.

¹⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 68, л. 5.

¹⁶⁰ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 80.

¹⁶¹ Малышев В. П. Указ, соч., с. 324.

¹⁶² ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 97, л. 180.

¹⁶³ Этому способствовала отдаленность Амурской области, большая прослойка кулачества, слабость местных административных органов власти.

ция их происходила стихийно, вне партийного влияния¹⁶⁴.

Это обстоятельство весьма беспокоило Дальбюро ЦК РКП (б). Еще до начала приморских событий 2 ноября 1921 г. Дальбюро приняло решение, обязывающее В. К. Блюхера «принять действенные меры к быстрой ликвидации партизанских отрядов в Амурской области»¹⁶⁵. Однако в связи с отъездом В. К. Блюхера в Дайрен это дело не было доведено до конца. Положение усугублялось еще и тем, что под видом партизан стали нередко действовать шайки авантюристов, которые, как говорилось в одном из докладов Амурского областного управления (3 декабря 1921 г.), под видом «людей, не по праву именующих себя партизанами», творили бесчинства и произвол (самовольные аресты, реквизиции и т. и.)¹⁶⁶.

В конце декабря состоялась «конференция» представителей этих анархистствующих «партизан», создавшая так называемый Ревпартштаб, который противопоставил себя командованию регулярных частей НРА¹⁶⁷. Программа Ревпартштаба была изложена в отчетном докладе Амурского обкома РКП (б) IV областной партийной конференции (апрель 1922 г.) следующим образом: «Защищать родные нивы и села, уничтожение буфера, создание Советской республики, но только не идти на фронт для борьбы с белобандитами Приморья»^{168 169 170}.

Такой поворот событий в Амурской области требовал принятия быстрых и решительных мер. 26 декабря Дальбюро постановило учредить в Благовещенске, «в связи с превращением Амурской области в непосредственный тыл, а частью в прифронтовую полосу», областной Народно-революционный комитет¹⁶⁹. В соответствии с директивой Дальбюро на первом заседании Нарревкома 5 января 1922 г. была определена программа его работы:

- 1) укрепление органов гражданской власти на местах путем приспособления их деятельности к создавшейся обстановке;
- 2) упорядочение вопросов снабжения фронта;
- 3) усиление здоровых форм организации партизанского движения¹⁷⁰.

¹⁶⁴ ПААО, ф. 1, оп. 1, д. 73, л. 19.

¹⁶⁵ ДПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 176.

¹⁶⁶ ДГАДВ, ф. 1001, оп. 1, д. 208.

¹⁶⁷ ПААО, ф. 1, оп. 1, д. 248, л. 4-об.

¹⁶⁸ Там же, д. 242, л. 12.

¹⁶⁹ ДПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 54, л. 208.

¹⁷⁰ Октябрь на Амуре, с. 329.

Дальбюро разрешило Народно-революционному комитету создать в ряде уездов Амурской области временные народно-революционные комитеты¹⁷¹. Они были созданы, в частности, в Завитинском и Свободненском уездах¹⁷². К ним перешла вся полнота гражданской власти. В связи с «появлением в тылу бандитских отрядов, представляющих серьезную угрозу общему делу борьбы на фронте», Народно-революционный комитет вынес решение о создании в Благовещенске военно-полевого суда^{171 172 173}. Были укреплены органы Г'ПО и милиции. Областной отдел милиции возглавил активный участник революционной борьбы на Дальнем Востоке В. А. Бородавкин¹⁷⁴.

Народно-революционный комитет как чрезвычайный и полномочный орган правительства развернул активную деятельность. «В ближайшие дни,— сообщал председатель комитета И. В. Слинкин 17 января 1922 г. председателю правительства Н. М. Матвееву,— совместно с облкомпартом думаем провести широкую кампанию по укреплению аппарата власти в области, продналогу и т. д. Для этой цели думаем мобилизовать партсилы и бросить их в область»¹⁷⁵.

Энергичные меры принял Нарревком для преодоления партизанщины. Еще 4 января Дальбюро ЦК РКП (б) одобрило приказ Военного Совета ДВР от 3 января 1922 г. о том, что «существующие и формирующиеся явочным порядком и не подчиняющиеся Командованию НРА» партизанские отряды «должны рассматриваться как бандиты»¹⁷⁶. В соответствии с этим решением 6 января Амурский обком партии постановил распустить Рев-партштаб. Некоторые его члены, пытавшиеся оказать сопротивление, были арестованы¹⁷⁷. По приказу Нарревкома был создан при начальнике тыла Совет партизанских формирований Приамурского военного округа под председательством члена правительства В. С. Бондаренко¹⁷⁸.

17 января 1922 г. И. В. Слинкин информировал правительство: «Работа по изжитию партизанщины и рев-

¹⁷¹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 15.

¹⁷² Октябрь на Амуре, с. 332.

¹⁷³ Там же, с. 334.

¹⁷⁴ ЦГАДВ, ф. 1004, оп. 6, д. 256, л. 33.

¹⁷⁵ Там же, л. 32.

¹⁷⁶ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 6.

¹⁷⁷ ПАОО, ф. 1, оп. 1, д. 248, л. 12; д. 242, л. 12.

¹⁷⁸ Октябрь на Амуре, с. 331.

штабства приходит к концу. В области все отряды объединены в регулярные части»¹⁷⁹.

Не менее остро стояла задача отразить и разгромить каппелевское наступление в Южном Приморье. В соответствии с директивой Дальбюро от 7 декабря 1921 г. о развертывании партизанского движения в Приморье были направлены для руководства борьбой трудящихся в тылу врага А. К. Флегонтов в качестве командующего партизанскими отрядами и К. Ф. Пшеницын как председатель Приморского партбюро вместе с группой опытных командиров и партийных работников — всего 13 чел.^{179 180 181} После долгих странствий по тайге, преодолев огромные трудности, 26 января 1922 г. они прибыли в дер. Бенеvскую^ш. К этому времени здесь уже был создан штаб партизанских отрядов во главе с М. П. Вольским. Одновременно в Партизанскую долину прибыли из Владивостока Н. К- Ильюхов и В. П. Шишкин, также пытавшиеся создать штаб. Между этими двумя штабами возникла неприязнь¹⁸². Флегонтов объявил приказ о своем вступлении в должность и роспуске этих штабов. Был сформирован Военный Совет по руководству партизанским движением.

Приморье было разбито на 8 боевых районов. Между этими районами поделили и участки железной дороги¹⁸³. Постепенно положение стало выправляться. Боеспособность партизанских отрядов повысилась. Флегонтов через посланных для связи партизан информировал Дальбюро о том, что «несмотря на довольно тяжелые условия, настроение в среднем удовлетворительное, поднялся дух, желание драться усилилось и люди бодрятся, надеясь на поддержку и скорую победу»¹⁸⁴. В конце января — феврале 1922 г. партизаны совершили ряд успешных налетов на Дальнереченск и Анучино. Партизанское движение в Приморье вновь стало набирать свою силу.

Одновременно были приняты меры к развертыванию партизанского движения в Приамурье, в районе Хабаровска. В декабре 1921 г. был создан военно-революционный штаб партизанских отрядов Приамурья во главе с Д. И. Бойко-Павловым.

¹⁷⁹ ЦГАДВ, ф. 1004, оп. 6, д. 256, л. 32.

по Флегонтов А. Партизанской тропой. Хабаровск, 1932, с. 7.

¹⁸¹ В огне революции. Хабаровск, 1927, с. 200.

¹⁸² Флегонтов А. Указ, соч., с. 28.

¹⁸³ В огне революции, с. 201.

¹⁸⁴ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, лл. 58—59.

Однако главной, решающей силой, способной разгромить белогвардейцев, были, безусловно, регулярные войска НРА, и их укрепление в эти тяжелые для республики дни оставалось в центре внимания Дальбюро, правительства и Военного Совета ДВР. Главнокомандование НРА во главе с В. К. Блюхером энергично принялось за скорейшую переброску на восток дислоцированных в Забайкалье частей Читинской стрелковой бригады (она имела 3682 штыка и 300 сабель) и Троицкосавского кавалерийского полка (1000 сабель). Вместо них в район Читы была передвинута 104-я бригада 5-й Красной Армии¹⁸⁵. По указанию ЦК РКП (б) в ДВР из Советской России была командирована группа опытных командиров и политработников¹⁸⁶. Среди них были И. Погодин, введенный в состав Военного Совета ДВР, сподвижник Блюхера по Уральскому походу Н. Д. Томин, командир одной из бригад 44-й дивизии Красной Армии Я. З. Покус. Военно-политическое управление во главе с А. Л. Сноскаревым усилило воспитательную работу в войсках, направив на фронт большую группу политических работников: Якимова, Подервянского, Абрамовича, Груднева, Столяра и др.¹⁸⁷

Следует иметь в виду, что эсеров-меньшевистские элементы кое-где пытались разложить дисциплину, ратовали за партизанщину против формирования регулярных частей. Контрагитация учитывала конкретные задачи и боевое состояние частей ИРА. Раньше всего надо было преодолеть среди бойцов НРА панические настроения в связи с налетами белогвардейской конницы. Начальник Военно-политического управления Сноскарев 11 января 1922 г. писал; «Максы (максималисты.— Б. Ш.) ведут работу под лозунгом „Долой буфер, не надо фронта и регулярной армии“. Наша контрагитация налаживается... Среди пехотных частей ведем агитацию „Не бойся кавалерии“»¹⁸⁸.

Благодаря принятым правительством ДВР мерам и помощи со стороны РСФСР удалось в известной степени улучшить материальное обеспечение НРА, хотя эта проблема еще оставалась для ДВР самой острой и сложной¹⁸⁹.

¹⁸⁵ Покус Я. Указ, соч., с. 65.

¹⁸⁶ Там же, с. 52.

¹⁸⁷ Мальшев В. П. Указ, соч., с. 333.

¹⁸⁸ ЦГАСА, ф. 221, оп. 1, д. 228, л. 37.

в ЦГАДВ, ф. 4374, оп. 2, д. 6, л. 52.

Оставив Хабаровск, части НРА отошли и закрепились на ст. Ин. В ночь с 27 на 28 декабря крупная группировка каппелевцев (в количестве 1000 штыков и 200 сабель) под командованием генерала Сахарова двинулась к ст. Ин, стремясь окружить расположившиеся там части НРА. Создалось критическое положение. Но мужественные действия бойцов бронепоезда № 8 и Особого Амурского полка сорвали замысел белогвардейцев. Они понесли огромные потери: 250 чел. убитыми и ранеными, 50 чел. пленными¹⁹⁰.

Значение Инского боя было чрезвычайно велико. В. К. Блюхер в переговорах по прямому проводу с командующим Восточным фронтом С. М. Серышевым 29 декабря сказал: «Поздравляю вас и ваши войска с первой крупной победой... Вчерашний успех имеет громадное моральное значение для войск, полагаю, что всеми мерами это используется, влив веру, бодрость и уверенность в победе в свои войска»¹⁹¹. Блюхер не ошибся — в настроении бойцов НРА после Инского боя произошел значительный перелом.

После приведения в порядок частей командование Восточного фронта (С. М. Серышев и члены Военного Совета П. П. Постышев и Б. Мельников) решило по собственной инициативе взять Волочаевку. 5—6 января части НРА перешли в наступление¹⁹² и ворвались в Волочаевку. Однако в конечном счете наступление не увенчалось успехом. Восточный фронт не располагал достаточными силами и средствами для проведения такой серьезной операции: Читинская стрелковая бригада на фронт прибыла еще не полностью; между частями не было должной согласованности¹⁹³. Поэтому в разговоре по прямому проводу с С. М. Серышевым 10 января 1922 г. Главком В. К. Блюхер потребовал от командования Восточного фронта не проводить без разрешения Военного Совета НРА новых наступательных действий¹⁹⁴.

9—11 января белогвардейцы, введя в дело новые части, перешли в контрнаступление. Но оно захлебнулось¹⁹⁵. Несомненно, определенную роль при этом сыграл смелый налет на Хабаровск партизанского отряда

¹⁹⁰ Покус Я. Указ, соч., с. 46.

¹⁹¹ Октябрь на Амуре, с. 322—323.

¹⁹² ЦГАСА, ф. 365, оп. 1, д. 18, л. 126.

¹⁹³ Там же, ф. 117, оп. 1, д. 5, л. 2.

¹⁹⁴ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 86—87.

¹⁹⁵ ЦГАСА, ф. 365, оп. 1, д. 18, л. 126.

под командованием Д. И. Бойко-Павлова¹⁹⁶. Генерал Молчанов вынужден был снять с фронта и отправить в район Хабаровска 2 пехотных полка¹⁹⁷.

Для тщательной подготовки разгрома белых под Волочаевкой 28 января на фронт прибыл Главком В. К. Блюхер и его полевой штаб. К этому времени «белоповстанческая армия» имела на фронте 3500 штыков, 1235 сабель, 62 пулемета, 9 орудий и 3 бронепоезда. В районе Волочаевки белогвардейцы заблаговременно создали хорошо укрепленный плацдарм со стрелковыми и пулеметными окопами и мощными проволочными заграждениями. Командной точкой являлась сопка Июнь-Карань, возвышавшаяся примерно на 100 метров. Волочаевская позиция, таким образом, представляла собой серьезную преграду на пути к Хабаровску. О том, какое значение придавали ей белогвардейцы, можно судить по обращению генерала Молчанова к своим командирам: «Вопрос самого нашего бытия требует полного напряжения всех сил для достижения победы. С победой мы живем, неудача может лишить нас самого бытия, как антибольшевистской организации»¹⁹⁸. Войска Восточного фронта НРА насчитывали в это же время 6300 штыков, 1300 сабель, 30 орудий, 3 бронепоезда и 2 танка¹⁹⁹.

Предстоящее сражение за Волочаевку имело решающее значение для судеб русского Дальнего Востока. Здесь были сосредоточены все основные боевые силы НРА, в ближайшем тылу крупных войсковых соединений по существу не было²⁰⁰, и военная неудача могла привести к тяжелым и далеко идущим последствиям. В связи с исключительно серьезным положением на Дальнем Востоке Дальбюро ЦК РКП (б), обсудив 12 февраля 1922 г. вопрос о состоянии НРА, постановило: «Считать допустимым ввод 5-й Красной Армии в Забайкалье и на Амур»²⁰¹, несмотря на то, что это таило в себе возможность серьезных международных осложнений для ДВР. Началась подготовка решительного наступления на «дальневосточный Перекоп».

Части НРА были сгруппированы таким образом. На железнодорожном направлении должна была действовать Сводная бригада (5-й, 6-й и Особый Амурский пол-

¹⁹⁶ Таежные походы. Сборник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. М., 1936, с. 273—274.

¹⁹⁷ Покус Я. Указ, соч., с. 52.

¹⁹⁸ Там же, с. 53, 60, 64—65.

¹⁹⁹ Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 211.

²⁰⁰ Покус Я. Указ, соч., с. 65.

²⁰¹ ЦПА НМЛ, ф. 372, он. 1, д. 131, л. 40.

ки и 4-й кавалерийский полк). Ей были приданы 2 партизанских отряда — И. П. Шевчука и Ф. М. Петрова-Тетерина. Командиром бригады был назначен Я. З. Покус²⁰². Действия вдоль Амура были поручены Читинской стрелковой бригаде и Троицкосавскому кавалерийскому полку, объединенных в Забайкальскую группу под командованием Н. Д. Томина.

По словам В. К. Блюхера, «в основу плана по захвату Волочаевки и уничтожения белых было положено следующее: пятым, шестым и Особым Амурским полками под общим командованием Покуса атаковать Волочаевку с фронта в полосе железной дороги... Первая Читинская и сводная кавалерийские бригады под командованием т. Томина имели задачей отрезать пути отхода противника к Хабаровску»²⁰³.

Бои за Волочаевку начались 10 февраля, 1922 г.: Сводная бригада нанесла основной удар по правому флангу белых; в то же время Забайкальская группа пошла в наступление на Верхне-Спасское и заняла его утром 11 февраля²⁰⁴.

11 февраля части НРА проводили необходимую перегруппировку, а утром 12 февраля начали решающий штурм волочаевских позиций. Преодолевая невероятные препятствия, бойцы НРА прорвали фронт белогвардейской обороны. Яркое описание дает активный участник этих боев Я. З. Покус. Он рассказывает, что проволочные заграждения «преодолевались нашими бойцами способом, который едва ли встречался когда-либо в истории войн, а именно: подбежав к проволоке, один из группы смельчаков падал всею тяжестью своего тела на проволоку, по середине рогатки и, пригибая ее к крестовине, изображал собой живой мост, по которому остальные бойцы перебегали на другую сторону. Такой смельчак всегда оказывался жертвой неприятельского огня»²⁰⁵. К середине дня 12 февраля Особый Амурский полк вступил в Волочаевку, а 5-й стрелковый полк занял сопку Июнь-Карань²⁰⁶.

Белогвардейцы потеряли в боях за Волочаевку до 400 чел. убитыми и 700 ранеными. Велики были потери

²⁰² До прибытия Я. З. Покуса Сводной бригадой (Инской группой войск) командовал Н. Д. Тomin. Он проделал огромную работу по подготовке бригады к наступательной операции (Плющев В. А. Николай Тomin. М., 1966, с. 128—129).

²⁰³ Блюхер В. К. Указ, соч., с. 166.

²⁰⁴ ЦГАСА, ф. 365, оп. 1, д. 18, л. 131.

²⁰⁵ Покус Я. Указ, соч., с. 109.

²⁰⁶ Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 227.

и НРА: 128 чел. убитыми и 1000 ранеными и обмороженными; вышло из строя до 60% командного состава²⁰⁷.

Разгром белых под Волочаевкой имел огромное историческое значение для исхода всей борьбы за Дальний Восток. В обращении члена Военного Совета Восточного фронта П. П. Постышева к трудящимся тыла 14 февраля 1922 г. говорилось: «Белобанды отступают во всех направлениях под дружным натиском Нарревармии. 11 и 12 февраля славной Нарревармией взяты деревни Верхне-Спасское, Нижне-Спасское и ст. Волочаевка. Самые важные укрепленные пункты белых взяты. Эти пункты решают участь белых на Хабаровском фронте»²⁰⁸.

За беспримерный героизм и бесстрашие орденами Красного Знамени были награждены 6-й стрелковый полк и бронепоезд № 8, а также 37 командиров и бойцов Сводной стрелковой бригады^{209 210}. Среди них командир бригады Я- З. Покус, военкомы К- Е. Трегубенков и В. П. Малышев, командиры стрелковых полков — 6-го А. Н. Захаров и 5-го В. М. Чернов, начальник бронепоезда № 8 И. Козловский и до него исполнявший эту должность И. Дробышевский, военком поезда М. Д. Кручинин, командиры партизанских отрядов Д. И. Бойко-Павлов, Ф. М. Петров-Тетерин и И. П. Шевчук, командиры отделений Д. Синегуб, Е. Оборонько, А. Пономарев, бойцы — Т. Мельников, П. Дорян²¹⁰.

Позднее правительственными наградами были отмечены также командиры и бойцы Забайкальской группы войск.

После освобождения Волочаевки началось преследование отступавших каппелевцев. 14 февраля был взят Хабаровск. В приветственной телеграмме правительства ДВР В. К. Блюхеру по этому поводу говорилось: «Преклоняясь перед памятью павших, шлем пламенный привет и поздравление с возвращением Хабаровска всем доблестным бойцам и вам, их вождю, оправдавшим доверие республики»²¹¹.

Разгром белогвардейцев под Волочаевкой и освобождение Хабаровска были высоко оценены ЦК партии. В отчете за год работы ЦК РКП (б) XI съезду партии указывалось: «Взятие Хабаровска 14 февраля открывает путь для овладения всей территорией, которая в те-

²⁰⁷ Покус Я. Указ, соч., с. 80.

²⁰⁸ Октябрь на Амуре, с. 347.

²⁰⁹ Покус Я. Указ, соч., с. 80.

²¹⁰ Беляев Б. Л. Дальневосточный Перекоп. М., 1961, с. 81—82.

²¹¹ Октябрь на Амуре, с. 348.

чение нескольких месяцев была захвачена белогвардейским правительством во Владивостоке»²¹².

С 15 по 26 февраля части противника, уклоняясь от серьезных столкновений с войсками НРА и ограничиваясь арьергардными боями, отступали на бакинские позиции, где и закрепились. После тяжелых и упорных боев 27—28 февраля каппелевцы были выбиты и отсюда. Белоповстанческая армия отступила на территорию так называемой «нейтральной зоны», установленной еще договором 29 апреля 1920 г. между правительством Приморской земской управы и японским командованием.

В предвидении такой ситуации Дальбюро еще 17 февраля 1922 г., обсудив вопрос о тактике в Приморье, признало «необязательным для нас сохранять нейтральную зону, установленную соглашением с Японией 29 апреля 1920 г., и считать возможным продвижение пеших войск за пределы этой зоны». Такое решение было вполне закономерным; во-первых, правительство ДВР не утверждало этого договора; во-вторых, японцы его нарушили, пропустив «белоповстанческую армию» через эту зону осенью 1921 г. Дальбюро решило также «начать дипломатическую кампанию, требующую невмешательства Японии в вооруженную борьбу ДВР с меркуловцами»²¹³. Эта линия была согласована с ЦК РКП (б) и Наркоминделом и была ими одобрена²¹⁴. Войска НРА, заняв 13 марта Далигереченск, стали продвигаться по территории «нейтральной зоны». 21 марта белогвардейцы оставили от. Уссури. Части НРА, пройдя 26 марта через южную границу «нейтральной зоны», 1 апреля заняли Аннинское, находящееся на подступах к Спасску²¹⁵. Препградой дальнейшему продвижению оказались японские гарнизоны, занимавшие Спасск и ст. Евгеньевку. Чтобы избежать столкновения с японцами, от Военного Совета Восточного фронта 2 апреля 1922 г. в Спасск был направлен парламентар Лебедев с поручением уведомить японское командование о том, что войска НРА, преследуя мятежников, продвинутся дальше на юг и выйдут на линию Бусьевка—Хвалынка. Вслед за ним выступил авангард НРА и занял Бусьевку. Тогда японцы в Хвалынке открыли по частям НРА сосредоточенный артиллерийский и пу-

²¹² Одиннадцатый съезд РКП (б). М., 1961, с. 625.

²¹³ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 47.

²¹⁴ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, л. 11.

²¹⁵ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 2, д. 10, л. 29.

леметно-ружейный огонь²¹⁶. В этих условиях авангард НРА, по указанию Главного командования, проявив исключительную выдержку и хладнокровие и потеряв при этом 47 чел. убитыми и ранеными, организованно отошел за р. Большая Уссурка, крайнюю северную линию нейтральной зоны. Здесь войска НРА закрепились.

Таким образом, японские интервенты, сбросив маску, открыто преградили НРА путь в Спасск, спасая остатки белоповстанческой армии от полного разгрома и капитуляции. «Поход на Хабаровск» кончился для приморской беловоенщины плачевно. 27 апреля, отвечая по прямому проводу на вопрос В. К. Блюхера: «Насколько велик разгром белых», К. Ф. Пшеницын сообщал: «Разгром окончательный, разрушил белоповстанческие части, вырвал реальную силу у меркуловского правительства. По сведениям из закрытого заседания Нарсоба, в результате похода на Хабаровск выбито и заморожено 45%»²¹⁷.

В связи с успехом НРА на фронте борьбы с белоповстанческой армией Дальбюро, рассмотрев 21 марта 1922 г. вопрос «О тактике в Приморье», решило «направить все усилия к тому, чтобы белые отряды и белая власть в Приморье была бы уничтожена даже при наличии в Южном Приморье японцев и при невозможности движения наших регулярных частей южнее Усури». Исходя из этого, были определены основные меры укрепления партизанского движения в Приморье: 1) приблизить партизанские отряды по характеру организации к регулярной армии; 2) перевести на партизанское положение ряд регулярных частей НРА, вооружив и снабдив их всем необходимым; 3) поручить Совету министров изыскать и выделить средства для поддержки партизанского движения в Приморье^{218 219}. Дальбюро назначило Военный Совет партизанских отрядов Приморья в составе А. К. Флегонтова, П. Д. Никитенко (28 марта вместо него был утвержден Кручина) и Я. К. Кокушкина²¹⁹.

В марте — апреле 1922 г. партизаны Приморья, насчитывавшие в это время около 1500 чел.²²⁰, развернули активные действия. Газета «Амурская правда» 7 марта 1922 г. сообщала в статье «Действия партизан»: «В один день между Евгеньевкой и Мучной по линии желдороги произведено 10 взрывов — путь окончатель-

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 559, л. 14.

²¹⁸ Там же, д. 131, л. 83.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 559, л. 23.

по разрушен». В информационном письме Дальбюро ЦК РКП (б) от 10 мая 1922 г. указывалось: «По всей линии ж. д. и особенно на перегоне Никольск-Уссурийск — Владивосток нападения (партизан. — Б. Ш.) не прекращаются. Партдвижение, реорганизованное, укрепившееся под твердым руководством, представляет из себя теперь довольно внушительную силу»²²¹.

Таким образом, пятимесячная эпопея героической борьбы НРА с белогвардейцами коренным образом изменила военно-политическое положение ДВР, создав реальные условия для полного освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев.

Вашингтонская конференция. Уроки Дайренского «сидения»

Как уже говорилось, борьба за Дальний Восток в конце 1921 — начале 1922 г. шла не только на полях сражений, но и на дипломатических фронтах — в Вашингтоне и Дайрене.

С прибытием в Вашингтон 4 декабря 1921 г. делегация ДВР опубликовала декларацию, сформулировав свои основные задачи:

- 1) добиться допуска на Вашингтонскую конференцию и принятия ею решения о выводе японских войск с территории Дальнего Востока;
- 2) развернуть кампанию среди американской общественности в пользу признания ДВР;
- 3) установить деловые связи с торгово-промышленными кругами США и других капиталистических государств²²².

Делегация была принята руководителем русского отдела госдепартамента Пулем, главой дальневосточного отдела Мак-Мюрри, заместителем Юза Дирингом, министром торговли Гувером и председателем сенатской комиссии по иностранным делам Лоджем²²³.

22 декабря делегацию принял государственный секретарь Юз. Он много и витиевато распространялся о том, будто бы США принимают меры, направленные к урегулированию положения на Дальнем Востоке мирным путем. Его лицемерие и лживость обнаружились со всей

²²¹ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, лл. 79—80.

²²² «Дальневосточный путь», 1922, 28 сентября; Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 157.

²²³ «Дальневосточный путь», 1922, 28 сентября.

определенностью в тот момент, когда делегация ДВР поставила вопрос о своем участии в заседаниях конференции. Юз ответил отрицательно, мотивируя отказ тем, что ДВР не признана США и что это зависит не только от правительства США, но и от других правительств²²⁴.

Подлинная цена «миролюбия» Юза и его сотрудников стала особенно ясна в том, как они пытались «обласкать» прибывшую в Вашингтон делегацию меркуловского «правительства» в составе Колесникова и Окулича. Не случайно министр иностранных дел меркуловского «правительства» Колесников заявил, что к «читинской власти отношение вашингтонских кругов отрицательно, на приамурское же правительство в Америке смотрят как на зачаток будущей всесибирской власти...»²²⁵.

Ко всему этому в конце декабря японская делегация стала инспирировать слухи о том, что вопрос о Сибири, возможно, вообще не будет обсуждаться, и конференция не состоится. Замысел империалистов был ясен. Они стремились замолчать, обойти вопрос о положении на русском Дальнем Востоке.

В этой обстановке делегация ДВР пошла на смелый шаг. Она опубликовала в начале января 1922 г. ряд секретных дипломатических документов, в том числе протоколы японо-французских соглашений в январе и марте 1921 г. об оказании помощи белогвардейцам на Дальнем Востоке²²⁶. 5 января делегация вручила Вашингтонской конференции специальный меморандум, в котором кратко излагалась история интервенции на Дальнем Востоке и выдвигалось требование ее незамедлительного прекращения²²⁷. 22 января делегация ДВР вручила участникам копии «17 пунктов» делегации Японии на Дайренской конференции.

Опубликование этих документов вызвало замешательство среди участников конференции, произвело большое впечатление на общественное мнение США и других стран. Газета «Нью-Йорк тайме» писала: «Публикация поставила сибирский вопрос во весь рост перед глазами всего мира»²²⁸. Новогодние номера американских

²²⁴ Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам. М., 1924, с. 28, 30.

²²⁵ Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 159—162.

²²⁶ Вашингтонская конференция..., с. 30.

²²⁷ Документы внешней политики СССР, т. V. М., 1961, с. 21—44.

²²⁸ Оснос Ю. Три международные конференции Дальневосточной республики.— «Историк-марксист», 1939, № 4.

газет вышли под крупными аншлангами: «Бомба, разорвавшаяся на конференции» и т. д. Были, разумеется, и другие комментарии. Так, Милюков в своей бульварной газетке «Последние новости» писал: «Однако бомба, брошенная делегацией, убила только самое читинскую делегацию»²²⁹. Теперь, злорадствовал Милюков, путь на конференцию ей отрезан. Однако совершенно ясно, что даже будь делегация допущена на конференцию, ее выступление там не имело бы такого эффекта, как публикация документов. Демарш делегации ДВР укрепил ее позиции, привлек внимание к сибирскому вопросу, настроил демократическую общественность США против японской интервенции на Дальнем Востоке.

Остро реагировала на публикацию документов японская пресса. Даже наиболее реакционные газеты, отрицавшие достоверность документов, вынуждены были, скрепя сердце, признать неразумность дальнейшего продолжения интервенции в Сибири. Например, газета «Осака Асахи» 11 января 1922 г. писала: «Хотя мы склонны думать, что все эти сенсационные откровения являются специально сфабрикованными легендами, но мы все-таки не в состоянии отрицать тот факт, что по настоянию нашего Правительства японские войска находятся в разных частях русского Дальнего Востока уже в течении очень продолжительного времени и что в оправдание такого образа действий со стороны Японии не имеется налицо каких-либо веских аргументов»²³⁰. В связи с публикацией документов в Японии активизировалась деятельность оппозиционной партии Кенсейкай, которая во второй половине января 1922 г. организовала по всем крупным городам Японии митинги, на которых ораторы требовали «ухода Правительства в связи с полными неудачами в иностранной политике»²³¹.

23 января Вашингтонская конференция вынуждена была приступить к обсуждению сибирского вопроса. Выступивший с сообщением японский делегат Сидехара всячески стремился оправдать японскую политику на Дальнем Востоке необходимостью «устранения опасности, существующей для безопасности Японии и для жизни и собственности японских подданных в Восточной Сибири». Сидехара лицемерно утверждал, что японское правительство якобы только и занято тем, каким обра-

²²⁹ «Дальневосточный путь», 1922, 28 сентября.

²³⁰ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 10, л. 95.

²³¹ Там же, л. 109.

зом отозвать свои войска из Приморья и что в этих же целях оно пошло на переговоры в Дайрене. Не смущаясь тем, что участники конференции имели уже копии пресловутых «17 требований» Японии, он заявил: «Эти дайренские переговоры никоим образом не имеют в виду обеспечить Японии какие-либо права или преимущества исключительного свойства». В конце концов Сидехара вынужден был от имени правительства дать обещание о выводе японских войск с Дальнего Востока без указания точных сроков²³².

Государственный секретарь США Юз в своем выступлении отметил, что США «не забывали о том, что Япония в Сибири находится под прямой опасностью со стороны большевизма и об особых проблемах, которые создали для японского правительства существующие там условия». Вместе с тем Юз, руководствуясь интересами американского капитала, стремившегося к вытеснению своего империалистического конкурента на Дальнем Востоке, к экономической и политической экспансии в этом районе, заявил, что США «твердо полагают, что публичные заверения, данные обоими правительствами в начале совместной экспедиции, тем не менее требуют полного отзыва японских войск со всей русской территории...». Юз выразил надежду, что японские войска в скором времени будут эвакуированы из Сибири и Северного Сахалина²³³.

²³² Вашингтонская конференция..., с. 112. 24 января делегация ДВР издала официальное сообщение, в котором говорилось, что заявление Сидехара — одно из многочисленных, с помощью которых японское правительство отвлекает внимание мировой общественности от своих истинных намерений. (Документы внешней политики СССР, т. V, с. 712).

²³³ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 712. Таким образом, американские империалисты, с одной стороны, поощряли японскую военщину к продолжению борьбы с революционными силами на русском Дальнем Востоке, а с другой — напоминали Японии, что США не допустят ее закрепления и монопольного утверждения на Дальнем Востоке. Такая позиция давала возможность США выступить в роли некоего арбитра на арене дальневосточной политики, проводящего на деле свою экспансионистскую политику. «Нью-Йорк тайме» писала, что на конференции «за Японией признано исключительное положение на Дальнем Востоке. Если Китай и Россия предпримут какие-либо действия против Японии, то, вероятно, Америка войдет посредником в конфликт, назревающий между государствами» (Индукеева И. С. Экспансия США в Северо-Восточном Китае (1921—1924). М., 1967, с. 127). Поэтому США не прочь были свести ДВР с Японией. Характерна в этом отношении опубликованная 12 апреля в газете торгово-промышленных кругов ДВР «Дело» статья американского корреспондента Р. Бурра «Когда будет возмож-

Конференция не приняла специального решения о положении на Дальнем Востоке, ограничившись постановлением о внесении в протокол заявлений представителей Японии и США.

На Вашингтонской конференции рассматривался еще один вопрос, затрагивавший интересы ДРВ и РСФСР, — о КВЖД. В декабре 1921 г. Наркоминдел РСФСР заявил решительный протест против обсуждения этого вопроса, касающегося исключительно Китая и России²³⁴. Тем не менее США настояли на рассмотрении вопроса о КВЖД, выдвинув проект ее «интернационализации». Под этим флагом они стремились по существу прибрать ее к своим рукам. Глава Технического Совета Межсоюзного железнодорожного комитета Стивенс еще до открытия конференции имел беседу по этому вопросу с руководителем делегации ДВР в Вашингтоне А. А. Языковым. Тот решительно высказался против проекта. 11 января 1922 г. Министерство иностранных дел ДВР направило представителю США в Чите Колдуэллу ноту, в которой протестовало против установления так называемого «международного контроля» над КВЖД и заявляло, что если США на самом деле стремятся к справедливому решению этого вопроса, то они должны содействовать «Китаю, Советской России и ДВР в осуществлении их стремлений, направленных к этой же цели»²³⁵. Твердая позиция РСФСР и ДВР, а также противоречия, возникшие между самими участниками конференции, воспрепятствовали принятию выгодного им соглашения о КВЖД.

Свое пребывание в США делегация ДВР использовала для установления контактов с деловыми кругами. Она начала переговоры с представителями ряда крупных финансово-промышленных объединений — «Национал Сити Банк», «Таранти трест» и др.²³⁶

4 марта в нью-йоркской гостинице «Астория» состоялся банкет, посвященный ДВР, на котором присутствовало 400 чел. С речами выступили председатель Межсоюзного железнодорожного комитета Смит, член делегации ДВР Б. Е. Сквирский, советник японского посольства Мур, представитель Рокфеллера Грин, представители

на девееро-американская торговля». Автор без обиняков заявлял: «ДВР должна выжить японцев со своей территории любой ценой».

²³⁴ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 568.

²³⁵ Там же, т. V, с. 49, 50.

²³⁶ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 51, с. 1.34.

фермеров Вольмун и Керзи и др. Все ораторы, за исключением Мура, требовали признания ДВР²³⁷.

Весной 1922 г. в ДВР (в Читу) прибыли представители крупных американских фирм для ведения соответствующих переговоров²³⁸.

Таким образом, делегации ДВР в США удалось, во-первых, привлечь внимание общественности к положению на русском Дальнем Востоке и обнажить противоречия между США и Японией; во-вторых, установить контакты с частью трезво мыслящих представителей американского капитала, заинтересованных в развитии экономических взаимоотношений с ДВР.

Все это оказало определенное влияние на положение дел в самой Японии, вызвало новый взрыв разногласий в ее правящих кругах по вопросам дальневосточной политики.

На рубеже 1921 и 1922 гг. в Дайрене продолжалось состязание дипломатии ДВР с японской империалистической дипломатией. После того как японская делегация 12 декабря прервала официальные заседания конференции, дипломатическая борьба в Дайрене не прекращалась²³⁹. В течение декабря 1921 г. и января — февраля 1922 г. происходил обмен вербальными и письменными нотами, неофициальные встречи и т. п. В центре переписки находились вопросы, связанные с так называемыми «17 требованиями» Японии.

• В ответ на ноты Японии 12 и 31 декабря 1921 г. и 19 января 1922 г., в которых отстаивались основные идеи японского контрпроекта 26 сентября 1921 г., делегация ДВР вручила японской стороне ноты 14 декабря 1921 г., 3 января и 10 февраля 1922 г., в которых твердо и последовательно выступила против таких грубо нарушающих суверенитет ДВР требований Японии, как «невведение коммунистического строя», признание навечно института частной собственности, свободы плаванья по Амуру и Сунгари, срытие Владивостокской крепости и др.²⁴⁰ Категорически отвергая попытки связать

²³⁷ «Амурская правда», 1922, 12 марта; Геккер О. Л. Указ, соч., с. 49.

²³⁸ «Дело», 1922, 11 мая.

²³⁹ Это следует подчеркнуть со всей определенностью, так как порой в исторической литературе создается впечатление, будто в период с 12 декабря 1921 г. до 22 марта 1922 г. всякая дипломатическая деятельность в Дайрене прекратилась (см., например, Оснос Ю. Три международные конференции ДВР. — «Историк-марксист», 1939, № 4).

²⁴⁰ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 17—18, 94—96.

так называемый «николаевский вопрос» с эвакуацией японских войск, правительство ДВР, «идя навстречу жизненным интересам японского народа», изъявило готовность «предоставить японским предпринимателям промышленные концессии на северной части острова Сахалина»²⁴¹. В ноте 14 марта 1922 г. делегация ДВР изложила ясную программу урегулирования рыболовного вопроса. Она предложила открыть заседание комиссии по рыболовному вопросу с участием представителя РСФСР, с тем чтобы разрешить рыболовный вопрос на основе «охраны обоюдных интересов»²⁴². Однако японские интервенты за спиной правительства ДВР пытались «разрешить» рыболовный вопрос на основе соглашения с меркуловским «правительством», уплатив ему 3 млн. руб. за эксплуатацию рыбных промыслов в прошлые годы.

Было совершенно ясно, что японская делегация выжидает исхода развернувшихся в Приморье военных операций. Об этом 26 февраля со всей определенностью сообщал специальный корреспондент ДальТА М. Баскин из Дайрена: «В Дайрене опять наступило затишье... создается впечатление, что японцы умышленно затягивают переговоры, стремясь оттянуть подписание соглашения»²⁴³. Правда, после перехода войск НРА в контрнаступление тон японских дипломатов стал постепенно меняться. Более того, японская пресса стала распространять слухи о том, что в Дайрене уже подписано соглашение между делегациями Японии и ДВР. В связи с этим Министерство иностранных дел ДВР 10 февраля опубликовало специальное сообщение. «Договор между делегацией ДВР и японской делегацией еще не подписан. Подписание его задерживается тем, что Япония добивается исключительных по сравнению с другими государствами прав на Дальнем Востоке...»²⁴⁴.

Однако к весне 1922 г. в международной обстановке произошли значительные изменения. Внешнеполитическое и военно-политическое положение РСФСР и ДВР значительно окрепло. В Отчете ЦК РКП (б) XI съезду партии (март 1922 г.) отмечалось: «Период между X и XI съездами (март 1921 г. — март 1922 г.) был впервые длительным периодом сравнительно устойчивого в международном и военном отношении положения

²⁴¹ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 19.

²⁴² Там же, с. 151.

²⁴³ ЦГАДВ, ф. 2419, он. 1, д. 10, л. 114 об.

²⁴⁴ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 97.

Советской республики... Последние сведения говорят за то, что в белогвардейском стане на Дальнем Востоке растет разложение, и одновременно дружественная нам Дальневосточная республика готовится восстановить свое положение»²⁴⁵. Особенно знаменательным было приглашение РСФСР на Генуэзскую конференцию. 22 февраля состоялось созванное ВЦИК РСФСР совещание представителей советских республик и ДВР, подписавшее протокол, по которому национальные республики и ДВР передали РСФСР защиту своих интересов в Генуе²⁴⁶.

Что же касается Японии, то она испытывала ряд внешнеполитических и внутривнутриполитических осложнений. Политика японского правительства в Сибири стала вновь подвергаться острой критике. Все эти обстоятельства вынудили японское правительство 22 марта 1922 г. возобновить переговоры в Дайрене. В результате к 10 апрелю между делегациями ДВР и Японии были полностью согласованы проект «Торгового и общего соглашения», а также значительная часть статей соглашения по военным вопросам²⁴⁷.

Дальбюро, в соответствии с директивой ЦК РКП (б)²⁴⁸, потребовало от делегации ДВР в Дайрене занять твердую позицию. 28 марта оно признало «необходимым твердо и решительно стоять на том, что общий договор может быть подписан нами только одновременно с соглашением об эвакуации»²⁴⁹. Исходя из этого, делегация ДВР предложила подписать одновременно торговое, общее и соглашение об эвакуации японских войск из Приморья. Японские делегаты отказались точно указать срок эвакуации, ссылаясь на технические трудности²⁵⁰.

Между тем в самой Японии развернулась острая борьба между милитаристами и оппозицией по вопросам дальневосточной политики. Военная партия всячески раздувала заявление корейского полицмейстера о том, что с эвакуацией японских войск 200 тыс. проживающих на Дальнем Востоке корейцев ринутся на родину. К тому же французское правительство вновь заявило о своей готовности поддержать Японию в борьбе против Советской России на Дальнем Востоке.

²⁴⁵ Одиннадцатый съезд РКП(б). М., 1961, с. 624—625.

²⁴⁶ Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Советского государства в 1921—1925 гг. М., 1953, с. 235.

²⁴⁷ ЦГАДВ, ф. 2419, он. 1, д. 19, л. 823.

²⁴⁸ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 135, л. 4.

²⁴⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 89.

²⁵⁰ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 19, лл. 823—824.

Все это на время укрепило позиции военной партии, она взяла верх. Мацусима получил новые инструкции. 15 апреля, открыв конференцию, он предложил совершенно новую редакцию ряда уже согласованных статей. В частности, он потребовал предоставить японским гражданам право заниматься различными промыслами на условиях, равных с русскими гражданами²⁵¹. Далее он выдвинул требование «неувеличения флота ДВР», а также разрешения в одностороннем порядке «пробытия японских представителей в городах Чите, Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске с правом «свободы путешествий» и др.²⁵² При этом японская делегация вновь отказалась назвать срок вывода своих войск. Делегация ДВР заявила резкий протест против этих действий японской стороны, предупредив, что если в течение суток не будет благоприятного ответа, она покинет Дайрен. 16 апреля японская делегация сообщила делегации ДВР, что в соответствии с директивой своего правительства она прерывает конференцию²⁵³.

24 апреля 1922 г. Правительство ДВР направило ноту Правительству Японии по поводу срыва дайренских переговоров, в которой был дан глубокий анализ хода переговоров на их последней стадии и в связи с этим констатирован тот факт, что «прекращение переговоров между Японией и Дальневосточной республикой произошло исключительно лишь потому, что японское императорское правительство не пожелало вырешить вопроса об эвакуации японских войск»²⁵⁴.

Каковы же были уроки Дайрена, что они показали? В своем интервью представителям печати 24 апреля 1922 г. руководитель делегации ДВР Ф. Н. Петров говорил: «Вы спросите, что мы извлекли из всего длительного Дайренского сидения. На первый взгляд, как будто ничего. По-прежнему японские войска занимают наши города и села... Но зато мы приобрели известный опыт. Мы знаем теперь, чего японцы в действительности хотят. Речь идет не о чем ином, как о полной оккупации нашей территории»²⁵⁵.

Дайренская конференция представляла собой попытку японских империалистов дипломатическими, «мирны-

²⁵¹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 19, лл. 823—824.

²⁵² Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 785.

²⁵³ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 19, л. 824; Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 78.

²⁵⁴ Документы внешней политики СССР, т. IV, с. 271.

²⁵⁵ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 2, д. 13, л. 4.

ми» средствами политически и экономически закабалить ДВР, но потерпела крах. Это вынуждена была признать японская печать самых различных направлений. Так, газета «Иомури» писала: «Декларация правительства по поводу прекращения дайренских переговоров является открытым признанием своего дипломатического поражения... Чита почти никаких уступок не сделала»²⁵⁶. В связи с разрывом переговоров в Дайрене Дальбюро решило развернуть широкую разъяснительную кампанию. Обсудив 24 апреля 1922 г. доклад Ф. Н. Петрова «О мероприятиях в связи с разрывом Дайренской конференции», Дальбюро постановило:

- 1) открыть широкую агитацию среди населения под лозунгом «Долой подготовляемую аннексию Южного Приморья», вовлекая в обсуждение вопросов, связанных с итогами Дайренской конференции, представителей торгово-промышленных кругов;

- 2) организовать газетную кампанию, направленную на разоблачение замыслов Японии;

- 3) опубликовать некоторые документы Дайренской конференции, имея в виду, что они «должны ущемлять японских милитаристов и не затрагивать торгово-промышленников»²⁵⁷.

25 апреля в Чите состоялась конференция профсоюзов, которая, обсудив доклад Ф. Н. Петрова, единодушно высказалась за то, что «захватническим стремлениям японских милитаристов... должен быть противопоставлен единый фронт всех трудящихся и Советской России»²⁵⁸. 27 апреля Ф. Н. Петров выступил в Торгово-промышленной палате. После обсуждения доклада была принята резолюция, заявившая о том, что «Дальний восток есть неотъемлемая часть собственности русского народа» и что все попытки «наложить цепи на нашу мирную окраину» встретят решительное противодействие²⁵⁹.

Принятие и публикация такого рода резолюций представителей торгово-промышленных кругов являлась тактическим шагом Дальбюро, целью которого было показать, что все слои населения ДВР протестуют против захватнической политики японских интервентов на Дальнем Востоке²⁶⁰.

²⁵⁶ «Дальневосточный путь», 1922, 11 мая.

²⁵⁷ ЦПА НМЛ, ф. 372, он. 1, д. 131, л. 100.

²⁵⁸ «Рабочий путь», 1922, 27 апреля.

²⁵⁹ «Дело», 1922, 29 апреля.

²⁶⁰ При этом Дальбюро в специальном циркуляре указывало: «Некоторыми членами партии директива Дальбюро о привлечении

Разрыв переговоров в Дайрене вызвал серьезную критику политики японского правительства в Сибири в американских, английских, китайских и других капиталистических газетах. «Норд Чайна Стар», например, писала 15 мая 1922 г.: «Если Япония собирается воевать с Россией, то японцы не будут иметь симпатий ни одной западной державы и, возможно, встретят чувство ожесточения против себя и в Америке»²⁶¹.

Все это еще в большей степени обострило борьбу вокруг проблем сибирской политики в самой Японии. Она оказалась в затруднительном положении и вынуждена была через некоторое время вернуться к вопросу о переговорах с ДВР.

всех слоев населения, в том числе и торгово-промышленников, к вынесению протестов против японских империалистов и меркуловщины... понимается как лозунг, призывающий все слои населения к изжитию и сглаживанию классовой розни для борьбы с японским империализмом». Дальбюро обращало внимание коммунистов на недопустимость такого истолкования его линии (ПАБурО, ф. 57, он. 1, д. 135, л. 108).

²⁶¹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 52, л. 194.

Глава IV
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИМОРЬЯ
ОТ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ
И ВОССОЕДИНЕНИЕ ДВР
С РЕСПУБЛИКОЙ СОВЕТОВ

Подготовка
к завершению разгрома белогвардейщины

Поражение белоповстанческой армии в феврале — марте 1922 г. в корне изменило военно-политическое положение ДВР, создало реальные условия для полного очищения Приморья от интервентов и белогвардейцев. Однако освобождение Дальнего Востока не могло произойти стихийно, само собой. Завершающий этап борьбы с белогвардейщиной и интервенцией потребовал от партийных и государственных органов ДВР, от всех трудящихся республики новых больших военно-политических усилий.

Первостепенное значение имело дальнейшее боевое и политическое укрепление. Народно-революционной армии. После тяжелой зимней и весенней кампаний НРА испытывала немало серьезных трудностей. Часть бойцов, влившихся в ряды НРА взамен выбывших из строя, еще не была достаточно обучена. Оставляло желать много лучшего материальное обеспечение. 30% артиллерии и 55% кавалерии имели негодный конный состав. Нуждалась в усовершенствовании организационная структура армии¹.

Дальбюро и Военный Совет НРА использовали возникшую на фронте передышку для реорганизации и укрепления вооруженных сил республики^{1 2}. В конце мая 1922 г. штаб Восточного фронта был расформирован. Из Сводной и Читинской бригад была сформирована 2-я Приамурская стрелковая дивизия. Ее командиром был назначен Я. З. Покус, до этого командовавший Восточным фронтом³. В ее состав вошли 4-й Волочаевский ордена Красного Знамени, 5-й Амурский и 6-й Хабаров-

¹ Протоколы и постановления 5-й Дальневосточной конференции РКП. 5—8 марта 1923 г. Чита, 1923, с. 34.

² Покус Я. З. Штурм Волочаевки и Спасска. М., 1938, с. 89.

³ Этот пост он занимал после отзыва С. М. Серышева из состава Военного Совета Восточного фронта согласно решению Дальбюро от 17 февраля 1922 г. (ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 48).

ский полки, а также Троицкосавский кавалерийский полк⁴. Находившаяся в Забайкалье 104-я бригада 5-й Красной Армии была преобразована в 1-ю Забайкальскую стрелковую дивизию в составе 1-го Читинского, 4-го Нерчинского и 3-го Верхнеудинского полков. Забайкальская кавалерийская дивизия была переформирована в Отдельную Дальневосточную кавалерийскую бригаду. Дислоцировались войска так: 1-я Забайкальская стрелковая дивизия, находясь в Забайкалье, прикрывала маньчжурское направление; здесь же находилась Отдельная Дальневосточная кавалерийская бригада 2-я Приамурская стрелковая дивизия стояла в Приамурье. Уссурийское направление прикрывали 6-й Хабаровский и Троицкосавский кавалерийский полки⁵.

Позднее (в сентябре 1922 г.) между правительствами ДВР и РСФСР была заключена военная конвенция в целях координации действий Красной Армии и НРА по охране границ Дальнего Востока. Согласно конвенции Красная Армия обязана была оказывать НРА всю необходимую военную и материальную помощь⁶. В соответствии с этой конвенцией 35-я стрелковая дивизия 5-й Красной Армии была выдвинута в Забайкалье для прикрытия маньчжурского направления. Это дало возможность перебросить в Приамурье Забайкальскую стрелковую дивизию и Дальневосточную отдельную кавалерийскую бригаду⁷.

В войсках НРА вновь стала налаживаться систематическая партийно-политическая и культурно-просветительная работа. В 20-х числах мая 1922 г. в Хабаровске состоялась партийная конференция Приамурского военного округа, рассмотревшая вопросы текущего момента, работы Политотдела округа, содержания политико-просветительной и внутрипартийной работы и др.⁸

Трудящиеся республики, общественные организации по-прежнему делали всевозможное для укрепления НРА. Широкое развитие получила шефская работа. Съезд забайкальских кооперативов признал, что «лучшей формой помощи явится взятие шефства над одной из боевых частей НРА»⁹. Продолжался сбор средств в пользу НРА, проводились дни раненого, больного бойца и др.

⁴ Покус Я. З. Указ, соч., с. 89.

⁵ Шишкин С. Н. Борьба за освобождение Дальнего Востока. М., 1939, с. 242, 244.

⁶ «Дальневосточный путь», 1922, 11 октября.

⁷ Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 243.

⁸ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 11, л. 228.

* «Дальневосточный путь», 1922, 19 июля.

И. П. Уборевич.

В Благовещенске в такие дни 18 и 19 апреля 1922 г. было собрано 629 руб. золотом¹⁰. Газета «Рабочий путь» 27 мая в заметке «На Новотроицких приисках» сообщала: «Правлением союза горнорабочих был организован день труда и помощь фронту. Намыто 57 золотников, 19,5 долей золота». К концу августа 1922 г. общественные организации помощи фронту собрали пожертвований деньгами и товарами в пользу НРА на сумму 298 568 руб.^{11 12}

Все это способствовало подъему морального состояния и боевого духа НРА. В торжественном ответе своим шефам, Совету министров и Читинскому городскому управлению, бойцы 1-й Отдельной Читинской стрелковой бригады писали: «Части 1-й Отдельной Читинской стрелковой бригады с честью выдержали испытания в минувшую кампанию... Бригада, потеряв 3/4 состава убитыми, ранеными и обмороженными, не утратила наступательного порыва и по первому призыву Правительства готова вновь пойти вперед...»¹¹¹.

¹⁰ «Дальневосточный путь», 1922, 6 мая.

¹¹ Там же, 12 сентября.

¹² Там же, 31 мая.

В конце июля 1922 г. по решению ЦК РКП (б) В. К. Блюхер был переведен в РСФСР и назначен командиром 1-го армейского корпуса, дислоцированного в Петрограде. Временно должность Главкома НРА исполнял К. А. Авксентьевский. Во второй половине августа ЦК РКП (б) командировал в ДВР в качестве Главкома НРА видного военного деятеля Советской страны И. П. Уборевича.

Через несколько дней после приезда в ДВР, 23 августа, И. П. Уборевич сделал на заседании Дальбюро подробный доклад «О состоянии НРА». По докладу Главкома было принято решение создать специальную комиссию по укреплению НРА для решения таких вопросов, как снабжение армии зернофуражом, ремонт казарм и т. д. Дальбюро постановило «дать директиву всем парторганам о принятии широкого участия в устройстве в сентябре „Двухнедельника достояния армии“»^{13 14}.

Меры, принятые ЦК РКП (б) и Дальбюро по дальнейшему укреплению НРА, были как нельзя более своевременными. Белогвардейцы готовились к новым авантюрам в Приморье.

В подготовке ликвидации последнего очага интервентов и белогвардейцев в Приморье исключительно важен был разгром белобандитского движения в ДВР, усилившегося с апреля — мая 1922 г. После поражения «белоповстанческой армии» японские интервенты и белогвардейские организации в Маньчжурии во главе с генералом Шильниковым видели в бандитизме одно из таких средств, которые можно было использовать для подрыва народно-революционной власти ДВР¹⁵. Кроме того, на территорию ДВР в апреле 1922 г. перебазировались некоторые крупные банды из Якутской области¹⁶. Одна из них 12 апреля 1922 г. заняла ст. Могоча. Бандиты убили работников местной власти, милиции, разграбили кассы станции и почтового отделения¹⁶. 12 мая группой из банды Ленкова, действовавшей под Читой, были убиты член Дальбюро ЦК РКП (б) П. Ф. Анохин и управляющий делами Дальневосточной контрольной комиссии Д. В. Крылов¹⁷. Несколько крупных банд опери-

¹³ ЦПА ИМ Л, ф. 372, оп. 1, д. 135, л. 43.

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 75, л. 276.

¹⁵ «Вестник ДВР», 1922, № 3, с. 48.

¹⁶ «Забайкальский крестьянин», 1922, 24 апреля.

¹⁷ «Дальневосточный путь», 1922, 14 мая.

ровало в мае — июне 1922 г. в Прибайкалье, особенно в Мухоршибирской, Харашибирской, Хонколойской, Никольской и некоторых других волостях¹⁸. Стало усиливаться бандитское движение и в Амурской области^{19 20}.

В Прибайкалье, Забайкалье и на Амуре было создано несколько новых банд, отдельные из них численностью от 100 до 400 чел.²⁰ Летом 1922 г. бандиты усиленно активизировали свои действия: убивали партийных и государственных работников, устраивали грабежи, диверсии и т. д. Был разобран железнодорожный путь между станциями Петровский Завод и Хилок. В результате экспресс, шедший из Верхнеудинска в Читу, сошел с пути²¹.

Особенностью белобандитского движения в ДВР в конце весны и летом 1922 г. было то, что оно направлялось белогвардейской заговорщической организацией. Центр этой организации находился в Чите. Его возглавлял член Нарсоба, руководитель так называемой «деловой, внепартийной группы» З. Гордеев²². Заговорщики были и в Благовещенске, они действовали по директивам генерала Шильникова из Маньчжурии²³.

Дальбюро ЦК РКП (б) 12 мая 1922 г. специально обсудило вопрос об усилении борьбы с бандитизмом.²⁴ Оно обязало соответствующие государственные органы ДВР твердо проводить в жизнь Закон от 4 апреля 1922 г., которым вновь вводилась смертная казнь для лиц, совершивших тяжчайшие преступления против народа²⁵. Вопросы, связанные с ликвидацией бандитизма, укреплением отрядов ЧОН и территориальных частей ДВР, еще не раз обсуждались Дальбюро²⁶.

¹⁸ «Дальневосточный путь», 1922, 21 июня.

¹⁹ ПААО, ф. 1, он. 1, д. 250, л. 96.

²⁰ «Дальневосточный путь», 1922, 14 июля.

²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, он. 1, д. 75, л. 276.

²² Там же.

²³ «Дальневосточный путь», 1922, 23 августа.

²⁴ ЦПА ИМЛ, д. 135, л. 3.

²⁵ «Собрание узаконений...», 1922, № 6 (30 июня), с. 352. Необходимо отметить, что в связи с принятием этого закона эсеро-меньшевистская пресса подняла антикоммунистическую кампанию. Вторая полоса эсеровской газеты «Труд» 9 апреля 1922 г. вышла под аншлагом «Долой смертную казнь». А в меньшевистской газете «Наш голос» в тот же день была опубликована статья «Смертная казнь и демократия», которая, грубо извращая суть принятого закона, заявляла, что «террор... стал привычным спутником коммунистической власти». Так меньшевики и эсеры открыто взяли под свою защиту белобандитскую контрреволюцию на Дальнем Востоке.

²⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, лл. 130, 156.

Органам ГПО удалось в июле 1922 г. раскрыть заговорщические организации в Чите (Гордеева) и в Благовещенске²⁷.

К осени 1922 г. части ЧОН ДВР, насчитывавшие тогда в своем составе свыше 12 тыс. чел.²⁸, в совместных действиях с территориальными частями при активной поддержке населения, особенно комсомольцев, разгромили банды Ленкова, Богатырева и некоторые другие²⁹.

Неотвратимо приближался конец белобандитского контрреволюционного движения в ДВР.

Важной составной частью борьбы за полное освобождение Приморья от интервентов и белогвардейцев было дальнейшее развитие партизанского движения. Дальбюро ЦК РКП (б) 29 апреля 1922 г. решило «в связи с разрывом Дайренских переговоров и приостановлением продвижения НРА в глубь Приморья» принять эффективные меры к усилению активности партизанских действий³⁰. Вопросы партизанского движения все время находились в поле зрения Приморского облбюро РКП (б) и Нарревкома. Еще 8 апреля 1922 г. состоявшееся в Ануцино совещание ответственных работников Приморской области детально обсудило нужды партизанских отрядов в деньгах, обмундировании и техническом оснащении. В соответствии с директивой Дальбюро Военный Совет НРА определил задачи партизанского движения в Южном Приморье, установил примерную численность партизанских отрядов, формы оказания им необходимой помощи³¹.

13 мая 1922 г., определяя тактику дальнейшей борьбы с белогвардейцами и интервентами в Приморье, облбюро РКП (б) наметило по военной линии следующее:

1) продолжать активную борьбу партотрядов против белых и японцев, сосредоточив ее главным образом в местах, выходящих из сферы влияния Нарревкома, и создав этим невыносимые условия для противника;

²⁷ «Дальневосточный путь», 1922, 14 июля и 23 августа.

²⁸ ЦГАСА, ф. 25853, оп. 2, д. 8, л. 50.

²⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 75, л. 276.

³⁰ Там же, д. 131, л. 108.

³¹ Блюхер В. К. Статьи и речи, с. 219—220.

2) осуществить «видимость формальной независимости» партизанских отрядов от официальной власти ДВР в лице Нарревкома и его органов;

3) поручить Парревкому и Военсовету разработать положение о взаимоотношениях между партотрядами и органами власти, исходя из вышеуказанных особенностей;

4) поддерживать строгую дисциплину в партотрядах, усилив политработу;

5) принять срочные меры к своевременной организации необходимых скрытых баз и обеспечения партотрядов всем необходимым³².

Приморью было уделено большое внимание на состоявшемся 14 июля совещании военных и политических работников Приамурья и Приморья с участием члена Дальбюро и Военного Совета ИРА М. И. Губельмана. Был утвержден план мероприятий для укрепления партизанского движения в Южном Приморье. В частности, решено было ускорить изыскание денежных средств, а также считать необходимым «присылку в Приморье 1000 человек бойцов для замены старых годов»³³.

Дальбюро ЦК РКП (б) 9 августа 1922 г., вновь обсудив военно-политическое положение в Приморье, «предложило проводить следующую тактику:

1) повысить активность партизанских отрядов;

2) ввиду усталости заменить некоторые партизанские отряды народоармейцами из регулярных частей;

3) принять меры к предотвращению провокаций белогвардейцев, рассчитанных на то, чтобы столкнуть партизан с японцами (которые в это время официально заявили о начале эвакуации своих войск из Приморья)»³⁴.

Основные направления военной деятельности партизанских отрядов на этом этапе борьбы были конкретизированы в решении облбюро РКП (б) 26 августа 1922 г.:

1) препятствовать продвижению белых в сторону Спасска и Владивостока, нападать на их эшелоны;

2) усилить политическую работу среди партизан, политотделу разработать план кампании по переходу солдат и частей противника на сторону партизан;

3) снабдить Военный Совет соответствующими средствами³⁵.

³² Борьба за власть Советов в Приморье, с. 697.

³³ ПА ПК, ф. 2576, оп. 1, д. 81, л. 5.

³⁴ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, лл. 175—176.

³⁵ ПАПК, ф. 2576, оп. 1, д. 4а, л. 37.

Партизанские части укреплялись опытными командирами и политработниками. Разностороннюю работу развернул Политотдел при Военном Совете партизанских отрядов, укрепляя партийные ячейки в партизанских частях и создавая новые.

Партийная прослойка партизан, насчитывавших в своих рядах в августе 1922 г. до 5000 чел., составляла не менее 10%. Политотдел издавал свою газету и имел в разных районах Приморья три типографии³⁶.

Очень многое дал проведенный по решению облбюро РКП (б) в сентябре 1922 г. «Двухнедельник по укреплению партизанских отрядов». В политическом отношении он продемонстрировал солидарность населения с партизанской борьбой. В материальном отношении он дал возможность собрать значительное количество продуктов, обмундирования и оружия. Наконец, «Двухнедельник» способствовал пополнению партизанских отрядов деревенской молодежью призывного возраста³⁷.

Партизанское движение в Приморье летом 1922 г. отличалось большей целенаправленностью и организованностью и постепенно превращалось в серьезную боевую силу. Оно сковывало крупные силы белогвардейцев и интервентов. Весьма успешно действовали партизанские отряды Приханкайского района под командованием Е. Лебедева, почти полностью парализовавшие движение по железной дороге на участке Гродеково — Пограничная. Комсомольские отряды А. С. Топоркова и Маркелова держали в напряжении гарнизоны белых в Никольск-Уссурийском уезде. Отряд А. Д. Борисова активно действовал на подступах к Спасску, а отряды Г. М. Шевченко и И. З. Сидорова удерживали в своих руках «партизанскую столицу» — Анучино³⁸.

По данным Б. К. Рубцова, с конца 1921 г. до осени 1922 г. партизанами было убито и ранено 1900 белогвардейцев и японцев и 200 чел. взято в плен, взорвано 22 поезда, 93 моста, захвачено 4 пулемета, 364 винтовки, 39 револьверов и другое вооружение и снаряжение³⁹.

Несколько попыток белогвардейцев организовать карательные экспедиции против партизан закончились про-

³⁶ Шурыгин А. П., Якимов А. Т. Народно-революционная армия ДВР. — «Дальний Восток», 1966, № 1, с. 166.

³⁷ Борьба за власть Советов в Приморье, с. 755—756.

³⁸ Ильюхов Н., Самусенко И. Указ, соч., с. 250.

³⁹ В огне революции. Хабаровск, 1927, с. 207.

валом. Партизанское движение стало в ■ рассматриваемый период поистине «вторым фронтом» в борьбе за полное освобождение Приморья от белогвардейцев и интервентов.

Чанчуньская конференция

Укрепляя Народно-революционную армию и ее тыл, дезорганизуя с помощью партизан тыл противника, правительство ДВР не ослабляло дипломатических усилий в борьбе против японской интервенции, на штыках которой держался агонизирующий белогвардейский режим. Этой деятельности способствовало общее состояние международных отношений, рост престижа РСФСР и укрепление ее позиций. В. И. Ленин, давая общую характеристику международного положения РСФСР во второй половине 1922 г., отмечал: «...экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно»⁴⁰.

Расстановка сил на дальневосточной арене складывалась после разрыва переговоров в Дайрене не в пользу Японии. Не случайно уже через 10—15 дней после срыва Дайренской конференции японское министерство иностранных дел начало дипломатический зондаж по поводу возможности возобновления переговоров. В японской печати стали появляться в связи с этим различные сообщения. Отвечая на них в интервью представителям ДальТА 17 мая 1922 г., министр иностранных дел ДВР Я. Д. Янсон четко заявил: «... Только тогда, когда японское правительство будет готово точно зафиксировать ближайший срок эвакуации своих оккупационных войск, можно будет серьезно говорить о возобновлении переговоров»⁴¹.

Весна и лето 1922 г. были отмечены серьезным осложнением экономического и внутривнутриполитического положения в Японии. В результате экономического кризиса 1920—1921 гг. и последовавшей за ним депрессии усилилась безработица: только в 92 рабочих конторах работу просили 350 тысяч чел.⁴² Резко усилилось стачечное движение, характеризующееся ростом сознательности японских трудящихся, все более настойчиво требовавших прекращения интервенционистской политики на русском Дальнем Востоке. Центральный комитет

⁴⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 45, с. 301.

⁴¹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 52, л. 199.

⁴² Григорьевич С. С. Указ, соч., с. 178.

японских рабочих организаций, обсудив 28 мая 1922 г. памфлет, который был направлен ему из Англии «Национальным объединением рабочих транспорта» и содержал требование эвакуации японских войск из Сибири, принял резолюцию, порицавшую «нахождение японских гарнизонов в Сибири», призывавшую незамедлительно вывести их и установить «торговые отношения с Россией»⁴³. Летом 1922 г. активизировала свою деятельность лига «Руки прочь от России»; она провела ряд массовых митингов, на которых ораторы резко критиковали дальневосточную политику правительства⁴⁴.

Этот год отмечен также дальнейшим обострением японо-американских противоречий. Трезво мыслящая часть капиталистов США стала все настойчивее требовать урегулирования отношений с Советской Россией⁴⁵. В результате кампании, развернутой рядом видных сенаторов и представителей деловых кругов, царский посол Бахметьев вынужден был сложить свои «полномочия»⁴⁶. По поручению Государственного департамента американский посол в Токио передал 21 мая 1922 г. японскому правительству ноту, в которой указывалось, что «изменившаяся обстановка в Сибири в сторону восстановления там прочного порядка побуждает правительство США обратиться к японскому правительству с запросом относительно дальнейшего пребывания японских войск на территории ДВР». Нота содержала требование «возможного определения срока эвакуации японских войск»⁴⁷. Совершенно ясно, что эта акция американской дипломатии была субъективно далеко не бескорыстной⁴⁸. Американские империалисты вынашивали далеко идущие планы экономической экспансии на Дальнем Востоке. Например, так называемая «Кампания развития Сибири» в начале июня 1922 г. предложила

⁴³ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 33, л. 11.

⁴⁴ Там же, д. 35, л. 3.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 578—579.

⁴⁶ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 51, л. 135.

⁴⁷ Борисов С. Борьба за советский Дальний Восток. М., 1940, с. 63.

⁴⁸ Б. Унтерберген пытается ее изобразить как проявление «заботы» США об интересах ДВР (Unterberger B. America, Siberian Expedition. 1918—1920. Durham, p. 201—202). О подлинном же отношении США к ДВР свидетельствует письмо Юза послу США в Японии от 6 июля 1922 г. о том, что «Государственный департамент не принимает слишком серьезно какую-либо критику сибирской политики США читинскими властями» и что «всякая попытка читинских властей разжигать антагонизм между США и другими правительствами будет безуспешной» (Григорцевич С. С. Указ, соч., с. 163).

правительству ДВР передать в ее пользование сроком на 99 лет всю территорию, лежащую между 50 и 60° с. ш. и 130 и 140° в. д.⁴⁹. Японская оккупация Дальнего Востока препятствовала этим планам. Но объективно, как выражение американо-японских противоречий, действия американских империалистов оказали определенное влияние на позицию правящих кругов Японии.

В середине июня 1922 г. в Японии произошла смена кабинета. Премьером вместо Такахаси стал Като, который в одной из своих первых деклараций вынужден был заявить, что «новое правительство готово пойти на уступки относительно некоторых сибирских вопросов»⁵⁰.

24 июня 1922 г. в Токио было опубликовано официальное правительственное сообщение о том, что Япония решила к концу октября вывести свои войска из Приморья⁵¹. Еще за несколько дней до этого директор департамента по европейским и американским делам японского МИДа Мацудайра в беседах с представителем ДальТА В. Г. Антоновым заявлял о готовности правительства Японии возобновить переговоры с ДВР, если с ее стороны поступит соответствующее предложение. Правительство ДВР в ноте 30 июня 1922 г. выразило готовность «немедленно вступить в переговоры с Императорским правительством Японии»⁵². После соответствующей нотной переписки в конце августа было решено избрать местом проведения конференции маньчжурский город Чанчунь. Япония дала согласие на участие в конференции представителя РСФСР⁵³.

Чанчуньская конференция открылась 4 сентября 1922 г. От Японии были Мацудайра и Мацусима, от РСФСР и ДВР — А. А. Иоффе, с июня чрезвычайный и полномочный представитель РСФСР в Китае, и Я-Д-Янсон⁵⁴. На заседании 6 сентября руководитель японской делегации Мацудайра огласил декларацию японского правительства⁵⁵ о том, что оно намерено вести переговоры только с ДВР, без участия РСФСР. В этой же декларации формулировались цели переговоров: получение гарантий безопасности личности и имущества японских граждан; отмена прежних ограничений в об-

⁴⁹ Каплин С. Большевики на Дальнем Востоке. М., 1960, с. 74.

⁵⁰ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 34, л. 5.

⁵¹ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 753.

⁵² Там же, с. 473, 749.

⁵³ Там же, с. 569.

⁵⁴ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 12, л. 103.

⁵⁵ Там же, д. 44, л. 15.

ласти промышленности на Дальнем Востоке для японских граждан и др. Наконец, в декларации указывалось, что, поскольку на Дайренской конференции было достигнуто соглашение почти по всем вопросам и что разрыв произошел вследствие неуказания срока эвакуации, то теперь, когда эвакуация началась, японская делегация предлагает подписать Дайренский проект, обменявшись мнениями по нерешенным вопросам⁵⁶. В ответной речи А. И. Иоффе заявил, что «японская декларация настолько не соответствует желанию раздвинуть рамки переговоров в целях установления взаимных прав и добрососедских отношений, которых желают Россия и ДВР, что российская делегация должна испросить инструкций у своих Правительств для ведения дальнейших переговоров»⁵⁷.

9 сентября Наркоминдел РСФСР дал А. А. Иоффе директиву: «Позиция должна быть твердой, никаких уступок сверх установленных прежними инструкциями. Россия принимает участие вообще, а не для скрепления подписи Дальневосточной республики и разрешения рыболовных вопросов... Хотя разрыв непосредственно нам не опасен и мы можем ждать договора не один месяц, все-таки надо использовать все, чтобы не доводить до разрыва»⁵⁸.

В тот же день Дальбюро ЦК РКП (б), рассмотрев вопрос о ходе переговоров в Чанчуне, решило: не допускать сепаратного соглашения с Японией, соглашение должно быть подписано от имени РСФСР и ДВР совместно; Дайренский проект не может быть основой переговоров, он может использоваться лишь как материал; постановка вопроса делегацией и методы ведения переговоров должны быть решительными, твердыми, без боязни разрыва⁵⁹.

В соответствии с этими директивами на заседании конференции 10 сентября А. А. Иоффе, давая отрицательный ответ на японскую декларацию, заявил:

во-первых, для делегации РСФСР и ДВР неприемлемо желание японской делегации ограничить круг вопросов, подлежащих рассмотрению конференции, лишь вопросами, касающимися ДВР, ибо это означало бы «разрешение лишь таких вопросов, в которых заинтересована только одна Япония»;

⁵⁶ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 578.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, с. 572—573.

⁵⁹ ЦПА НМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 131, л. 199.

во-вторых, экономическая и политическая близость РСФСР и ДВР настолько тесна, что исключает самостоятельное и независимое рассмотрение вопросов с каждой из них поочередно;

в-третьих, считая желательным предварительную выработку соглашения по принципиальным вопросам, делегация РСФСР и ДВР. полагает, что такое общее соглашение не может быть простым повторением так называемого Дайренского проекта, а должно быть расширено⁶⁰.

Острая дипломатическая схватка между делегациями ДВР и РСФСР и Японии произошла на заседании 14 сентября. Мацудайра пытался шантажировать представителей РСФСР и ДВР, выступив с «угрозами и маханием кулаком»⁶¹. Но он получил решительный отпор со стороны А. А. Иоффе, который с достоинством заявил: «Русский народ не боится угроз, надеется на свои силы. Ему известно, что японская интервенция вызывает мало сочувствия как в своем народе, так и в Америке и Европе»⁶². В заключение А. А. Иоффе заявил, что к своему заявлению он не может ничего прибавить и покидает конференцию. Тогда Мацудайра, решив предупредить дипломатический скандал, внес компромиссные предложения: переговоры ведутся и договор подписывается РСФСР и ДВР, с одной стороны, и Японией — с другой, но только по вопросам Дальнего Востока; Дайренский проект признается необязательным и допускается право внесения в него соответствующих поправок и изменений⁶³.

Тон значительной части японской печати после заседания 14 сентября изменился. Газета «Ходи», например, писала: «Настаивание на Дайренском проекте нецелесообразно. Иоффе приехал на Дальвосток не для подписания старых бумажек», а газета «Иородзу» предлагала: «В Чанчунь должен выехать Учида (министр иностранных дел Японии.— Б. Ш.), ибо Чанчунь поважнее Вашингтона»⁶⁴. Милитаристские круги Японии, понятно, таким поворотом событий были недовольны. Их орган — газета «Кокумин» сообщала: «Военные круги возмуще-

⁶⁰ **Документы** внешней политики СССР, т. V, с. 585.

⁶¹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 44, л. 2 об.

⁶² Там же, л. 26.

⁶³ Там же, лл. 26—27.

⁶⁴ Там же, л. 28.

ны согласием Японии заключить торговое соглашение с Советской Россией»^{65 66}.

На заседаниях 15, 18 и 19 сентября вновь развернулись острые дебаты. Согласившись с тем, что договор должен быть подписан ДВР и РСФСР, японская делегация по-прежнему настаивала, чтобы он был ограничен кругом проблем, связанных с ДВР. Вскрывая подоплеку этой уловки, А. А. Иоффе 16 сентября телеграфировал в НКВД: «Я указал, что здесь, например, нельзя говорить только о ДВР, ибо мы не можем допустить, чтобы Япония брала на себя обязательства не поддерживать и т. д. организации и лиц, имеющих своей целью борьбу против ДВР, так как при такой формулировке вышло бы, что Меркулова и иже с ним можно спокойно поддерживать, если они заявят, что имеют в виду не ДВР, а РСФСР»⁶⁰.

Касательно договора японская делегация заявила, что «в согласованных уже в Дайрене статьях договора допускается только редакционные изменения, но не по существу»⁶⁷. А. А. Иоффе возразил, заявив, что «российская делегация готова принять Дайренский проект лишь как канву для переговоров и не будет считать его для себя обязательным»⁶⁸, поскольку со времени Дайренской конференции произошли значительные изменения в международной обстановке.

В ходе дебатов 19 сентября выяснилось еще одно важное обстоятельство — намерение японского правительства продолжать оккупацию Северного Сахалина на неопределенный срок, ставя его в зависимость от разрешения вопроса о «николаевских событиях»⁶⁹. Категорически возражая, 23 сентября А. А. Иоффе заявил, что срок эвакуации японских войск из северной части Сахалина должен быть определенно зафиксирован в договоре⁷⁰.

Запросив новые инструкции своего правительства, японская делегация продолжала настаивать на том, что существует связь между оккупацией Северного Сахалина и «николаевскими событиями»⁷¹. Тогда А. А. Иоффе предложил обсудить этот вопрос по существу. Мацудай-

⁶⁵ ЦГАДВ, л. 28.

⁶⁶ Документы внешней политики СССР, т. V, с. 584.

⁶⁷ Там же, с. 591.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, с. 592.

⁷⁰ Там же, с. 601.

⁷¹ Там же.

ра ответил, что «николаевские события» могут обсуждаться только с правительством России, признанным Японией⁷². В связи с таким поворотом событий переговоры были прерваны.

Разрыв переговоров в Чанчуне вызвал взрыв возмущения среди демократической общественности Японии. Против милитаристов стали выступать даже те представители деловых кругов, которые до этого их поддерживали⁷³. Мацудайра по возвращении в Токио 3 октября вынужден был даже заявить: «Главная причина разрыва — отказ Японии рассматривать, отдельно николаевский и сахалинский вопросы и нежелание назначить дату эвакуации Сахалина. Провал конференции не может послужить основанием разрыва существующих между Японией и Россией отношений... В будущем переговоры возобновятся»⁷⁴.

Дальбюро ЦК РКП (б) и местные партийные организации должны были разъяснить трудящимся причины провала Чанчуньской конференции. 17 сентября в зале Народного собрания в Чите состоялся массовый митинг с повесткой дня: «Чанчуньская конференция и задачи трудящихся». С докладом выступил заместитель председателя правительства Д. С. Шилов. Митинг принял резолюцию, призывавшую оказывать всемерную поддержку правительству ДВР, прежде всего в укреплении Народно-революционной армии⁷⁵. 11 октября аналогичный митинг, состоялся в рабочем клубе ст. Чита-1.

Трудящиеся республики одобрили твердую линию делегации РСФСР и ДВР в Чанчуне и, спланировав вокруг правительства, готовились к нанесению последнего сокрушительного удара белогвардейщине в Приморье.

Ликвидация «буфера» и восстановление власти Советов на Дальнем Востоке

Империалисты Японии, объявив официально срок вывода своих войск из Приморья⁷⁶ и дав согласие на участие в Чанчуньской конференции, готовили очередную

⁷² «Дальневосточный путь», 1922, 30 сентября.

⁷³ Там же, 4 октября.

⁷⁴ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 19, л. 314.

⁷⁵ «Дальневосточный путь», 1922, 19 сентября.

⁷⁶ 15 августа 1922 г. была опубликована Декларация командующего японскими экспедиционными войсками генерала Тачибана о начале с 25 августа поэтапной эвакуации японских войск из Приморья (**Борьба за власть Советов в Приморье**, с. 736—737).

авантюру против ДВР. Летом 1922 г. интервенты произвели смену декораций белогвардейского режима во Владивостоке, отодвинув Меркуловых на второй план. В конце июля состоялся так называемый Земский собор, который избрал белогвардейским «правителем» колчаковского генерала Дитерихса. Новоявленный правитель Приморья, «земский воевода», Дитерихс при активной помощи японской военщины реорганизовал и пополнил (с помощью чрезвычайных мобилизаций) белоповстанческую армию, переименовав ее в «Земскую рать».

Политические замыслы Дитерихса сводились «всего лишь» к тому, чтобы заменить провалившуюся японскую интервенцию созданием в Приморье и Маньчжурии... «буфер» под протекторатом Японии. Японская газета «Кокумин» сообщила в сентябре 1922 г., что «назначенный Квантунским генерал-губернатором Идзума справился у начальника генерального штаба Узкара, верно ли сообщение газет относительно передачи Дитерихсу оружия и о планах создания русско-маньчжурского буфера. Узкара подтвердил правильность сообщения и добавил, что создание буфера — необходимая гарантия для будущего развития Японии. Без буфера нельзя осуществить японские планы в Сибири и в Маньчжурии»⁷⁷.

Что же касается военных планов Дитерихса, то активный участник описываемых событий Я. З. Покус охарактеризовал их так: «Прикрывшись группой Молчанова на отлично оборудованном японскими войсками Спасском укрепленном районе, запирающем выходы из гор Сихотэ-Алиня в равнинную часть Уссурийского края, выделив группу генералов Пепеляева на север для занятия Камчатки и побережья Охотского моря и наступления оттуда на Якутск, все бросить на уничтожение партизан и за овладение периферией края и побережья океана. Закрепиться к зиме в Приморье и на Камчатке и к наступлению холодов перейти в общее наступление на Хабаровск и из Охотска и Аяна на Якутск»⁷⁸.

«Земская рать» в конце августа 1922 г. насчитывала 6325 штыков, 1622 сабли, 17 пулеметов и 24 орудия⁷⁹.

Закрепившись с помощью и под прикрытием японцев в треугольнике Спасск — Пограничная — Никольск-Уссурийский, Дитерихс приказал группе генерала Молчанова, находившейся в авангарде «Земской рати», 1 сен-

⁷⁷ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 1, д. 19, л. 55.

⁷⁸ Фетисов А. П. Ледовый поход. Хабаровск, 1965, с. 15.

⁷⁹ Покус Я. Штурм Волочаевки и Спасска, М., 1938, с. 91.

тября 1922 г. перейти в наступления на север⁸⁰. За два дня до этого (30 августа) на двух пароходах «Батарея» и «Томск» в Аян была отправлена так называемая «Сибирская добровольческая дружина» численностью 750 чел. во главе с генералом Пепеляевым. Кроме того, две группы войск под командованием генералов Смолина и Бородина Дитерихс бросил против партизанских отрядов Приханкайского, Анучинского, Партизанского и Никольск-Уссурийского районов⁸¹.

Воспользовавшись перевесом своих сил, белые сначала потеснили части НРА, хотя те и героически сопротивлялись⁸². 6 сентября белые захватили Успенку и Шмаковку⁸³. Однако перешедшие в контрнаступление 6-й Хабаровский и Троицкосавский полки 14 сентября вновь заняли эти станции.

Белогвардейцы перешли к обороне. Основным пунктом их сопротивления стал Спасский укрепленный район, созданный японцами замкнутый круговой оборонительный комплекс. На семи сопках, окружающих Спасск, были сооружены хорошо оборудованные форты, соединенные между собой окопами и окутанные проволочными заграждениями.

Выступление генерала Дитерихса вновь осложнило военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. 5 сентября 1922 г. Дальбюро заслушало подробную информацию главнокомандующего НРА И. П. Уборевича о положении на фронте. Одним из основных тезисов доклада выдвигалась необходимость «укрепить всемерно НРА — опору власти рабочих и крестьян, чтобы она была в состоянии нанести сокрушительный удар белым бандам и очистить все Приморье от них, заняв Владивосток»⁸⁴. По докладу И. П. Уборевича Дальбюро ЦК РКП (б) решило:

- 1) провести повсеместно в республике партийные, профсоюзные собрания и собрания рабочих и крестьян, на которых разъяснить создавшееся в результате авантюры Дитерихса положение;

- 2) «Двухнедельник достояния НРА» превратить в боевую задачу;

⁸⁰ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 2, д. 10, л. 14.

⁸¹ Шишкин С. Н. Указ, соч., с. 246.

⁸² ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 2, д. 10, л. 45.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 135, л. 78.

3) предложить Совету Министров и всем государственным организациям оказать всемерную помощь армии⁸⁵. -1

Партийные, государственные и общественные организации ДВР вновь стали перестраивать свою работу применительно к задачам максимальной помощи фронту. Трудящиеся массы республики, отказывая себе подчас в самом необходимом, активно участвовали в «Двухнедельнике достояния НРА». Так, двухдневный кружечный сбор по г. Чите составил 1500 руб. серебром. Из Нерчинско-Заводского уезда Забайкальской области поступило от местных профсоюзных организаций и коммунистической городской ячейки 311 руб. золотом. В целом по республике «Двухнедельник» дал, по неполным данным, 108 349 руб. золотом⁸⁶.

Главнокомандование НРА энергично перебрасывало 1-ю Забайкальскую стрелковую дивизию и Дальневосточную отдельную кавалерийскую бригаду в Приморье. В войсках НРА было усилено политическое обеспечение грядущих боев; особенно большое внимание уделила партийно-политической работе 1-я партийная конференция 1-й Забайкальской стрелковой дивизии, проходившая 7—8 сентября.

К концу сентября войска Народно-революционной армии были подготовлены к переходу в наступление против белогвардейцев. Ударная группа НРА (ее возглавлял Я. З. Покус), выделив обходящую колонну под командованием С. С. Вострецова при комиссаре В. П. Малышеве, в ночь с 4 на 5 октября перешла в наступление. Поволжская группа генерала Молчанова была отброшена к Спасску. 8 октября части НРА двумя колоннами — левой и правой — начали штурм Спасского укрепленного района.левой колонне под командованием С. С. Вострецова удалось захватить важный опорный пункт белых — форт № 3. Утром 9 октября начался решающий штурм Спасска и к середине дня противник был выбит из Спасского укрепленного района⁸⁷.

Главком НРА И. П. Уборевич сообщал члену Военного Совета И. Погдину: «Белые понесли сильное поражение. Лучшие части белых — бывший корпус Молчанова — в боях с 5 до 9 октября окончательно разбит натиском НРА и сдал неприступные Спасские позиции. Крас-

⁸⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 135, л. 78.

и отчет о работе Народного собрания ДВР второго созыва. Чита, 1923, с. 9.

⁸⁷ Покус Я. Указ, соч., с. 97.

ные Партизаны в боях в конце сентября разбили белых, наступавших на Анучино. Сейчас, перейдя в наступление, заняли Ивановку и продвинулись к Никольск-Уссурийску. Весь тыл белых объят восстанием... Стремительное наступление наших войск продолжается»⁸⁸.

Взятие НРА Спасска открыло путь к полному освобождению Южного Приморья. Попытка белых перейти 13 октября в контрнаступление в районе с. Монастырище окончилась крахом. Группа генерала Смолина численностью до 2400 чел. атаковала курсантов дивизионной школы младших командиров из 240 чел., укомплектованной в основном из амурских комсомольцев. Командовал отрядом начальник школы М. Клопов. Бой длился около пяти часов. После четырех атак белогвардейцы отступили, оставив на поле боя 620 убитых. В отряде курсантов осталось 67 чел., все были ранены. Советское правительство наградило 67 героев небывалого боя орденами Красного Знамени⁸⁹. Разгром белогвардейцев под Монастырищем окончательно решил судьбу приморской операции в пользу НРА.

Наступление НРА было поддержано партизанами, которые действовали четырьмя группами (1440 штыков и 135 сабель) в трех направлениях — на Монастырище, Никольск-Уссурийский и Шкотово. Газета «Дальневосточный путь» 10 октября писала: «Наступающая Народно-революционная армия бьет врага прямо в лоб, не дремлет и верный союзник ее — приморский партизан, бьющий «рать воеводы» в затылок».

Белые стремительно побежали. Значительная часть их морем, а другая — пешим ходом — направились в Корею. 15 октября был освобожден Никольск-Уссурийский. 19 октября части НРА вплотную подошли к Владивостоку, заняв ст. Океанская (9 км от города).

На пути дальнейшего продвижения НРА вновь встали японские войска. 19 октября И. П. Уборевич предложил японскому командованию и представителям консульского корпуса путем переговоров выяснить вопросы, касающиеся мирного занятия частями НРА Владивостока⁹⁰. Это было тем более необходимо, что в городе царил хаос, начались грабежи, насилия над населением со стороны белогвардейцев и японских интервентов. Консул США занял излюбленную американскими диплома-

⁸⁸ «Дальневосточный путь», 1922, 12 октября.

⁸⁹ Покус Я. Указ, соч., с. 100.

⁹⁰ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 2, д. 10, л. 158.

тами позицию так называемого «нейтралитета», заявив о своем невмешательстве⁹¹. Японское командование, угрожая военными действиями и отсрочкой эвакуации, потребовало отхода войск НРА и категорически отказалось заключить какое-либо соглашение об организованной передаче города. Во избежание военного столкновения с японскими войсками И. П. Уборевич 20 октября издал приказ об отходе частей НРА от ст. Океанской к ст. Угольная.

21 октября Правительства РСФСР и ДВР направили ноту Правительству Японии, в которой заявляли решительный протест против «затягивания эвакуации и недопущения русских войск во Владивосток»^{91,2}. Одновременно к городу были стянуты партизанские отряды. По призыву городской подпольной организации во Владивостоке началась всеобщая забастовка. Японское командование оказалось вынужденным 24 октября на разъезде Седанка подписать соглашение с представителями командования НРА об освобождении от японских войск Владивостока не позднее 16 часов 25 октября 1922 г.⁹³

К 16 часам 25 октября дивизионная школа и батарея 4-го Волочаевского полка, а за ними в 18 часов 1-я Забайкальская стрелковая дивизия вступили во Владивосток. 26 октября В. И. Ленин телеграфировал председателю Совета Министров ДВР: «К пятилетию победоносной Октябрьской революции Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. Занятие народно-революционной армией ДВР Владивостока объединяет с трудящимися массами России русских граждан, перенесших тяжкое иго японского империализма. Приветствуя с этой новой победой всех трудящихся России и героическую Красную Армию, прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР»⁹⁴.

Освобождение Приморья было самым крупным военно-политическим достижением Дальневосточной республики и вместе с тем явилось началом естественного конца «буферного» государства и «буферной» политики на Дальнем Востоке.

⁹¹ ЦГАДВ, ф. 2419, оп. 2, д. 10, л. 158.

⁹² Документы внешней политики СССР, т. V, с. 624.

⁹³ Покус Я. Указ, соч., с. 102.

⁹⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 45, с. 236.

С освобождением Приморья в Дальневосточном крае в основном была ликвидирована иностранная интервенция⁹⁵ и белогвардейщина⁹⁶. В связи с этим создались реальные условия для восстановления в крае власти Советов.

Курс на подготовку к советизации Дальнего Востока был взят Дальбюро ЦК РКП (б) и правительством республики еще летом 1922 г. В принятых 23 августа «Тезисах внутренней политики» отмечалось: «В связи с изменением международной обстановки (интервенция и белогвардейщина начинают изживать себя) — надо в области внутренней политики держать курс на планомерное приближение к политическим и хозяйственно-экономическим формам РСФСР... Приближение государственного строя ДВР к строю РСФСР должно неизбежно повести к советизации буфера».

Подготовка к советизации Дальнего Востока должна была проводиться по следующим основным направлениям: 1) в области законодательства — сужение и постепенное аннулирование политических прав буржуазии и родственных ей классовых группировок, замена всеобщего избирательного права советской избирательной системой, ограничение института частной собственности, постепенная организация государственного управления сверху донизу по системе Советов, построение хозяйственной политики по образцу советской; 2) в области договорных отношений — заключение военно-политического, таможенного и паспортного договоров ДВР с РСФСР.

В «Тезисах» подчеркивалось, что «процесс изживания «демократизма» ДВР должен проводиться достаточно планомерно, осторожно и умело, приняв в расчет как внешнюю опасность, так и контрреволюцию внутри»⁹⁷.

Относительно формы вхождения Дальневосточного края в состав РСФСР сначала не было достаточной ясности. В частности, на первых порах даже возник план объявления ее «Социалистической Дальневосточной Рес-

⁹⁵ Японские интервенты продолжали оккупировать Северный Сахалин до весны 1925 г.

⁹⁶ В Охотско-Камчатском крае банды белогвардейцев (бочкаревы и пепеляевцы) были окончательно ликвидированы экспедиционными отрядами 5-й Красной Армии под командованием М. П. Вольского и С. С. Вострцова и местными партизанами весной и летом 1923 г.

⁹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 372, он. 1, д. 135, л. 74.

публикой», которая должна была войти в состав РСФСР на правах автономии⁹⁸.

Постепенная подготовка к советизации Дальнего Востока стала конкретным делом. ЦК РКП (б) в ответственный момент предстоящего перехода от «буфера» к Советам направил в сентябре 1922 г. в помощь партийным организациям Дальнего Востока видных партийных работников — П. А. Кубяка и П. А. Кобозева: первый стал секретарем Дальбюро ЦК РКП (б), второй — председателем Совета Министров ДВР. Была создана специальная комиссия для разработки практических мер по осуществлению намеченного курса. 2 октября 1922 г. Дальбюро признало необходимым выработать «Положение о выборах Советов и их правах». 12 и 19 октября 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б), рассмотрев вопрос о положении на Дальнем Востоке, признало целесообразным упразднение «буфера», дало директиву Дальбюро развернуть подготовку к слиянию ДВР с РСФСР и определило тактику безболезненного разрешения этой задачи.

После занятия Владивостока возникла качественно новая обстановка, позволявшая привести формы государственной власти на Дальнем Востоке в полное соответствие с ее пролетарским содержанием. ДВР выполнила свое историческое назначение. Дальнейшее продолжение существования «буфера» было нецелесообразно. С позиций дипломатических к этому времени РСФСР уже вышла из состояния международной изоляции, вырос и укрепился ее международный престиж. РСФСР могла теперь в полной мере сама (без посредника — «буфера») прямо и непосредственно защищать на арене международных отношений суверенитет Дальнего Востока от посягательств империалистов. С точки зрения внутривластной дальнейшее существование буфера не имело оправдания и могло вызвать лишь недовольство рабочего класса и основных масс крестьянства, всегда стремившихся к установлению в Дальневосточном крае Советской власти. Экономическая необходимость слияния ДВР с РСФСР диктовалась объективными задачами восстановления разрушенных в период гражданской войны производительных сил Дальнего Востока, которое могло быть выполнено лишь при активной и всесторонней помощи всей Советской страны. На-

⁹⁸ Установка на «автономизацию» была ошибочной и вскоре была отвергнута (Щагин Э. М. От буфера к Советам. — «Вопросы истории советского Дальнего Востока», Владивосток, 1965, вып. 3, с. 33).

конец, задачи безопасности Дальнего Востока требовали создания «долговременной» прочной обороны Дальнего Востока, что под силу было лишь Советскому государству.

Дальбюро в соответствии с директивами ЦК РКП (б) наметило план советизации Дальневосточного края, который в основных чертах сводился к следующему:

- 1) созвать сессию Народного Собрания республики для принятия декларации о воссоединении с РСФСР и передачи власти Временному революционному комитету Дальнего Востока;

- 2) 7 ноября устроить торжественные заседания революционных организаций и манифестации трудящихся, которые, объявляя переход к власти Советов, вынесут решение о создании областных (губернских) ревкомов;

- 3) принять решительные меры к подавлению контрреволюционной деятельности партий меньшевиков и эсеров;

- 4) ликвидировать бандитское движение на территории ДВР;

- 5) созвать республиканский партийный актив, которому «сообщить о директивах ЦК»⁹⁹.

Этот план 30 октября был сообщен ЦК РКП (б). Секретарь ЦК РКП (б) И. В. Сталин в ответ телеграфировал: «План проведения советизации, слияния с РСФСР принимается. Однако, чтобы Нарсоб, объявляя советизацию, поручил нынешнему правительству сдать отчет и дела нынешнего правительства перед своим исчезновением со сцены»¹⁰⁰.

В конце октября — начале ноября по всей территории ДВР прошли массовые собрания рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, на которых трудящиеся настойчиво требовали немедленного восстановления Советской власти и воссоединения ДВР с РСФСР. Так, на общем собрании рабочих Черновских копей 29 октября 1922 г. было принято решение: «Убедившись на горьком двухлетнем опыте в пользу существования «демократических» свобод на Дальнем Востоке только для нашего заклятого врага — буржуазии и ее прихвостней (с.-р. и меньшевики), которые непрерывно организовывали вооруженные нападения, восстания, белогвардейский бандитизм и мешали революционной власти рабочих и крестьян строить новую жизнь,— мы, рабочие

⁹⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, оп. 1, д. 135, л. 128.

¹⁰⁰ Там же, д. 138, л. 35.

Черновских копей, требуем от правительства ДВР, чтобы оно немедленно призвало трудовые массы Дальнего Востока к созданию органов рабоче-крестьянской власти — Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и передало власть Советам»¹⁰¹. Рабочие судостроительного завода во Владивостоке 26 октября 1922 г. вынесли резолюцию: «Приветствуя доблестную НРА, победно вступившую в последний клочок великой русской земли, находившейся под двойным гнетом интервентов и палачей прогнившей реакции..., рабочие с нескрываемой радостью и удовлетворением отмечают факт окончательного присоединения и закрепления Приморья под единым знаменем власти рабочих и крестьян. Да здравствует Красная Армия и НРА! Да здравствует Советская власть!»¹⁰².

Заодно с рабочими выступило и крестьянство Забайкалья и Дальнего Востока. Крестьяне селения Хадабулак постановили на своем собрании: «Мы, крестьяне селения Хадабулак Чиндант-Борзинской волости в числе 32 человек, заслушав доклад тов. Жукова об истории Советской власти и ДВР, констатируем... К моменту пятилетнего существования Советской власти в России, территория ДВР, занимаемая японской интервенцией, очистилась. Мы, крестьяне, как непосредственные преемники начатого ими дела, заявляем, что время осуществления нашей мечты настало, и посему мы от правительства и собравшегося Нарсоба ДВР требуем категорического отказа от власти и передачи таковой Совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Да здравствует РСФСР! Да здравствует Красный Совет Дальнего Востока»¹⁰³.

Образование органов Советской власти на русском Дальнем Востоке началось на местах раньше, чем в центре ДВР.

27 октября был создан Приморский губернский военно-революционный комитет; 7—9 ноября в Прибайкальской, Амурской и Забайкальской областях власть самораспустившихся областных управлений приняли губернские ревкомы¹⁰⁴.

¹⁰¹ Дальревком. Сборник документов. Хабаровск, 1957, с. 25—26.

¹⁰² Там же, с. 24—25.

¹⁰³ Отчет о работе Народного собрания второго созыва. Чита, 1923, с. 55.

¹⁰⁴ Дальревком, с. 37—38. Прибайкальская и Амурская области были преобразованы в губернии. В Приамурье губернский ревком был создан 16 ноября 1922 г. («Путь», 1922, 19 ноября).

13 ноября открылись заседания Народного собрания ДВР второго созыва. С докладами об основных направлениях деятельности правительства и Совета министров выступили председатель правительства Н. М. Матвеев и председатель Совета министров П. А. Кобозев. В докладах, естественно, был подытожен опыт существования на Дальнем Востоке «буферного» государства. Выступившие в прениях депутаты П. П. Постышев, Модеко и другие одобрили многогранную работу правительства и Совета министров республики ¹⁰⁵.

На следующий день к зданию, где заседало Народное собрание, подошли демонстранты: рабочие читинских предприятий, крестьяне и воины НРА. Представители демонстрантов потребовали принятия Народным собранием решения о воссоединении с Советской Россией.

Заслушав голос трудящихся, Народное собрание перешло к обсуждению вопроса о дальнейшем существовании «буфера». Н. М. Матвеев огласил заявление правительства о сложении им власти и передаче ее Народному собранию. Коммунистическая фракция внесла проект постановления по вопросу о «буфере»: 1) Народное собрание объявить распущенным; 2) на всем русском Дальнем Востоке объявить власть Советов; 3) Конституцию ДВР и ее законы объявить отмененными; 4) просить ВЦИК и съезд Советов присоединить Дальний Восток к РСФСР, распространив на Дальний Восток действие Советской Конституции и советских законов; 5) создать Дальневосточный революционный комитет, которому передать всю полноту власти и поручить провести в жизнь объединение Дальнего Востока с Советской Россией и установление повсеместно в крае власти Советов ¹⁰⁶. Проект коммунистической фракции Народного собрания был принят единогласно.

15 ноября 1922 г. ВЦИК РСФСР принял декрет, по которому вся территория Дальневосточной республики вошла как составная часть в РСФСР ¹⁰⁷. НРА была переименована в 5-ю Краснознаменную Армию.

Исполнилась заветная мечта трудящихся Дальнего Востока. Они влились в единую братскую семью народов Советской страны и под руководством Коммунистической партии пошли по пути великих социалистических преобразований. * ¹⁰³

¹⁰⁵ Отчет о работе Народного собрания..., с. 11, 17—18.

¹⁰³ Три года советского строительства на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1926, с. 17.

¹⁰⁷ «Собрание узаконений...», 1923, № 1—43, от. 1, ст. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование и существование Дальневосточного «буфера» очень своеобразный факт; подобные примеры в истории других стран почти не известны.

Признание Советским государством формальной независимости своей Дальневосточной окраины не было следствием стремления основных слоев населения этого края к отделению от Центра. Наоборот, рабочий класс и трудовое крестьянство Дальнего Востока активно стремились к установлению здесь власти Советов и были вполне подготовлены к ее принятию.

Однако сложная международная и военно-политическая обстановка в начале 1920 г. вынудила ЦК РКП (б) и Советское правительство во главе с В. И. Лениным отказать от немедленной советизации Дальнего Востока и предпринять глубоко рассчитанный политический маневр — создать восточнее оз. Байкал временное, искусственное государство — «буфер». В нем, по соображениям тактического порядка, решено было использовать демократическую республику как форму власти с участием представителей мелкобуржуазных партий, чтобы выбить у японских империалистов, кричавших о мифической большевистской опасности, повод для продолжения их агрессии на русском Дальнем Востоке.

В силу всех этих обстоятельств здесь сложилось некое парадоксальное положение — противоречие между несветской формой «буферной» государственности и объективными материальными условиями и революционным опытом трудящихся масс, «непосредственно подготовленных к Соввласти»¹. Разрешение этого противоречия не могло произойти на основе непосредственного роста внутренних революционных сил «буферной» республики, а зависело преимущественно от изменения международ-

¹ ПАЧО, ф. 81, оп. 1, д. 3, л. 78.

ного положения Советской России и прекращения иностранной интервенции на Дальнем Востоке.

Будучи воплощением тактики революционно-целесообразных компромиссов, ДВР явилась эффективным средством в борьбе за освобождение Дальнего Востока. Два с половиной года ее существования подтвердили правильность смелого курса на создание промежуточного «буферного» государства. Избегая прямого вооруженного конфликта с Японией и другими империалистическими государствами, ДВР смогла уже в начальный период своей деятельности, опираясь на помощь РСФСР, дипломатическими средствами добиться прекращения японской интервенции в Забайкалье. А это, в свою очередь, создало необходимые условия для разгрома вооруженным путем семеновской контрреволюции.

Успешное решение этой двуединой задачи создало условия для объединения Дальнего Востока, организационного оформления Дальневосточной партийной организации и завершения строительства «буферного» государства, в котором пролетариат во главе с Коммунистической партией фактически осуществлял безраздельное руководство всеми сторонами общественно-политической жизни.

Коммунистическая партия использовала свое руководящее положение в «буфере» с тем, чтобы превратить его в оплот последовательной борьбы — мирными и немирными средствами — за ликвидацию интервенции и белогвардейщины, за воссоединение Дальнего Востока с Советской страной.

Несоветская форма «буфера» открывала определенные возможности для маневрирования в области международной политики, для прорыва экономической и дипломатической блокады России, для использования межимпериалистических противоречий и известной нейтрализации наиболее агрессивных кругов США и Японии. Начиная от Гонготты и кончая Чанчуном, молодая дипломатия ДВР, поддерживаемая РСФСР, успешно соревновалась с опытной империалистической дипломатией Японии и США, обеспечивала укрепление внешнеполитических позиций, «буферного» государства, изживание на Дальнем Востоке империалистической интервенции.

В. И. Ленин, высоко оценивая роль ДВР и ее дипломатической деятельности, говорил на сессии ВЦИК 31 октября 1922 г.: «И если мы добились того, что... японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили

о своем уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии»².

Трезво оценивая обстановку, правительство ДВР, используя дипломатические средства борьбы, всемерно укрепляло Народно-революционную армию, которая, громя белогвардейщину в 1920—1922 гг. (ликвидация «Читинской пробки», унгерновщины, Волочаевская и Спасская операции), выбивала опору из-под ног интервентов, сводила на нет их усилия закрепиться на Дальнем Востоке. Сочетание дипломатических (мирных) и вооруженных (в отношении белогвардейцев) средств борьбы привело в конечном счете к ликвидации интервенции и белогвардейщины на Дальнем Востоке.

ДВР успешно выполнила свою историческую миссию, заключавшуюся в том, чтобы, не допуская на Дальнем Востоке прямого военного столкновения РСФСР и Японии, обеспечить сравнительно мирное изживание здесь интервенции и ликвидацию белогвардейщины. При ином повороте событий Дальний Восток и Забайкалье могли стать ареной тяжелой вооруженной борьбы Советского государства с японским империализмом, которая неизбежно бы отвлекла на восток значительные военные силы РСФСР и серьезно подорвала бы производительные силы страны. Существование «буфера» исключило такой ход развития, производительные силы края, его людские и материальные резервы были (хотя и с большими трудностями) поставлены на службу решения коренных военно-политических задач Советской власти на Дальнем Востоке.

По достоинству высоко оценивая предпринятый ЦК РКП (б) и Советским правительством тактический маневр, создание «буферного» государства как орудия борьбы за Дальний Восток, следует иметь в виду, что несоветская форма «буфера») как искусственного государства) не соответствовала внутренней расстановке социально-классовых сил на Дальнем Востоке, противоречила ей и поэтому периодически обнаруживала свое несовершенство. Объективная внутренняя логика развития социалистической революции на Дальнем Востоке требовала установления здесь диктатуры пролетариата в форме Советской власти.

После освобождения в конце октября 1922 г. территории ДВР от интервентов и белогвардейцев дальневосточный «буфер» перестал быть необходимым, потерял

² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Изд. 5-е, т. 45, с. 245—246.

смысл, исторически как форма борьбы изжил себя, исчерпал свои возможности.

Опыт создания и существования на Дальнем Востоке в 1920—1922 гг. своеобразного «буферного» государства, в котором традиционные формы буржуазного парламентаризма (Учредительное собрание и др.) были в конечном счете использованы против буржуазии, в интересах пролетарской революции, как средства борьбы с внутренней и международной империалистической реакцией, имеет с точки зрения стратегии и тактики марксизма-ленинизма большое принципиальное значение. Этот опыт убедительно свидетельствует о жизнеспособности марксистско-ленинской тактики революционно-целесообразных компромиссов, применение которых на практике требует высокой политической выдержки, способности соединить революционный энтузиазм с трезвым политическим расчетом, умения маневрировать в политике, сочетать твердость с гибкостью, военные средства борьбы с невоенными, вовремя переходить от одних форм и методов организации к другим с тем, чтобы «уклониться от заведомо невыгодного сражения», выиграть время и, добившись решающего перевеса сил, осуществить поставленную на данном этапе задачу революционной борьбы.

Опыт «буферной» политики на Дальнем Востоке своим острием направлен против сектантоко-догматической абсолютизации форм и средств революционной борьбы. Он учит умению овладевать всеми и всяческими формами борьбы и правильно использовать их во имя коренных интересов социалистической революции.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

АГИТПРОП — Агитационно-пропагандистский отдел.
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.
ГАХК — Государственный архив Хабаровского края.
ГАЧО — Государственный архив Читинской области.
Губном — Губернский комитет.
Дальбюро — Дальневосточное бюро ЦК РКП (б).
ДВР — Дальневосточная республика.
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога.
Нарревком — Народно-революционный комитет.
Нарсоб — Народное собрание.
НРА — Народно-революционная армия.
Облком — Областной комитет.
Облкомпарт — Областной комитет партии.
Облнарревком — Областной народно-революционный комитет.
Облнарсоб — Областное народное собрание.
ПААО — Партийный архив Амурской области.
ПАБурО — Партийный архив Бурятской АССР.
ПАНО — Партийный архив Новосибирской области.
ПАПК — Партийный архив Приморского края.
Г1АЧО — Партийный архив Читинской области.
ЦГА БурАССР — Центральный государственный архив Бурятской АССР.
ЦГАДВ — Центральный государственный архив Дальнего Востока.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской Революции.
ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии.
ЦПА НМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК. КПСС.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Укрепление политических позиций.....	28
Читинская объединительная конференция.....	—
Борьба за массы.....	37
Государственно-юридическое оформление ДВР ...	55
Глава II. Происки империалистов против ДВР весной и летом	
1921 г. и их крах.....	68
Военно-политическое положение буферной республики	—
Укрепление Народно-революционной армии	81
Разгром Унгерна.....	92
Глава III. Международное положение и внешняя политика	
ДВР во второй половине 1921—начале 1922 г ЮЗ	
Дипломатический раунд в Дайрене.....	—
Провал нового наступления белогвардейцев	118
Вашингтонская конференция. Уроки Дайренского	
«сидения».....	146
Глава IV. Освобождение Приморья от интервентов и белогвар-	
дейцев и воссоединение ДВР с Республикой Советов	157
Подготовка к завершению разгрома белогвардейщины	—
Чанчуньская конференция	165
Ликвидация «буфера» и восстановление власти Со-	
ветов на Дальнем Востоке.....	171
Заключение	182
Список сокращений	186

Борис Михайлович Шерешевский
В БИТВАХ ЗА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
(1920—1922 гг.)

Ответственный редактор
Виктор Алексеевич Демидов

Редакторы Г. Л. Спектор, *Е. А. Лойко*
Художник *Н. А. Савельева*
Технический редактор *П. М. Бурлаченко*
Корректор *В. В. Бухалоза*

Сдано в набор 23 января 1974 г. Подписано в печать 21 октября 1974 г.
МН 05749. Формат 84X108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. 5,875 печ. л.,
9,9 уел.-печ. л., 10,8 уч.-изд. л. Тираж 4300 экз. Заказ № 20. Цена 69 коп.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99,
Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука», 630077, Новосибирск, 77,
Станиславского» 25.